

Средневековый город

2

1974

Памяти
Героя Социалистического Труда
академика
СЕРГЕЯ ДАНИЛОВИЧА
СКАЗКИНА

Сергей Данилович
СКАЗКИН

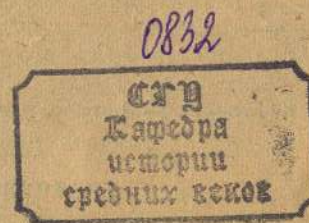
Средневековый город

ВТОРОЙ ВЫПУСК

★

★

Межвузовский
научный сборник

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1 9 7 4

С 23 Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 2. Изд-во Саратовского университета, 1974, с. 208.

Сборник посвящен ведущим проблемам экономического, социального и идейно-политического развития средневекового города. Рассматриваются такие малозученные вопросы, как процесс возникновения города на месте различных догородских очагов, как складывание патрициата в раннем городе. Специально рассматривается проблема возникновения в городе новых, феодальных форм собственности и их эволюция. Много внимания уделено позднему городу, зарождению раннекапиталистических элементов и начальному этапу подчинения ими мелкого ремесла. Освещаются малоизвестные страницы истории освободительной борьбы средневековых горожан, анализируются содержание их антифеодальных требований. Исследуются также некоторые вопросы демографии города позднего средневековья.

Статьи, представленные в сборнике, базируются на материале истории средневековых городов Византии, Франции, Германии, Англии, Италии, Чехии, Польши.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доц. В. А. Ермолаев, проф. А. А. Кириллова, проф. Г. Л. Курбатов, доц. А. Е. Москаленко, канд. истор. наук Т. М. Негуляева (отв. секретарь), и. о. проф. А. И. Озолин (зам. отв. редактора), проф. В. И. Рутенбург, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. В. В. Штокмар, доц. М. М. Яброва, доц. В. А. Якубский.

1 — 6 — 3

19 — 73

© Издательство Саратовского университета, 1974.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК 2

Редактор А. И. Яровинская
Художник П. И. Карчевский
Технический редактор Л. В. Агальцова
Корректор Р. Д. Калыгина

ИГ 05037. Сдано в набор 23/V-1973 г. Подписано к печати 24/I-1974 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 12,09 (13). Уч.-изд. л. 13. Тираж 1000 экз. Заказ 1887. Цена 78 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42. Типография Издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.

СТАТЬИ

С. М. Стам

Средневековый город и проблема возникновения феодальных форм собственности *

Капитализм вырос из феодализма. Еще в лоне феодального общества возникла первая устойчивая форма капиталистического производства — мануфактура, в условиях феодального общества совершался процесс так называемого первоначально накопления, который (хотя в разных странах он протекал с неравной интенсивностью) всюду означал разрыв с феодальными отношениями производства и собственности.

Но этот исторический скачок, явившийся исходным пунктом капиталистического развития, мог совершиться лишь там, где он был подготовлен¹. Он сам был следствием и итогом длительного процесса вызревания экономических отношений и форм собственности, без которых разрыв с феодальной экономической структурой был бы невозможен. Раскрывая тайну рождения капиталистической эксплуатации, К. Маркс пока-

* В основе статьи лежит выступление на V Международном конгрессе экономической истории (Ленинград, август 1970 г.).

¹ К. Маркс, анализируя процесс кругооборота капитала, обращает внимание на одно кардинального значения обстоятельство: для того чтобы масса непосредственных производителей могла стать объектом систематической эксплуатации в качестве наемных рабочих, «необходимые жизненные средства постоянно должны противостоять им в такой форме, в которой они могут быть куплены, т. е. в товарной форме. Следовательно, это положение требует уже высокого развития обращения продуктов как товаров, а потому и широких размеров товарного производства» (К. Маркс. Капитал, т. II. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 24, стр. 42). Только наличие этого неперемennого условия могло сделать капитализм исторической реальностью. И вот, кстати, та главная причина, по которой эта экономическая система не могла возникнуть при переходе от античности к средневековью.

зал, что, с одной стороны, все противоречия капитализма потенциально заложены уже в простых товарных отношениях и вытекают из закона стоимости², а с другой, что собственно капиталистическое отношение, производство прибавочной стоимости становится возможным только в результате диалектического отрицания простого товарного производства и его законов собственности³.

Чтобы такое диалектическое отрицание стало возможным исторически, отношения товарного производства и соответствующие им формы собственности должны были сами достичь высокого уровня развития. Первоначально товарное производство могло быть только простым, то есть мелким, опирающимся на самостоятельную мелкую собственность самого производителя. Неспособная к производству прибавочной стоимости, эта форма собственности не была капиталистической, но она не была и феодальной: в основе ее лежали отношения органически товарные, и феодальное «наделение» было чуждо ей с самого начала. Исторические истоки этой формы собственности, условия и, так сказать, механика ее рождения из недр феодальной экономики, ее соотношение и взаимодействие с собственностью феодальной, ее роль в развитии феодальной формации и в подготовке капиталистического производства, а также другие относящиеся сюда вопросы еще ждут глубокого осмысления со стороны историков-марксистов. В данной статье делается попытка рассмотреть некоторые стороны этой большой проблемы.

Формы собственности, свойственные феодализму, отличались особенностями поистине поразительными, их невозможно смешать ни с какими другими. С точки зрения буржуазно-правового мышления эти формы выглядели как нечто парадоксальное: бросалась в глаза неполнота права собственности, его разделенность между двумя и даже несколькими лицами, — вассал делил это право со своим сеньором, и даже соб-

² См. К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6, 43, 92, 157, 208, 365.

³ Там же, стр. 596—601; т. 24, стр. 43. Капитализм возникает на обломках простого товарного производства и пожирает его постоянно, и в то же время сам капитализм есть не что иное, как высшая ступень развития того же товарного производства (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 86—87, 104, 154, 192—193, 216, 257, 425, 444, 450, 458; т. 2, стр. 194, 329—330; т. 3, стр. 21, 164, 352—353, 365, 553, 617—620; т. 27, стр. 358—359).

ственности права верховного сюзерена были в известной мере ограничены правами его вассалов⁴.

Но эта разделенная форма собственности была лишь присущей феодализму формой распределения внутри правящего класса богатства, произведенного трудящимся классом. Она была лишь производным от тех коренных отношений собственности и форм присвоения, которые необходимо складывались между феодально-зависимым крестьянином и земельным собственником. Ее двойственность коренилась в неустранимом дуализме феодальных производственных отношений.

Как и при всяком другом классово-антагонистическом общественном строе, при феодализме собственность на средства производства монополизирована господствующим классом, тогда как класс непосредственных производителей лишен этой собственности. Однако неповторимое своеобразие феодализма, как способа производства, состояло в том, что это лишение никогда здесь не было полным⁵. И дело не только в том, что феодально-зависимый крестьянин обычно (хотя не всегда) был собственником своей хижины, рабочего скота, орудий труда. Самое существенное состояло в том, что он сохранял известные, закрепленные феодальным обычаем, пусть ограниченные, но несомненные, держательские, как бы владельческие, права на основное условие производства — землю⁶.

Эта экономически и юридически глубоко противоречивая ситуация сложилась со стихийной необходимостью. Кризис рабовладельческих отношений на обширнейших территориях Европы, входивших в состав Римской империи, властно потребовал отказа от развившихся было крупных, латифундиальных форм хозяйства и возврата к мелкому производству. Пусть это мелкое хозяйство возрождалось в несвободных (испомещение рабов) или полусвободных (колонат) формах, — его возрождение было фактом. А это не могло не породить могучей тенденции к возрождению и упрочению мелкой собственности,

⁴ Примечательно, что рациональное истолкование феодальных отношений собственности ставило в тупик уже тех средневековых юристов, которые подходили к ним с меркой римского права (см.: С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 128).

⁵ См. А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, стр. 20—22.

⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728—729, 730; т. III. — Там же, т. 25, ч. II, стр. 353, 356, 357—358.

ибо именно свободная мелкая собственность есть форма, наиболее соответствующая потребностям мелкого производства⁷. По всей видимости, именно эта тенденция лежала в основе бедности римской бедноты к варварам в пограничных районах, она же нашла яркое выражение в борьбе багаудов и в других подобных движениях эпохи, преимущественно крестьянских по своему составу. В ней же в первую очередь следует искать источник силы и стойкости сопротивления византийским завоевателям тех, возникших на римской территории варварских королевств (алано-вандалов, ост-готов), где мелкая свободная собственность успела упрочиться, а масса мелких производителей — вкусить от ее блага⁸.

Одновременно аналогичный процесс происходил на другом полюсе европейского общественного развития той эпохи. Из распада первоначальных, коллективных форм земельной собственности, присущих варварскому обществу, могло родиться только мелкое самостоятельное земледельческое хозяйство и соответствующая ему мелкая земельная собственность. Если в римском обществе возобладание мелкого хозяйства, а частично и мелкого владения, вытекло из кризиса изжившей себя эксплуататорской системы и отражало потребность перехода к более развитой классовой структуре, то у варваров аналогичные (и еще более мощные) процессы были выражением прогресса, ведшего от бесклассового общества к классовому. Какова была сила этой тенденции и жизненность возникшего аллода, свидетельствует тот факт, что сопротивление рабовладельческо-реставраторскому натиску было наиболее значительно там, где тенденция к высвобождению и самостоя-

⁷ «Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда...» (К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 371).

⁸ Этот момент, а также известное оживление и высвобождение местной крестьянской общины на римских территориях, подвергшихся варварским вторжениям, отмечают советские историки ранней Византии. См.: З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане («Византийский временник», V, М., 1952); ее же. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане (там же, VI, М., 1953); Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Византийском королевстве (там же, XI, М., 1956); З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI веке. М., 1959, ч. I, гл. 2; «История Византии», т. I, М., 1967, гл. 14, 15, 16; Е. Э. Липшиц. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. («Византийские очерки», М., 1971).

тельности мелкой собственности, развившаяся в римском обществе, могла опереться на силу новых отношений, принесенных завоевателями-варварами. И все-таки можно утверждать, что торжество самостоятельного аллодиального землевладения, того самого (по выразительной метафоре Энгельса) свободного франкского крестьянина, который стоял между поздне-античным колоном и средневековым крепостным⁹, явилось результатом не только варварского, но и римского развития. Здесь выразилась общая тенденция эпохи.

Однако исторически «царство мелкой собственности» могло быть лишь более или менее длительным промежуточным моментом. Именно то, что составляло его силу, должно было стать источником его слабости, его ахиллесовой пятой. Самостоятельность мелкой собственности была столь же неустойчива, как и то мелкое, примитивное земледельческое хозяйство, на которое она опиралась¹⁰. Отчуждаемость этой мелкой собственности, составлявшая важнейший атрибут ее самостоятельности, предопределяла ее размывание, а затем поглощение крупным землевладением¹¹. Возникновение и возобладание последнего было следствием упадка первой, оборотной стороной действия тех же неодолимых сил, порожденных победой частной собственности на землю.

В итоге тождество труженика и собственника рушится. Работник оказывается лишенным основного условия производства, которое теперь обособляется и противостоит ему как крупное землевладение, сосредоточенное в руках нетрудового меньшинства общества. Возникшее противоречие должно было породить отношения эксплуатации. Но в условиях безраздельного господства натурального хозяйства для этого непременно требовалось *наделение* работника земельным участком, как средством воспроизводства его рабочей силы. Только так в тех условиях могли соединиться и получить форму движения отмеченные выше противоположности.

В зависимости от конкретно-исторических условий (в первую очередь — от степени развития института частной собственности и от интенсивности разложения общины) эти процессы экспроприации и апроприации непосредственных производителей, процессы, создававшие предпосылки феодальной си-

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.

¹⁰ См. там же, т. 25, ч. II, стр. 148—149.

¹¹ См. там же, т. 21, стр. 167.

стемы производства, протекали своеобразно, многолико¹². Но сущность их и итоги оставались общими: работник лишился права собственности на землю, он сидел теперь на чужой, господской земле, был так или иначе наделен ею¹³.

Этим наделением определялась та экономическая зависимость непосредственного производителя (по основному условию производства), которая была решающей предпосылкой всех других возможных видов зависимости — военной, судебной, личной и т. д. Это наделение было необходимым условием феодальной эксплуатации, производства феодальной земельной ренты. Только через наделение крупное землевладение могло реализоваться как источник присвоения прибавочного труда производителя. Ибо абсолютное господство земледелия и, значит, натурального хозяйства не есть нечто внешнее и необязательное по отношению к феодализму, но является непосредственным условием возникновения этой системы производства¹⁴. А при натуральном хозяйстве возместить затраты рабочей силы невозможно иначе как за счет валового продук-

¹² См. А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза («Средние века», вып. 31, 1968); З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII международном конгрессе историков в Москве. М., 1970; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии («Византийские очерки», М., 1971).

¹³ Именно в этом смысле употреблял применительно к феодализму понятие апроприации Ф. Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 21, стр. 349). Развивая мысль Энгельса, В. И. Ленин подчеркивал главное содержание этой апроприации (заметим в скобках, что в обоих случаях речь идет об *а п апроприации*, а не об *а п роприации*, что могло бы быть понято как отнятие собственности, то есть как синоним экспроприации) — наделение работника с целью обеспечения условий его эксплуатации (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184; также стр. 205). Нужно ли доказывать, что работника, сохранившего собственность на свою землю, не было бы ни необходимости, ни возможности наделять подобным образом. Феодальная апроприация могла быть только следствием и оборотной стороной экспроприации массы свободных общинников, — в какой бы конкретной форме эта экспроприация ни совершалась. Очень пронзительно и тонко этот вопрос рассмотрен А. И. Неусыхинным (см. А. И. Неусыхин, Указ. соч., стр. 18—22). Весьма важно, что и университетский учебник («История средних веков», т. 1, под ред. акад. С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, А. И. Данилова и Я. А. Лавицкого, М., 1966, стр. 132—133) теперь со всею четкостью отмечает факт массовой экспроприации земель франкского крестьянства в период аграрного переворота VIII—IX веков, оговаривая при этом своеобразие этой экспроприации и ее органическую связь с наделением и прикреплением зависимых производителей к земле, к вотчине.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87—88; т. 25, ч. II, стр. 349, 359—360; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

та той же хозяйственной единицы, — только так могло быть обеспечено воспроизводство. Как отмечал Маркс, на держательском наделе феодально-зависимый крестьянин «постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд»; то, что можно назвать заработной платой работника, производится здесь «им же самим»¹⁵. Иными словами, феодальный надел был сферой приложения необходимого труда.

Разумеется, эта функция надела с наибольшей ясностью (и легкостью) обнаруживается в барщинном поместье, где вообще все отношения предельно обнажены. При продуктовой и денежной ренте надел мог возрастать, принимая на себя в большей или меньшей мере также и функцию производства прибавочного продукта; в условиях барщинно-крепостнической системы позднего средневековья он, как правило, нивелировался до уровня, обеспечивавшего лишь систематическое голодание крестьянина (впрочем, и господство денежной ренты, порождая острое расслоение крестьянства и частичное применение наемного труда, нередко вело к сокращению масштабов надела ниже стоимости необходимейших средств существования). Но за всеми этими отклонениями в ту и другую сторону ясно проступает главное экономическое содержание надела как специфически феодальной формы возмещения затрат рабочей силы. По классическому определению В. И. Ленина, в поместье крестьянский надел служил как бы натуральной заработной платой¹⁶.

Именно это своеобразие феодальной системы, когда средства, необходимые для его собственного воспроизводства, работник производил на фактически ему самому принадлежащем поле производства¹⁷, обуславливало известную его самостоятельность и вызывало к жизни внеэкономическое принуждение, как орудие, без которого прибавочный труд зависимого крестьянина не мог быть присвоен земельным собственником. Однако поскольку хозяйство крестьянина велось на господской земле, его самостоятельность была по сути дела лишь кажущейся. Это был якобы «самостоятельный» земледелец¹⁸. В действительности крестьянские наделы являлись составной частью поместья, обеспечивали производство феодальной земельной ренты. В. И. Ленин не уставал подчеркивать эту не-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 580; т. 25, ч. II, стр. 356.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 357, 358.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 206.

самостоятельность крестьянского наделного хозяйства в барщинном поместье, призванного в конечном итоге обслуживать интересы не крестьянина, а помещика¹⁹.

Попытаемся сжато проследить ход мысли автора «Капитала» при анализе отношений собственности, связывавших эксплуататора и работника в феодальном поместье. Выясняя экономическую необходимость внеэкономического принуждения при феодализме, Маркс подчеркивал известную самостоятельность феодального крестьянина от сеньора. Как ни странно это может показаться с первого взгляда, но, говоря о феодальном земельном собственнике (и при этом — в условиях тягчайшей, барщинной формы эксплуатации), Маркс слово «собственник» ставит в кавычки, называет сеньора номинальным землевладельцем, номинальным земельным собственником²⁰. Ведь необходимый продукт, обеспечивавший самую возможность эксплуатации его рабочей силы, феодальный крестьянин, в отличие от раба, производил в своем хозяйстве. Однако — на господской земле. Это решающее обстоятельство превращало «самостоятельность» крестьянского хозяйства в несамостоятельность, а самого земледельца — в придаток земли, в человека зависимого, лично несвободного, крепостного²¹. «Возделыватель-владелец» в итоге оказывается всего лишь эксплуатируемым непосредственным производителем, весь или почти весь прибавочный труд которого даром, следовательно фактически по принуждению, присваивается собственником того условия производства, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственником земли. Феодальный крестьянин здесь — не собственник, но лишь владелец своего наделного участка²².

Раскрывая коренное противоречие всего феодального строя, выраставшее непосредственно из отношений производства и определявшее всю специфику данной формации сверху донизу, Маркс противопоставляет непосредственного производителя, владеющего условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, и *собственника* земли. При этом курсивом подчеркивается реальность противоположного значения этих понятий²³.

Эти, казалось бы, взаимоисключающие антиномии суть

¹⁹ См. там же, т. 1, стр. 191, 516; т. 3, стр. 184.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 353.

²¹ См. там же, стр. 353—354.

²² См. там же, стр. 354—360.

²³ См. там же, стр. 357—358.

лишь точное научное выражение реальных противоречий экономической системы феодализма. Ведь крестьянское «владение» наделом как раз и означало, что земля не принадлежала земледельцу, что она находилась в чужой собственности, что феодально-зависимое крестьянство было лишено собственности на землю, сделавшейся объектом монопольной собственности класса крупных землевладельцев. Крестьянин «владел» своим тяглым наделом именно потому, что он не был землевладельцем. Вместе с тем именно эти противоречия служили движущими пружинами экономического развития при феодализме, определяли и форму и направление этого развития.

В самом деле, отсутствие у феодального крестьянина прав собственности на его надел связывало его хозяйство по рукам и по ногам, делало его составною частью вотчины, заставляло производителя напрягать свою рабочую силу и тратить ее сверх меры, определяемой его собственными необходимыми потребностями, — для производства феодальной ренты в пользу господина. Но та же зависимость, несвобода наделного хозяйства, которое фактически велось самостоятельно, побуждала производителя-«владельца» усиленно напрягать свою рабочую силу, чтобы, за пределами того, что поглощалось эксплуататором, больше производить и больше присваивать, самостоятельно распоряжаться своим временем и произведенным продуктом, короче — чтобы сделать свое зависимое, псевдосамостоятельное хозяйство хозяйством действительно самостоятельным.

Ход и исход борьбы между крестьянским хозяйством и помещьем складывался по-разному в зависимости от конкретных исторических условий. Однако в целом всю аграрную историю феодализма можно резюмировать прежде всего как историю развития несвободного, феодально-зависимого крестьянского хозяйства в направлении к независимому, действительно самостоятельному мелкому производству²⁴. В этой борьбе за экономическую самостоятельность крестьянское держатель-

²⁴ Говоря «прежде всего», мы имеем в виду реальность и обратной тенденции. Но эта тенденция к регенерации уже изжитых форм феодальной эксплуатации по самой своей природе могла быть лишь отклонением, могла возобладать лишь там, где процесс поступательного экономического развития и максимального раскрытия внутренних противоречий феодализма в силу каких-то причин тормозился, а потому могла иметь лишь подчиненное и преходящее значение, хотя, как известно, при некоторых особых условиях она могла породить целую историческую полосу «второго издания крепостничества».

ское хозяйство получает реальную опору только с возникновением рынка, только втягиваясь в товарные связи, только по мере превращения в мелкое товарное производство.

Однако сколь бы значительными ни были успехи крестьянского хозяйства в продвижении по этому пути, в условиях феодализма это развитие никогда не могло полностью завершиться. Покуда крестьянин оставался держателем господской земли, покуда его хозяйство было обязано какими-то, пусть даже сравнительно незначительными повинностями, оно не могло стать действительно самостоятельным, а производитель не мог превратиться в свободного собственника.

Феодальная реакция во Франции перед революцией 1789 года, снова навязавшая широким слоям крестьянства тяготы серважа, казалось бы — давно забытого, ясно показала, как далек был французский цензитарий от действительной собственности на землю. И даже в Англии, где к началу XV века масса крестьянства, по-видимому, более всего приблизилась к положению фактически самостоятельных хозяев, почти собственников, — с конца того же столетия эта же масса сделалась жертвой безудержных огораживаний, была экспроприрована и изгнана со своих земель. Очевидно, феодалы только потому смогли так легко растоптать принадлежавшие крестьянам феодальные же права владения, что это были всего лишь «гарантии существования»²⁵ тяглого производителя, действительная же собственность на землю принадлежала только лендлордам. Потому-то на их стороне была и сила.

Возобладание денежной ренты в феодальной деревне, как показал Маркс, вело к превращению феодальных возделывателей-владельцев не в самостоятельных собственников, а в мелких арендаторов. Именно в этой форме (при благоприятных для того условиях) и экспроприруется масса крестьян-владельцев. Их место занимает капиталистический арендатор-фермер, эксплуатирующий наемных рабочих²⁶. Лишь немногочисленные, наиболее богатые крестьяне получают при этом возможность выкупить свои оброчные обязательства и превратиться в независимых крестьян с полной собственностью на возделываемую ими землю²⁷. Маркс убедительно показал (и это подтверждается всей аграрной историей Европы в новое время), что действительно самостоятельное, независимое

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 727.

²⁶ См. там же, т. 25, ч. II, стр. 362.

²⁷ См. там же, стр. 362—363.

хозяйство крестьян, опирающееся на их свободную мелкую собственность на землю, возникает лишь в результате разложения отношений феодальной земельной собственности, с ликвидацией феодального режима²⁸.

Пока же земледелие оставалось определяющей сферой общественного производства и господство крупного землевладения сохранялось, сжато очерченные выше феодальная система производственных отношений и соответствующая ей форма собственности постоянно воспроизводились. Вопреки кричащей противоречивости этих отношений, их «противоестественности» с точки зрения буржуазной экономики, а в действительности именно благодаря этой противоречивости, они отличались редкой устойчивостью.

Эти отношения собственности, сложившиеся и сохранявшиеся в силу стихийной необходимости, предопределяли феодальную эксплуатацию зависимого держателя крупным землевладельцем. И именно феодальная эксплуатация давала данным отношениям собственности и лежавшему в их основе противоречию форму движения, обеспечивала их воспроизводство. В феодальной вотчине в процессе производства феодальной земельной ренты с необходимостью воспроизводился феодальный эксплуататор. И с той же необходимостью, через надел, воспроизводился феодально-зависимый, эксплуатируемый крестьянин. Воспроизводились и те узы, которые неразрывно связывали оба полюса противоречия, образующие основу феодального способа производства. Сеньор был заинтересован в сохранении держательского надельного хозяйства, чье «самостоятельное» функционирование было необходимым условием производства феодальной земельной ренты, то есть условием существования самого земельного собственника как феодала. Зависимый крестьянин был заинтересован (хотя и существенно иначе) в сохранении его тяглого надела, который был условием его «кормления», его существования в рамках данной системы.

При этом воспроизводились и те правовые понятия и нормы, которые оформляли эту глубоко противоречивую связь в юридическом сознании общества: более или менее разработанные формулы нерушимости прав верховной собственности крупных землевладельцев и известное правовое обоснование «владения» крестьянина его держательским наделом. Фео-

²⁸ См. там же, стр. 371.

дальное право санкционировало обе эти противоположности²⁹. На этой реальной почве вновь и вновь воспроизводились и присущие данной эпохе идеологические стандарты, в частности та иллюзия «покровительства», патерналистской защиты крестьянина сеньором, которая впоследствии, под пером апологетически мыслящих либерально-буржуазных историков, вылилась в форму идеи «эквивалентного обмена услуг» и «гармонии интересов» лорда и виллана.

Казалось бы, ничто не могло поколебать устойчивости этих отношений. Силой вещей производитель был прикован к колеснице крупной земельной собственности. Он был ее рабом, и самый его труд постоянно воспроизводил его как раба крупного землевладения, то есть как зависимого, феодально-эксплуатируемого держателя. Откуда же в этих условиях могли возникнуть иные, нефеодалные отношения?

Однако самое хозяйственное развитие в рамках очерченных отношений производства и собственности должно было привести к нарушению этой устойчивости. Ибо развитие это неодолимо вело также к развращению того противоречия, на котором базировались данные отношения и которое давало им жизнь. При этом наиболее уязвимым оказалось именно то, что казалось самым надежным элементом этой структуры — надельная система.

Рост экономических сил феодальной вотчины, поскольку он происходил прежде всего в держательских хозяйствах, должен был пробудить в них дотоле дремавшую тенденцию к действительной экономической самостоятельности. Вызванное тем же хозяйственным развитием возрастание в важнейшей производительной силе феодального общества — трудового населения деревни — неизбежно должно было вести к дроблению наделов. Поскольку феодалы стремятся увеличить число зависимых держателей, надельная система действительно усиленно дробится, — памятники XI—XII веков запечатлели этот процесс очень рельефно — порою крестьянские надельные

²⁹ Очевидно, именно это обстоятельство имел в виду Маркс, когда писал, что в XVI веке английские лендлорды согнали крестьян с земли, «на которую последние имели такое же право собственности, как и сами феодалы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 730). Речь идет не о равенстве прав сеньоров и их зависимых держателей, а об *однородности феодальной природы*, феодальной обусловленности как того, так и другого права (такое же *феодалное* право собственности). Ибо отношения феодальной собственности необходимо предполагали, включали в себя также и держательские права крестьянина на его тяглый поместный надел.

доводились до голодной нормы в 1 гектар и даже менее³⁰. В результате в поместьях образовывался слой малоземельных держателей — крестьянской бедноты, зависимой и эксплуатируемой, но не обеспеченной необходимейшими условиями воспроизводства своей рабочей силы.

Поскольку этот элемент не мог обеспечить производства феодальной ренты (помещику был наиболее выгоден «справный мужик»), сеньоры сопротивлялись дроблению наделов, и в поместьях возникал слой вовсе безнадельных крестьян. По всей видимости, это были прежде всего младшие сыновья зависимых держателей, чей труд продолжал эксплуатировать сеньор, но кто оказывался все более лишним в отцовском хозяйстве и не мог рассчитывать получить самостоятельный надел и обзавестись семьей.

Так в феодальной вотчине возникает явление, чуждое раннему феодализму, — «избыточное» население — малоземельное и вовсе безземельное. Вместе с тем в зависимом крестьянстве, и прежде всего в этом «избыточном» слое, пробуждается острое недовольство, сопротивление, изливавшееся более всего в массовом бегстве из поместий.

Бегство крепостных из поместий явилось выражением все того же стремления мелкого производства вырваться из-под власти крупного землевладения, стать свободным, самостоятельным мелким производством. Но то, что прежде было лишь скрытой потенцией, теперь обрело, так сказать, кинетическую силу. Для такого превращения должны были созреть необходимые условия. Это были, во-первых, — полная победа и стабилизация феодального строя, со всеми вытекающими отсюда для крестьянства тяготами крепостнической эксплуатации; и, во-вторых, в связи с возрастанием аграрного населения (на почве той же стабилизации и некоторого подъема производительных сил), — отмеченное появление в поместье слоя малоземельных и безземельных зависимых крестьян.

В итоге для части крестьянства складывалась экономическая ситуация, в корне противоречившая самим основам феодального хозяйствования, опиравшегося на систему надельности: появились зависимые производители, лишены наделов, а значит лишены возможности прокормления и вообще при-

³⁰ См. G. Duby. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962, t. 1, p. 216—219; М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв., М., 1962, стр. 306—319.

ложения своей рабочей силы к главному источнику существования — к земле. Здесь оказывалась нарушенной самая основа феодального производства — единство, взаимосвязанность двух образующих его противоположностей.

Естественно, что эти элементы феодальной деревни, поставленные на грань отрыва от крупного землевладения, стремились полностью реализовать и закрепить этот отрыв путем бегства из поместий. Другое дело, насколько это стремление действительно могло реализоваться. Это зависело прежде всего от того, куда устремлялся поток беглых крепостных. Можно выявить три основных его русла. Первым были Крестовые походы.

Едва ли нужно подробно доказывать, что эти грандиозные военно-колониционные экспедиции, которые вовлекли в свой водоворот сотни тысяч людей и бросили их из Западной Европы за тридевять земель, в неведомые просторы Востока (по значительности вовлеченных в передвижения масс в предшествующей истории Европы Крестовые походы уступали только Великому переселению народов, но в той же мере далеко превосходили передвижения населения в связи с Великими географическими открытиями и началом колониальной экспансии в XV—XVI вв.), могли быть вызваны только равновеликими причинами. То был в сущности первый глубокий перелом, своеобразный кризис в развитии западноевропейского феодализма. Как бы остры ни сделались в XI веке внутриклассовые противоречия между крупными феодалами и размножившимся мелким рыцарством (в котором было много мелкопоместного и даже беспоместного элемента), глубокие причины крестового движения коренились в крайнем обострении междуклассовых противоречий. Антифеодальной подосновы участия масс крестьянской бедноты в крестовом движении теперь не могут отрицать даже идеалистически мыслящие историки³¹. Не случайно многотысячное войско этой бедноты ринулось в поход раньше, чем профессиональные воины — феодалы.

Известно, что участие в «священной войне» не дало крестовосцам-крестьянам вожденного свободного владения землей. Еще важнее, что это участие само по себе почти не изменило, да и не могло изменить ситуации, сложившейся в феодальной деревне Западной Европы ко второй половине XI века: Кре-

³¹ См. об этом: М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 63—64.

стовые походы лишь выводили социально-взрывчатый материал за пределы породившей его исторической среды.

Может показаться странным: если глубокие сдвиги в экономической и социальной жизни Западной Европы, совершившиеся в XI веке, были вызваны подъемом производительных сил земледелия, то следствием их, по всей видимости, должно было быть известное улучшение положения крестьянства, а значит, и какое-то смягчение внутривотчинных противоречий. Чем же тогда вызывалось это широкое бегство из поместий, что заставляло крестьян очертя голову бежать за землей и свободой не только из родного угла, но и из родной страны, в неведомые страны Востока, которые еще нужно было брать с бою?

Однако странность эта — кажущаяся. Стабилизация феодального строя к XI веку, что включало фиксацию повинностей и известное упрочение держательских прав зависимого крестьянства, а также прекращение набегов арабов, норманнов, венгров, которые терзали Европу в предшествующие два столетия, — все это должно было вызвать некоторый подъем европейского земледелия. Но едва ли правильно преувеличивать меру этого подъема. Его первейшим следствием явился прирост деревенского населения. И, видимо, очень скоро этот прирост превысил те возможности, которые принес подъем продуктивности сельского хозяйства.

Не следует упускать из виду главного: возрастание земледельческого населения совершалось в условиях утвердившегося феодализма, когда крестьянство почти полностью было поглощено вотчиной, когда практически не осталось земли «без сеньора» и когда самое возрастание производительности крестьянского хозяйства совершалось внутри феодальной вотчины, органической составной частью которой стало это хозяйство, — оно служило теперь прежде всего интересам не производителя, а эксплуататора-землевладельца.

При этих условиях между производительностью земледелия и благосостоянием крестьянина не могло быть того прямого соответствия, какое легко предположить с первого взгляда. И дело не только в возрастании феодальной ренты, умножении повинностей (в первую очередь оброчных), о чем свидетельствуют источники. Еще важнее было то, что в условиях поместья с надельной системой прирост населения, как это было отмечено выше, неизбежно грозил дроблением наделов. Весьма вероятно, что некоторая часть зависимых держателей действительно сколько-то выиграла от подъема продук-

тивности земледелия. Но значительному (и возраставшему) слою крестьянства этот подъем в условиях феодально-поместного строя принес малоземелье и безземелье, бедность, полуголодное и просто невыносимое существование. Только этим можно объяснить и поразительный успех проповеди Петра Пустынника в массах бедноты (источники говорят именно о бедноте!), и ту поспешность и решимость отчаяния, с которыми ринулись навстречу полной неизвестности, по меткому выражению хрониста — «в добровольное изгнание», полчища бедных крестоносцев в 1096 году, и неоднократные повторения подобных же феноменов в XII столетии. Думается, что *mutatis mutandis* к феодальному обществу вообще и к интересующей нас историко-экономической ситуации в частности вполне приложима основанная на анализе развития другой антагонистической социальной системы мысль Маркса о том, что «только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых»³².

Несомненно, Крестовые походы были формой бегства крестьян от феодального гнета и безземелья. Но гораздо более важным руслом, по которому устремлялся этот поток, явилась внутренняя колонизация.

Как недвусмысленно свидетельствуют источники, в широком процессе раскорчевки лесов, расчистки пустошей, основания новых селений, который охватил Западную Европу от середины XI до конца XIII века, главной действующей силой явилась деревенская беднота. Хартии об основании салветатов и бастид прямо говорят о поселении «бедных людей», о «чужих людях» — беглых из других вотчин, а нередкая в этих хартиях незначительность льгот и скудость предоставляемых наделов убеждают, что новые поселенцы не имели лучшего выбора. Это были бедняки, в большинстве своем сервы, гонимые из поместий тяжким феодальным гнетом и безземельем³³.

Несомненно, что в распашке пустошей должны были быть заинтересованы и сеньоры (правда, далеко не все, но лишь те, кто располагал такими пустошами и лесами), что монастыри (особенно цистерцианские) сами основывали заимки, «гумна» (*granges*), поселки, что порою (хотя отнюдь не всегда) вот-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 671—672.

³³ См. С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего периода (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, 1969, стр. 53—62.

чинник и сам был не очень заинтересован удерживать в поместье «лишнее» зависимое население, не обеспеченное наделами.

Но не следует преувеличивать значения этих факторов. Как подтвердили новейшие исследования³⁴, внутренняя колонизация была процессом стихийным, шедшим прежде всего снизу. Как правило, заимки и новые поселения основывались беглыми самовольно, и лишь потом вотчинники, стремясь ввести эти следствия прямого крестьянского захвата в русло «регулярной» феодальной эксплуатации, жаловали им статус «законных», более или менее льготных, салветатов или поселений госпитов по милости сеньора.

Нужно попытаться представить себе те условия, в которых люди, бежавшие из родного угла и вынужденные постоянно опасаться сыска, возвращения в поместье и наказания, лишенные какой-либо материальной поддержки, поселялись в диком месте, валили и корчевали лес, поднимали тяжелую новь или столетиями заброшенную и заросшую залежь, превращая ее в хлебное поле, — чтобы, во-первых, оценить тот истинный подвиг, который совершили средневековые крестьяне в те переломные столетия, глубоко изменившие весь облик феодальной Европы, и, во-вторых, чтобы уяснить себе, что поднять феодальное крестьянство на такие отчаянные усилия могла только безвыходная необходимость, крайняя экономическая вынужденность.

За нейтральным понятием «внутренняя колонизация» скрывается одна из важнейших в ту пору форм пассивного сопротивления зависимого крестьянства феодальному гнету и одна из величайших попыток мелкого производства вырваться из под гнета крупного землевладения и конституироваться как независимое производство и как свободная мелкая собственность.

Эта попытка не осталась вовсе без последствий. Вольности салветатов и бастид, облегченный статус госпитов не могли не оказать влияния и на положение остальной массы зависимого крестьянства (сеньоры должны были идти на уступки, иначе им грозила опасность вовсе потерять зависимую рабочую силу), немало способствовали переходу к новым, более прогрессивным формам феодальной эксплуатации.

Но мечта о независимом крестьянском хозяйстве, о сво-

³⁴ Ch. Nigounet. Bordeaux pendant le haut Moyen Age. Bordeaux, 1963, p. 240—245.

бодной мелкой собственности по-прежнему оставалась недо-стижимой. Так или иначе новоселы оказывались снова на гос-подской земле, а значит, при всех частичных изменениях, вос-станавливались держательские отношения, отношения наде-ления, следовательно возрождались, оставались в силе и пре-жние, феодальные формы собственности.

Иначе складывалось дело, когда крестьянин убегал в го-род. Именно бурный приток сельских иммигрантов явился важнейшим фактором возникновения средневековых городов, их реального отделения от деревни. Как свидетельствуют фак-ты, широкое отделение ремесленного труда от земледельче-ского, долго вызревавшее в недрах феодальной деревни, со-вершилось не плавно и спокойно, путем постепенного подъема со ступеньки на ступеньку: сначала ремесленник обслуживает свою деревню, потом — несколько деревень, и, наконец, посе-ляется в пункте наиболее обеспеченного приложения своего труда, — так возникает город.

Развитие производительных сил создавало лишь необходи-мые *предпосылки* указанного разделения, но экономические силы не действовали сами по себе — ни автоматически, ни непосредственно. В действительности процесс возникновения средневековых городов весьма мало вяжется с представлени-ми о постепенной эволюции и непосредственной преемственно-сти. Процесс этот начинался как отрыв части сельского на-селения, отрыв от родных мест и привычного, векового образа жизни, как бегство крепостных из поместий. То было третье, и социально наиболее плодотворное, направление этого бег-ства.

Несомненно, предпосылкой отделения города от деревни явилось известное развитие профессионализованного ремес-ленного труда еще в недрах самой феодальной деревни. Но исторические источники, доносящие до нас штрихи драмати-ческой истории возникновения средневековых городов, рису-ют картину не переселения в города отдельных наиболее ис-кусных мастеров, а стихийного наплыва сельского люда, в огромном большинстве — бедноты. Эти люди требуют свобо-ды занятия ремеслом, но в первую очередь, они требуют пра-ва поселения, предоставления хотя бы небольшого усадебного участка (*casale*).

Малые, порою карликовые, размеры «усадеб», которыми на льготных условиях городские сеньоры привлекали новосе-лов, сами по себе достаточно выразительно говорят о том, на-сколько реальным фактом жизни феодальной вотчины этой

поры стало безземелье крестьянской бедноты, какой степени невыносимости достиг феодальный гнет. И, следовательно, насколько далеко от исторической действительности представ-ление о прямой зависимости при феодализме между продук-тивностью земледелия и благосостоянием массы поместного крестьянства, сколь горек для этой массы оказался плод пер-вого значительного подъема производительных сил европей-ского сельского хозяйства, завоеванный ее же напряженным трудом в последние столетия раннего средневековья, в неволе феодальных вотчин.

Приток сельских эмигрантов в города не прекращался на протяжении всей второй половины средневековья. От середи-ны XI и до конца XIII века он протекал особенно интенсивно, временами вздымаясь бурными волнами, которые отложились в истории различными «слоями» — сальветатами, бастидами, новыми городами. H

Факты свидетельствуют, что там, где феодальный гнет был слабее, где сохранялся значительный слой свободного или полусвободного крестьянства, этот отлив населения из деревни был слабее. Так, в Англии XIII века довольно значительный ремесленно-торговый элемент обнаруживается внутри ма-норов, преимущественно в составе крестьянских фригольдер-ских элементов³⁵. Очевидно, эти элементы, хотя и выступали в новой экономической роли, тем не менее не испытывали настоя-тельной необходимости покинуть родное село и бежать в город. Еще более разительная картина рисуется в тех странах, где феодальная вотчина вообще не сумела стать абсолютно господствующей формой производственных отношений и по-глотить массу мелкого аллодиального землевладения свобод-ных общинников. Так, в Швеции в XIV веке короли принуди-тельно переселяли в города деревенских ремесленников из числа свободных крестьян — бондов, занимавшихся весьма широко и торговлей, но не желавших покинуть родных мест³⁶.

Не подлежит никакому сомнению: широкое бегство крепо-стных, сыгравшее столь важную роль в возникновении сред-невековых городов в большинстве стран Западной Европы, в огромной степени было порождено непосильной тяжестью сложившегося к этому времени феодального гнета, неодоли-мым стремлением наиболее угнетенных, бедных, безземельных

³⁵ См. М. А. Барг. Указ. соч., стр. 220, 225—226.

³⁶ См. А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники средневековой Шве-ции (XIV—XV вв.). М., 1967, стр. 263; также стр. 77—78, 86—87.

элементов зависимого крестьянства порвать узы, приковывавшие их к феодальному землевладению, и путем ухода в другую сферу хозяйственной деятельности ускользнуть из-под тяжелой и вездесущей руки вотчинника.

Кустальев Ремесленный элемент, бесспорно, присутствовал в этом потоке новоселов, но его основу составляли крестьяне, не получившие наделов, утратившие возможность приложения своего труда к земле, или бежавшие из поместий от непосильного бремени повинностей. Примечательно, что нередко в этих случаях ремеслом, которого более всего домогались первые поселенцы, было скотобойное и мясоторговое дело, а их приусадебные участки пускались под огороды и виноградники. Иными словами, поток сельских эмигрантов, устремившийся в возникавшие и возрождавшиеся города, носил первоначально по преимуществу аграрный или, по меньшей мере, полуаграрный характер. Только поэтому он был настолько массовым, что смог за полтора столетия в несколько раз увеличить численность городского населения, о чем убедительно свидетельствует многократное последовательное расширение стен большинства западноевропейских городов в XII—XIII вв.

Условия города — с одной стороны, земельная теснота, с другой — быстро развивающийся рынок — неодолимо толкали вчерашних беглых крестьян на путь специфически подгородного, товарного земледелия (овощеводство, виноделие) и все более и более — на путь ремесла. А это необходимо вело к возникновению новых отношений производства и присвоения, новых форм собственности.

Рождение средневекового города было следствием все тех же глубоких сдвигов в хозяйственной основе европейского феодализма, которые совершились в XI веке, и неотъемлемой составной частью всего того комплекса драматических событий, которые были вызваны этими сдвигами. Сколь бы ни были тягостными эти сдвиги и события для феодально-зависимого крестьянства, они не были бесплодными. Из мучительных поисков выхода возникли не только отряды Вальтера Голяка, но и льготные салветаты, поселения госпитов, свободных от личной крепости, обязанных преимущественно лишь продуктовым оброком. Эти же поиски, это же сопротивление феодализму привели бежавшую из поместий бедноту в возникающие города, в новые слободы и бурги, заставили вчерашних патриархальных, феодально-зависимых крестьян превратиться в товаропроизводителей, в ремесленников, влили живую кровь в давно омертвевшие костяки древних городов, переживавших

теперь второе рождение, вызвали к жизни множество совершенно новых городов, заложили основу нового городского населения и целого нового исторического этапа городского развития — средневековых городов.

Средневековый город был порожден противоречиями развития феодального поместья и лежавшего в его основе феодального способа производства. Но он не был ни повторением, ни прямым продолжением феодального поместья. Он смог стать именно городом, в противовес феодальной деревне, смог сыграть огромную революционизирующую роль в развитии феодального общества только потому, что бегство зависимых крестьян из поместья и превращение их в горожан — в ремесленников и торговцев — означало, по меткому выражению Маркса и Энгельса, их отрыв от феодальной системы³⁷. Реально такой отрыв мог произойти только в случае возникновения в городе новых отношений производства и присвоения, новой формы собственности. И действительно, именно в этом состояла главная новизна, которую внес в феодальное общество город.

Решающее значение при этом имела сама перемена сферы приложения труда. В отличие от крестьянина, ремесленник работал уже не на пашне, а в своей мастерской, он обрабатывал не землю, а сырье, уже полученное от земли, от природы предшествующим, сельскохозяйственным трудом. В процессе промышленного производства, которое служило основой его существования, ремесленник уже не зависел от земли, а значил — и от земельного собственника. Производя промышленные изделия, ремесленник с самого начала должен был стать товаропроизводителем — без посредства рыночного обмена он уже не мог воспроизвести своей рабочей силы.

Все это коренным образом меняло производственные отношения, вело к возникновению в ремесле отношений собственности, принципиально отличных от тех же отношений в феодальном поместье. В отличие от феодально-зависимого крестьянства, ремесленник был собственником условий своего труда — орудий производства и сырых материалов. Здесь не было места для системы наделения, на которой базировалась феодальная эксплуатация. Хозяйство ремесленника — самостоятельная товаровладельца — уже не было составной частью поместья, каким было хозяйство феодального земледельца. Оно не производило земельной ренты. Очевидно.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 53, 77.

но, оно не укладывается в рамки феодального способа производства³⁸.

Перед нами особый экономический уклад, новый для феодального общества — самостоятельное мелкое товарное производство в промышленности. Его экономическую основу составляло не держание, а собственность производителя на средства производства.

Капитализм не изобрел частной собственности³⁹. Он только развил ее до высшей возможной степени. Первое, что опреде-

³⁸ Порожденное противоречиями феодализма, развивавшееся в условиях феодального общества, как его составная часть, самостоятельное городское ремесло вместе с тем опиралось уже на иные, нефеодальные отношения производства и собственности. И в этом источник той удивительной двойственности средневекового города, которая так затрудняет его однозначное логическое истолкование. Но тем менее допустимо здесь какое-либо упрощение. Приблизиться к истине можно только путем строгого экономического анализа.

³⁹ Противоположная точка зрения обычно исходит из того, что только буржуазное право обеспечивает неограниченную свободу распоряжения объектом собственности, а потому она отказывает докапиталистическим эксплуататорским формациям в законнорожденности частнособственнической природы их экономических структур. Едва ли есть необходимость подробно опровергать построение, смысл которого снова и снова приводит нас к известной иронической формуле Маркса: итак, раньше была история, теперь ее более не существует. Позволим себе высказать только три замечания. Во-первых, указанная точка зрения, видя в собственности лишь отношение людей к вещам, а не лежащие гораздо глубже отношения между самими людьми, между классами в процессе производства и присвоения, заменяя анализ *отношений собственности* анализом *права собственности*, оказывается вынужденной, вместо сущности явлений, рассматривать только их более или менее адекватные отражения в правосознании данной эпохи. При этих условиях трудно ожидать сохранения правильности исторической перспективы.

Во-вторых, даже при рассмотрении вопроса в чисто юридической плоскости предлагаемый критерий «истинности» частной собственности не выдерживает критики — и даже в приложении к буржуазному праву: ведь оно не может обойтись без некоторых (и порою довольно существенных) его ограничений (достаточно обратиться к таким сторонам буржуазного вещного права, как арендное право, обязательственное право, право залога, а также сервитуты, узупфрукт и т. д.). Недаром классическая буржуазная экономическая мысль в поисках абсолюта «естественного» права частной собственности была вынуждена пускаться в далекие плаванья к необитаемым островам со спасительными утопиями робинзонад, при которых, в действительности, невозможны никакие правоотношения собственности (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 473). Да и разве сама кодификация права частной собственности буржуазным государством не является свидетельством и необходимой формой известного ограничения этого права? Абсолютно неограниченная, стерильно-чистая частная собственность есть фикция, чуждая исторической действительности (при таком критерии сам капитализм не выдержит экзамена!) и опасная для науки.

ляет частную собственность, — это, как отмечал Маркс, ее противоположность общественной, коллективной собственности. При господстве частной собственности средства и условия труда принадлежат частным лицам⁴⁰. Со времени распада первоначальной, общинной собственности история демонстрирует «бесчисленные оттенки частной собственности». Все дело лишь в том, являются ли частные лица, обладающие собственностью, работниками или неработниками, то есть непосредственными производителями или эксплуататорами⁴¹.

В средневековом городском ремесле частная собственность на средства производства принадлежала самому работнику. Сам производитель являлся здесь «свободным частным

как и всякая попытка построения «абсолютно чистых» критериев, «моделей», «идеальных типов». Марксизму подобные поиски абсолюта совершенно чужды.

Буржуазное право действительно предполагает наиболее полную свободу распоряжения объектами частной собственности. Но не в силу своей мнимой исключительности, а только потому, что отражает наиболее развитую из возможных систем экономических отношений, опирающихся на господство частной собственности, заключительный из исторически преходящих этапов развития частнособственнического общества, при этом развитии не прямолинейного, а диалектически противоречивого.

А отсюда, в-третьих: не учиняя насилия над историческими фактами, невозможно отрицать частнособственнической природы докапиталистических классовых формаций. В отношении рабовладельческого общества классической античности, с его римским правом — наставником всех буржуазных юристов, — всякий спор вообще излишен (а ведь известно, что и это образцовое право частных собственников сочетало данное определяющее начало с некоторыми формами полисной собственности и включало целый ряд других ограничений «неограниченного права» *utendi et abutendi*).

Боле всего трудностей, как известно, вызывает феодальное право собственности, всегда остававшееся непостижимым для метафизического буржуазного сознания. Его можно рационально осмыслить, только исходя из анализа неповторимой специфики лежащих в его основе экономических отношений, понятых не как исторически случайная амальгама гетерогенных элементов, некое насильственное «наложение» завоевания, крупного землевладения, публичной или личной власти — на нерушимую общину, нетронутую свободу и т. п., но как *естественное*, органически выросшее целое, ничуть не менее естественное, чем, например, капитализм. Игнорировать те ограничения прав собственности, которые свойственны феодализму, означало бы исказить его действительное историческое обличье, но мы еще больше исказили бы существо этой экономической системы, если бы на основании этих частичных ограничений сделали вывод, что это вообще не была частная собственность. Для того чтобы отрицать господство при феодализме частной собственности, нужно доказать недоказуемое — господство в этом обществе, в феодальной вотчине не частного, а коллективного присвоения средств производства, рабочей силы и продуктов труда.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 770—771.

⁴¹ См. там же, стр. 771.

собственником своих, им самим применяемых условий труда»⁴². Перед нами «частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда»⁴³. Право собственности выступает в этом случае как право, основанное на собственном труде. Налицо тождество труда и собственности⁴⁴.

Этими новыми отношениями производства и собственности определялись и новые принципы присвоения. Для средневекового городского ремесленника «вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть... Такую производителю незачем было присваивать себе свои продукты; они принадлежали ему по самому существу дела»⁴⁵. Здесь производитель своим трудом обогащал самого себя⁴⁶.

Нельзя не видеть, насколько весь экономический механизм независимого простого товарного производства по самой сути своей был отличен от феодального, где решающее средство производства было собственностью нетрудящегося эксплуататора, работник же, хотя и был соединен со средствами производства, но отнюдь не как свободный собственник, а лишь как зависимый, эксплуатируемый держатель. В споре с Прудоном, говоря о феодализме, Маркс подчеркивал, что его прежде всего следует рассматривать как способ производства, основанный на антагонизме⁴⁷. Тождество работника и собственника там было принципиально исключено. Оно встречалось только как пережиток. Напротив, основой самостоятельного простого товарного производства было соединение в одном лице работника и собственника, то есть — неантагонистические,

⁴² Там же. (Разрядка наша. — С. С.).

⁴³ Там же, стр. 772. Может показаться, что в противоречии с этим очевидным выводом стоят черты известной корпоративности, сословности, присущие средневековому ремеслу, особенно в том, что касается собственности на мастерство (а обладание этим объектом было, как известно, одним из важнейших условий данной формы производства). Но не следует упускать из виду, что отмеченная корпоративность была моментом вторичным, производным. Ведь прежде всего ремесленник должен был сам, лично владеть мастерством. Цех только подкреплял и защищал эту его собственность. Мастерство, таким образом, составляло лишь один из важнейших компонентов частной собственности работника на условия производства, составлявшей основу средневекового ремесла. Обратим внимание: Маркс видел в ремесленнике *независимого* работника, *свободного* частного собственника своих условий труда (см. там же, стр. 771).

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 597.

⁴⁵ Там же, т. 19, стр. 213.

⁴⁶ См. там же, т. 23, стр. 774.

⁴⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 143.

неэксплуататорские отношения. Появление здесь отношений эксплуатации было связано с началом разложения данной формы производства, с возникновением зачатков капиталистических отношений⁴⁸.

Естественно, что в самостоятельном простом товарном производстве Маркс видел особый способ производства и присвоения и решительно возражал против свойственного вульгарной политической экономии смешения его с другими способами производства⁴⁹. Точно так же и Ленин настойчиво подчеркивал качественное своеобразие данного хозяйственного уклада и предостерегал против его смешения с другими системами экономических отношений⁵⁰.

Несомненно, перед нами особый экономический уклад, принципиально отличный от феодального. Важнейшую основу этого уклада составляла свободная частная собственность работника на средства производства⁵¹. Свободная (от феодальных ограничений) форма частной собственности (чистая частная собственность, по терминологии Ф. Энгельса) была порождена новыми отношениями собственности в свободном (от феодального наделения) городском простом товарном производстве. Эта новая форма собственности стояла в противоречии с теми производственными отношениями и той формой собственности, на которых базировалась система феодальной эксплуатации. Свободный работник — собственник средств производства в промышленности — объективно выпадал из сферы присвоения прибавочного труда феодальным землевладельцем.

Вот почему и в самом деле вчерашнего беглого крестьянина «городской воздух делал свободным». Независимо от его личного юридического статуса, в свободного самостоятельного труженика его объективно превращали сам новый способ труда, новая форма собственности, обретенные им в городе. И если для юридического закрепления этой свободы и пресечения попыток сыска и иных подобных посягновений со стороны сеньоров порою требовалась активная защита со стороны городской коммуны, то это служит не опровержением, но

⁴⁸ Отмечая, что цехи сдерживали свободное развитие производства, К. Маркс четко определял также и социальное содержание той свободы, которую скрывали цеховые ограничения: это была свобода эксплуатации человека человеком (см. там же, т. 23, стр. 318, 371 и особ. 727).

⁴⁹ См. там же, стр. 344, 771, 774—775.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 207, 228—229.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94, 97, 771.

лишь дополнительным подтверждением объективной необходимости свободы мелких самостоятельных товаропроизводителей — средневековых городских ремесленников. Е. А. Косминский был глубоко прав, делая вывод, что в условиях феодализма единственной реальной возможностью освобождения для феодально-зависимого крестьянина было его бегство в город⁵².

Но бесспорны ли эти выводы? Ведь известно (об этом свидетельствуют наиболее ранние городские «права» и другие источники), что в реальных условиях феодального общества, когда города стояли на земле сеньоров, а ремесленники порою были вынуждены держать подсобные земельные участки, да и самые их хижинны и мастерские стояли на сеньориальной земле, — феодальные владыки городов имели возможность присваивать долю доходов ремесленников и торговцев посредством поземельных чиншей с указанных держаний, путем прямого обложения ремесла и особенно с помощью системы торговых пошлин. Очевидно, их публично-правовая власть, опиравшаяся на монополию земельной собственности, позволяла им безудержно эксплуатировать городское накопление. Можно ли при этих условиях говорить о действительной самостоятельности городского ремесла и видеть в этом независимом простом товарном производстве экономический уклад, свободный от отношений эксплуатации?

Несомненно, отмеченные выше явления имели место. Но, чтобы не ошибиться в оценке исторических фактов, их следует рассматривать, во-первых, в их совокупности и, во-вторых, непременно в их исторической динамике. И тогда обнаружится, что земельные участки держали далеко не все городские ремесленники^{52а}, если же таковые держания имелись, то были они мелкими, оплачивались только денежными и при этом весьма незначительными чиншами, причем по мере развития города как очага товарных отношений ценность поземельных чиншей в нем, как правило, все более снижалась, постепенно

⁵² См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII веке. М., 1947, стр. 258—259.

^{52а} Убедительные данные о незначительности удельного веса земельных держаний в хозяйственной деятельности горожан на материале средневековых английских городов приведены Я. А. Левицким в его монографии «Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв.» (М., 1960), стр. 214—222: оказывается, что даже на ранней стадии городского развития (в XI веке) во многих городах число жителей, имевших земельные держания, составляло всего 3—8% и очень редко превышало 20% городского населения, в некоторых же городах земельные держания горожан не отмечаются вовсе.

выводилась до уровня невысокой арендной платы; главное же — эти земельные участки играли сугубо подсобную, подчиненную роль и не могут служить определяющим критерием экономической природы ремесленного производства. Что касается прямого и косвенного (через сферу обращения) обложения ремесла, то городские хартии и другие документы, оставленные эпохой коммунальной борьбы, рисуют яркую картину наступления горожан на все эти поборы, пошлины, сеньориальные монополии, права реквизиции и «законные» произвольные вымогательства, так же как на право сеньора судить горожан и призывать их в свое феодальное ополчение. Наступление это в большинстве случаев было успешным и приводило к более или менее полной ликвидации (или, по крайней мере, к резкому свертыванию) режима сеньориального обирательства ремесла и торговли и ограничения свободы горожан.

Иными словами, более или менее полно рушилась та самая «публичная власть» городского сеньора, которая, казалось бы, так основательно опиралась на фундамент его земельной собственности. И вполне естественно. Ибо именно в городе, где доминировало независимое от землевладения промышленное производство и товарное обращение, этот фундамент неизбежно крошился, рассыпался, и все здание сеньориального суверенитета, оказавшись на песке, было обречено на разрушение. Обратим внимание, что К. Маркс, определяя высшую власть феодала в военном деле и в суде как атрибут земельной собственности, рассматривал ее в параллели с высшей властью капиталиста в промышленности как атрибутом капитала⁵³. То есть и в том и в другом случае атрибут мог реально существовать лишь постольку, поскольку реально существовал, сохранял силу сам предмет, к которому атрибут относился, от которого он получал силу. В средневековом городе феодальный сеньор становился социально излишним потому, что в процессе ремесленного производства (и в торговом обороте) земельная собственность уже не была или, по меньшей мере, переставала быть необходимым условием производства, а значит — не могла более быть и условием присвоения прибавочного труда производителем.

Разумеется, феодалы всеми силами сопротивлялись освободительному движению горожан и стоявшей за ним стихийной силе новых экономических отношений, подрывавшей их

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 344.

власть в городе. Известно, что полной независимости от сеньоров, от императоров и пап удалось добиться только самым передовым итальянским коммунам, и только им благодаря этому удалось полностью пресечь любое посягновение феодалов на долю городского накопления, которое теперь целиком шло на пользу городскому развитию. Но тем очевиднее, что перед нами единая тенденция, степень реализации которой зависела от данных конкретных условий. Главное же состоит в том, что, если даже сеньор сохранял какие-то остатки своей власти или протектората над городом, если он «надстраивался» над городским ремеслом и торговлей (к которым в сущности уже не имел никакого экономического отношения) и таким путем присваивал себе какую-то долю городского накопления, то и в этом случае, хотя простое товарное производство несло определенный ущерб, *его внутренняя экономическая природа не менялась* — оно оставалось новым для феодализма не эксплуататорским экономическим укладом, построенным на тождестве труда и собственности⁵⁴.

Более того, интенсивное развитие самостоятельного товарного производства вело к подрыву не только публичной власти городского сеньора, но и самой основы этой власти — феодального землевладения в городе. Уже само по себе упорное нежелание сеньоров разрешить горожанам выкуп их держаний, городской альменды, участков под дворами и домами и самых их жилищ, которое так ярко запечатлено ранними городскими хартиями, достаточно убедительно свидетельствует: сеньоры ясно представляли, на чем еще может удержаться их власть в городе, но и горожане не хуже понимали, что требуется для того, чтобы лишить эту власть всякой реальной опоры в городе и добиться полной независимости от нее.

Разумеется, упорное наступление горожан на феодальное землевладение в городе оказалось возможным и, главное, успешным не потому только, что горожане хотели устранить последнее, но потому прежде всего, что объективный ход экономического развития делал это устранение (или, по крайней

⁵⁴ Если считать, что присвоение феодальными сеньорами (или феодальным государством) части доходов городского ремесла может служить доказательством его феодальности, так сказать единственности феодализму, то феодальным экономическим явлением должна быть признана и мануфактура, — ведь и от ее доходов немалую долю присваивал правящий феодальный класс, и она в течение долгого времени (два-три столетия) обслуживала (и упрочивала!) феодально-абсолютистский строй (который потом буржуазии пришлось свергать), ведь и ее настойчиво насаждали и поощряли феодальные монархи.

мере, решительное оттеснение) обоснованным и необходимым. Новая форма собственности — полной, не надельной, не держательской, — порожденная самостоятельным простым товарным производством, с орудий ремесленного труда, товаров и денег неизбежно должна была распространиться на производственные и торговые помещения и — на самую землю. Этого требовало дальнейшее развитие свободного товарного производства. С другой стороны, развитие товарных отношений чем дальше, тем больше обостряло потребность сеньоров в деньгах, — приходилось поступаться в пользу горожан даже тем, что было всего ценнее — земельной собственностью в городе, а затем частично и за его стенами.

И все-таки одолеть эту цитадель феодализма было нелегко. Чтобы стать собственником земли, которая еще вчера была объектом монополии «благородного» класса, горожанин нередко вынужден был приспособливаться, идти на компромиссы с ленно-правовыми нормами и обременительными условиями. Вот почему в этой сфере формы свободной частной собственности складывались не сразу, не полно, с атавистическими пережитками, порою даже при известной регенерации каких-то (преимущественно внешних) феодальных юридических форм. Учитывая это, Ф. Энгельс тем не менее с полным основанием приходил к выводу, что, как бы сильно бюргерская собственность средних веков ни была переплетена с феодальными ограничениями, ее развитие необходимо вело к ее превращению в чистую частную собственность⁵⁵. Как свидетельствуют источники, в огромном большинстве случаев средневековые горожане выкупают у сеньоров свои дома, землю под домами и дворами, под лавками и рынками, и очень часто — земельные держания и городскую альменду. В экономически наиболее развитых городах почти вся городская земля уплывает из рук сеньоров⁵⁶. Только юрист за частичным возрождением старых правовых формул (за которыми теперь скрывалось новое содержание) мог бы не заметить этих кардинального значения новых фактов экономической и социальной жизни.

⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 412.

⁵⁶ См. Т. М. Негуляева. Городское земельное держание в средневековом Страсбурге (XII—начало XIV века). — В кн.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Саратов, 1968; ее же. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—начале XIV века. — В сб.: Средневековый город. Саратов, 1968.

Конечно, и в этой области развитие не шло ни прямолинейно, ни однозначно. Выкупив свои усадьбы и держания, вытеснив более или менее полно феодальное землевладение из пределов городских стен, наиболее богатые горожане начинали скупать у скудеющего дворянства его земли в городской округе. Так начинал складываться городской патрициат — верхний слой горожан, сам приобретающий некоторые полуфеодальные черты. Такова была живая диалектика социального развития города в условиях общества, где возможности вложения значительных средств в ремесло, торговлю и кредит были очень ограничены как тесными масштабами мелкого производства, так и узостью рынка и затрудненностью, небезопасностью крупных торговых и кредитных операций, где земля все еще оставалась главной формой общественного богатства. В этих условиях избыточные средства должны были постоянно перетекать в сферу землевладения.

Но эти противоречия и полуфеодальные черты патрициата не могут позволить просто занести этот слой в общий разряд феодалов, не могут заставить забыть, что это — специфический городской слой, чье богатство в первую очередь происходило из городских источников, а также форм хозяйствования и собственности, или не заметить, что на первых порах коммунального движения возникающий патрициат (и вполне закономерно) выступал как активный его участник.

Иными словами, выкуп земли у сеньоров, превращение ее в более или менее полную, свободную собственность горожан были выражением закономерной антифеодальной тенденции, заложенной в свободном городском товарном производстве и в тех новых формах собственности, которые оно вызвало к жизни. В итоге феодальная монополия земельной собственности, на которой базировалось командующее положение дворянского класса, в городе оказывалась фикцией. И даже если в том или ином городе какие-то остатки сеньориального землевладения сохранялись и служили правовой основой для частичного истощения городского накопления, это пережиточное господское землевладение уже ни в какой степени не являлось более определяющей силой в структуре и динамике города, живущего прежде всего на основе нового экономического закона — закона стоимости. Если бы собственности на землю было достаточно для феодальной эксплуатации любых форм производства (ибо любой, даже самый высокоиндустриализованный производственный процесс для своего функционирования всегда требует какой-то земельной площади), то, очевид-

но, феодальная эксплуатация и феодальное господство должны были бы существовать вечно.

Вопрос о противоречии между товаропроизводящим городом и господствующим феодализмом не решается так просто, как можно было бы ожидать. Это противоречие не лежит на поверхности. Ведь если горожане не бунтовали, сеньоры не гнали их и не преследовали. Они не только не искореняли городов, но сами их основывали, нередко стремились привлечь в них новоселов, жаловали им значительные вольности и даже обеспечивали известную политическую защиту, которую неправоммерно вовсе сбрасывать со счетов⁵⁷.

Разумеется, сеньоры были заинтересованы в богатении городов, поскольку это увеличивало их собственные доходы. Дорожные, мостовые, мытные, въездные, выездные, рыночные, весовые и прочие поборы и пошлины (не говоря уж о реквизициях и всевозможных иных узаконенных и незаконных вымогательствах) обильной рекой звонкого металла лились в карманы феодалов (в первую очередь — городских сеньоров). Их передавали по наследству, давали в приданое, дарили любимцам, жаловали вассалам, — вот когда рентные лены стали массовым явлением! Так не следует ли отсюда, что возникновение города и товарного производства не только ни в какой мере не подрывало основ феодализма, но, напротив, оживило этот общественный строй, влило в него новые силы, сделало его жизнеспособнее, что город служил интересам феодализма и, значит, сам был органически феодален?

Не подлежит сомнению, именно с возникновением городов начинается период высшего расцвета феодальной формации. Но вместе с тем — и период резкого обострения ее внутренних противоречий. Действительно, правящий класс, владевший главными источниками богатства в тогдашнем обществе, мог — до поры до времени — использовать экономический прогресс в своих выгодах, — такого рода попытки можно наблюдать с первых шагов городского развития. Но для этого ему приходилось приспосабливаться и перестраиваться, порою прямо-таки идти наперекор своей собственной природе. Документы эпохи рисуют в этом отношении картину весьма примечательную. Сеньоры основывают салветаты, бастиды, раз-

⁵⁷ Именно на этом основании Н. П. Оттокар делал вывод об отсутствии действительных противоречий между горожанами и городскими сеньорами, о гармоничном совпадении их интересов, о беспочвенности и исторической несущественности коммунального движения (см. Н. П. Оттокар. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919).

личными «вольностями» стремятся привлечь новоселов — и одновременно запрещают селиться здесь своим людям. Или, основывая новый город, жалуют поселенцам (как это сделал в 1144 году в отношении Монтобана тулузский граф) личную свободу, и чуть не на следующий же день соседняя монастырская слобода совершенно пустеет. Филипп II широко раздавал коммунальные хартии даже мелким селениям вдоль границы Шампани, и шампанские феодалы жаловались на массовое бегство крестьян из их поместий. Хронист Людовика VII, отмечая, что король выстроил несколько новых городов, тут же делал вывод: «чем, без сомнения, разорил многие церкви и рыцарей, от которых бежали в эти города их люди».

Порою историку приходится сталкиваться с непостижимо противоречивостью и даже, казалось бы, явной бессмысленностью некоторых взаимоисключающих клаузул феодальных актов об основании льготных поселений и городов. Но это было лишь естественное отражение неустранимой противоречивости самой жизни: феодализм мог использовать новые экономические силы, пытался в какой-то степени их переварить, но для этого он должен был приспособливаться, чем-то поступаться; частично поглощаемые им новые экономические элементы все-таки оставались для него чужеродным телом, — питая одни члены организма, они жестоко травмировали другие. Никакое приспособление феодализма к товарному производству не могло устранить лежавшего между ними противоречия.

Это показало время. Чем больше развивался город, тем меньше гнездившиеся в нем самостоятельное товарное производство и обращение могли мириться с сеньориальным режимом обирательства. Без известных гарантий свободы личности, времени и имущества товаровладельцев эти новые формы производства и обмена функционировать не могли. Чем многочисленнее и богаче становились горожане (а ведь именно этого, казалось бы, и хотели сеньоры), чем меньше становилась их реальная экономическая зависимость от земли и феодального землевладения, чем более богатство горожан, как владельцев товаров и денег, начинало перевешивать богатство сеньора, как земельного собственника, тем неустранимее становилась необходимость и тем реальнее становилась возможность их освобождения от этого хищнического режима, — что и реализовалось в коммунальном движении. А его итогом оказывался более или менее полный крах всей системы сеньориальной эксплуатации городского накопления, утратившей в городе экономическую основу и оправдание.

Пусть устранение феодального паразита, как правило, не было полным. Пусть место сеньора в известной степени (только в известной степени!) занимал полуфеодальный патрициат, пусть королевская власть научалась запускать лапу в карманы горожан (мелкотоварный город не имел ни необходимости, ни возможности опрокинуть весь феодальный строй). Тем не менее «слияния» с феодализмом, с феодальными отношениями производства мы не обнаружим ни в раннем, ни в позднем городе. Город не становился и не мог стать сферой феодального наделения и производства феодальной земельной ренты, а поместное окружение не могло превратиться ни в «товарный феодализм», ни в «вотчинный капитализм». Поместье могло быть лишь нелегкой перестройкой до известной степени приспособиться к наступающей стихии товарно-денежных отношений. Но самая эта перестройка в итоге лишь подготавливала почву для последующего разложения феодального поместья — этого, по самой своей экономической сути натурально-хозяйственного организма. Город и феодальное поместье развивались объективно в противоположных направлениях.

Однако не противоречит ли этому история позднего города? Ведь известно, что не только для феодального поместья, но и для средневекового города переход к капитализму не был ни плавным, ни легким. Те формы, под покровом которых в феодальном обществе развилось мелкое товарное производство самостоятельных работников-собственников, стали препоны для перехода к производству крупному, основанному на эксплуатации наемного труда. Там, где эти старые, цеховые формы пережили исторически оправданные пределы своего существования, там на месте цветущих ремесленных центров появлялись «мертвые города», вроде Брюгге, пустыри и «гнилые местечки», как это было со многими гильдейскими городами в Англии. За сохранение отжившей формы приходилось расплачиваться утратой самого содержания^{57а}.

Диалектичность перехода от отношений простого товарного производства к отношениям капиталистической эксплуатации уже отмечалась в самом начале нашего рассмотрения. Не следует упускать из виду, однако, что при этом в городе совершался переход от одной, низшей фазы товарного производ-

^{57а} Вот почему выцветание «наиболее блестящей страницы средневековья» — вольных городов, тех, что особенно упорно цеплялись за старые, корпоративные формы организации товарного производства и обращения, — явилось одним из необходимых условий возобладания новых, капиталистических отношений (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 728).

ства к другой, высшей фазе того же товарного производства, тогда как в деревне из разложения натурально-хозяйственного феодального поместья, как правило, возникала только первичная форма товарного производства в земледелии — самостоятельное мелкое хозяйство крестьян-товаропроизводителей. Только там, где буржуазный аграрный переворот совершался в наиболее радикальной, классически последовательной (но потому также исторически крайне редкой) форме, как это было в Англии, оказался возможным более или менее непосредственный переход от феодального поместья к капиталистическому крупному производству. Но даже и там, как известно, потребовалось целых три столетия, чтобы масса мелких производителей-крестьян была экспроприирована и в деревне решительно возобладало капиталистическое производство под командой крупных фермеров.

Сколько бы черт сходства (подлинных или мнимых) с окружающей феодальной средой ни обнаруживал средневековый мелкотоварный город, сколь бы «феодальным» он ни казался, — невозможно не видеть, что он знаменовал собой рождение внутри феодального общества качественно нового экономического явления — самостоятельного простого товарного производства, развитие которого было неременной предпосылкой, подготовившей условия освобождения и от системы феодальной эксплуатации, и от господства мелкого производства.

Итак, в качестве действительно самостоятельного простого товарного производства средневековое городское ремесло явилось новым экономическим укладом, носителем новых отношений и новой формы собственности, которые стояли в противоречии с эксплуататорскими отношениями и формой собственности, присущими феодальному способу производства. Но иное — отнюдь не всегда значит гетерогенное. И дело совсем не в некоей, якобы именно феодализму присущей, многоукладности. Новое рождается из старого — более ему неоткуда взяться. Однако его возникновение, будучи «продолжением», непременно несет в себе отличие, отрицание, полностью или (как в данном случае) частично противостоит старому.

Качественная новизна свободного городского товарного производства очень ярко проявилась в тех вещных отношениях, которые оно принесло в жизнь средневекового общества и которые были неведомы ни феодальной вотчине, ни всему сословно-иерархическому строю феодализма.

Здесь необходимо сделать несколько уточнений. Понятие

«вещные отношения» в научный оборот ввел Карл Маркс. При этом он, как известно, связывал стоящие за этим понятием явления с капитализмом и вообще с товарным производством. Но отнюдь не в том смысле, что будто бы только при капитализме общественные отношения приобретают экономическую обусловленность, до тех же пор (в докапиталистических формациях) они экономически не детерминированы и остаются просто «личностными» по своей сущности. Не может быть ничего более далекого от Марксовой теории общественного развития как цепи развивающихся одна из другой экономических общественных формаций. Примечательно, что, именно возражая буржуазным экономистам-апологетам, готовым признать экономическую обусловленность общественных отношений при капитализме, «когда господствуют материальные интересы», но решительно отвергавшим приложимость тех же принципов к античности и средневековью, Маркс подчеркивал, что объяснение своеобразия политических и религиозных отношений докапиталистических эпох можно найти только путем анализа того способа, каким в эти эпохи добывались средства к жизни⁵⁸.

В любом обществе отношения между людьми в конечном итоге определяются их отношениями в производстве. Но в докапиталистических классовых формациях экономические отношения выступали преимущественно в форме «личностных» отношений, отношений личной зависимости — как непосредственные отношения господства и подчинения⁵⁹. В силу (и в меру) господства в этих формациях натурального хозяйства, отношения производства и присвоения предстают здесь с наибольшей прозрачностью. Но именно поэтому в отношениях друг к другу люди в таких обществах должны были выступать в специфических социальных масках, отношения господства и подчинения, продиктованные наличными отношениями собственности, должны были маскироваться в костюмы кастовых, сословных, религиозных, специфически «личностных» разграничений и связей⁶⁰.

Но все это было лишь исторически необходимым облачением, за которым скрывались реальные экономические отношения. «Средневековые формы эксплуатации, — писал В. И. Ленин, — ...были прикрыты личными отношениями гос-

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 91—92, прим. 33.

⁵⁹ См. там же, стр. 87.

⁶⁰ См. там же.

подина к его подданному...»⁶¹. Столь свойственная феодализму личная зависимость была в действительности не первоисточником, из которого якобы, независимо от экономики, вытекла структура данного общества, а лишь следствием, производным от зависимости поземельной, экономической. Феодальная эксплуатация могла обходиться и без личной зависимости. В самом деле, если бы личная зависимость составляла сущность феодализма, то, очевидно, следовало бы заключить, что, например, во Франции феодализм исчез уже в XIV веке — с момента так называемого освобождения сервов! И, наоборот: история средневековых городов, история отвоевания горожанами личной свободы и более или менее полной политической независимости от феодальных сеньоров свидетельствуют с очевидностью: там, где исчезала экономическая зависимость, не могло само по себе удержаться никакое политическое или личное господство.

При товарном производстве, когда, в силу всеобщего разделения труда между отдельными товаропроизводителями, «независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости»⁶², отношения между людьми, отношения господства и подчинения предстают в ином замаскированном виде — как отношения вещей. Ибо важнейшим регулятором социальных отношений в таком обществе является стоимость, которая есть экономическое отношение между людьми, прикрытое вещной оболочкой⁶³. Поэтому господство и подчинение, обусловленные отношениями капиталистической эксплуатации, оказываются скрытыми вещной видимостью, вызывающей к жизни иллюзию независимости личности, общей свободы, равенства прав и равенства возможностей, порождающей всю ту систему мистификации, которой прикрыта эта, казалось бы, самая трезвая, обнаженная, неприкрытая система эксплуатации.

В простом товарном производстве, где рабочая сила еще не стала товаром, вещная форма отношений еще не получает полного развития. Меры всеобщности она достигает только при капитализме, ибо только с торжеством капиталистического способа производства всеобщей становится товарная форма продуктов⁶⁴. Кроме того, развиваясь в экономически инородной — натурально-хозяйственной, феодальной среде,

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 421—422.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 118.

⁶³ См. там же, стр. 84.

⁶⁴ См. там же, стр. 180, 181; т. 24, стр. 40, 42, 43.

простое товарное производство неизбежно должно было испытывать известное ограничивающее и деформирующее ее воздействие. Обусловленная этой средой узость рынка предопределяла частичность, неполноту реализации закона стоимости, который один только способен придать социальным связям вещную форму. Поэтому простое товарное производство было вынуждено в какой-то степени приспособляться к условиям этой среды, защищаться от нее, и защищаться, естественно, на старый, «невещный», как бы тоже на феодальный лад, — то есть теми способами, какие в более или менее готовом виде имелись в наличии и были единственно эффективны в этом обществе.

Отсюда квазифеодальные, «личностные» черты корпоративной организации средневекового ремесла и торговли, которые на первый взгляд выглядят как некое продолжение отношений феодального принуждения. (Заметим кстати, что, при всей ее «невещности», в системе цеховой монополии и регламентации легко обнаруживается ее экономическая обусловленность). Если же заглянуть глубже, то станет ясно, что корпоративные, цеховые формы организации ремесла и торговли не только не отменяли, но в данных исторических условиях лишь подкрепляли и защищали новые для феодального общества экономические явления — самостоятельное простое товарное производство и индивидуальную собственность свободных мелких производителей.

Впоследствии, когда возникли более высокие формы товарного производства, действительно наступил момент, когда система цеховой монополии и регламентации превратилась лишь в обветшавшее наследие феодальной эпохи, препятствие на пути экономического прогресса. Но в свое время, как это справедливо подчеркивал К. Маркс, говоря о цеховом строе ремесла, «это была та форма, в которой труд освобождался от земельной собственности, и, безусловно, тот период, в котором он социально и политически стоял на самом высоком уровне»⁶⁵.

Иными словами, известные явления «ассимиляции» с феодальной средой, которые можно наблюдать в средневековом городе, не могут служить доказательством их взаимного гармонического соответствия, их экономического тождества или сущностного единства, так сказать, континуитета феодализма

⁶⁵ К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки. — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 25, М., 1968, стр. 51.

в городе. Напротив, диалектический подход заставляет сделать из тех же наблюдений обратные выводы. Во-первых, самое приспособление есть свидетельство наличия противоречия. А во-вторых, сколь кричащими и «убедительными», на первый, поверхностный взгляд, ни казались бы явления отмеченной ассимиляции, — как показывает ход исторического развития, не усвоение старого явилось определяющим в развитии средневекового города, а могучее развертывание новых экономических начал, которое Ф. Энгельс назвал переворотом в феодальном обществе, произведенным бюргерством⁶⁶, и которое, преодолевая феодально-поместный строй ко все новым и новым приспособлениям и перестройкам, в конечном итоге подвело средневековое общество к той грани, за которой дальнейшее развитие становилось возможно только при условии ликвидации феодального господства.

Для Маркса противоречие между средневековым городом и феодализмом было не только теоретически несомненным тезисом, но и конкретно осязаемым фактом. Именно это позволило ему сделать известный вывод: в средневековой Италии феодализм был сломлен исключительным развитием городов⁶⁷. Этот вывод предполагает две противоборствующие силы⁶⁸. Пусть в данном случае перед нами явление экстраординарное — следствие исключительной интенсивности городского развития в средневековой Италии, — это не снижает, а позволяет лишь полнее понять универсальность антифеодальной тенденции, заложенной в экономике средневекового города. Ее меньшая интенсивность в других странах не отменяет ее реальности. Ф. Энгельс, исходя из качественной новизны отношений производства и собственности в ремесленно-торговом городе, имел все основания определить как антифеодальные — и городское право, и бюргерское войско, и

⁶⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 407.

⁶⁷ См. там же, т. 25, ч. II, стр. 365.

⁶⁸ То обстоятельство, что наиболее развитые города Италии, уже в XII веке добившиеся полной политической, а потому и полной экономической независимости (неприкосновенности городского накопления со стороны феодалов), смогли сломить феодализм еще до возникновения в них капиталистической мануфактуры (срытие замков, принудительное переселение феодалов в города, принудительное освобождение крепостных по распоряжению городских коммун — все это происходило в XII—XIII вв.), — ярче всего свидетельствует, насколько нефеодальным по своей сущности было свободное городское товарное производство — основа подъема и расцвета средневековых городов.

общее направление всего социально-политического развития средневекового города⁶⁹.

Антифеодальная тенденция, присущая средневековому городскому развитию, ярко проявила себя и в городской — антидворянской и антипоповской литературе, и в оппозиционной церкви схоластике и в могучих еретических движениях. И все-таки ясное осознание этой антифеодальности легко ускользает при поверхностном взгляде, который в средневековом городе замечает только корпоративность, монополии, принуждение, привилегии — и вообще феодальную окрашенность социальных связей. Но марксист не может упускать из виду, что подлинную основу всех прочих социальных связей образуют отношения собственности. Рассуждения о социальных связях вообще — до и независимо от отношений собственности — лишены смысла и ни на шаг не приближают нас к познанию исторической реальности, специфики данного способа труда, данной формации, данной конкретной общественной структуры. Опыт показывает, что в процессе познания своеобразия каждого конкретного типа общественных отношений надежнейшим компасом для историка остается тот коренной методологический принцип, который был сформулирован Марксом: «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...»⁷⁰. Именно то обстоятельство, что, в отличие от феодального поместья, в средневековом городском ремесле работник был одновременно и собственником условий производства, преодолимо обуславливало антифеодальную позицию средневековых горожан.

Спору нет, эта антифеодальность не была абсолютной. До возникновения капиталистической мануфактуры она могла быть лишь ограниченной. Мелкое товарное производство, основанное на частной свободной собственности производителя, неизбежно вступало в конфликт с феодализмом. Но, поскольку оно не требовало отрыва производителя от средств производства, оно могло как-то приспособиться к феодализму, загородившись от его наиболее хищнических посягательств частоколом вайхбильда, городского права, изъятий и вольностей, цеховых и гильдейских монополий. Однако за этим частоколом шла упорная работа, подтачивавшая мощь феодаль-

⁶⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 406—409, 412—415.

⁷⁰ Там же, т. 25, ч. II, стр. 354.

ного окружения, вызревали такие отношения производства и формы собственности, которые уже никак не смогут мириться с феодальной системой. Таким образом, приспособление города к феодализму коренным образом отличалось от приспособления феодальной вотчины к развитию товарно-денежных отношений: во втором случае это была вынужденная форма отступления, неизбежно подводившая к разложению старой экономической системы, в первом же — способ самозащиты новых отношений производства и форм собственности для наступления против старого и, в конечном итоге, — для победы над старым.

Но — только в конечном итоге. Было бы недопустимым упрощением датировать начало разложения феодализма возникновением средневековых городов. Трезвый анализ исторических фактов опровергает представления либеральных историков эпохи реставрации, которым казалось, что «в XII веке феодализм был уже мертв», и что в течение ряда последующих столетий он держался только какими-то «искусственными мерами». Возникновение в городе свободного простого товарного производства и самостоятельной мелкой собственности производителя было порождено противоречиями феодальных отношений производства и собственности. Но оно означало лишь частичное разрешение этих противоречий. Убедить в город могла лишь небольшая часть феодально-зависимого крестьянства. И для нее реальным условием освобождения мог быть только уход в сферу промышленно-торговой деятельности, которая (при всем ее значении) еще долго оставалась лишь подчиненной сферой, тогда как роль экономического фундамента общества продолжало играть земледелие, а значит и феодальное землевладение еще долго сохраняло свой *raison d'être*.

Развитие свободного товарного производства в городе не могло мириться с феодальным произволом и обирательством. Оно неизбежно делало городского сеньора объективно излишней фигурой и вело либо к резкому ограничению его эксплуататорских «прерогатив», либо к полной их отмене в городе. Но оно не могло само по себе устранить феодальное господство в стране, где продолжало господствовать земледелие.

Только когда товарное производство широко захватило и крестьянское хозяйство (на это ушло два-три столетия), аналогичные неодолимые потребности возникли и в деревне. Они заставили феодальное, натурально-хозяйственное поместье

(вопреки присущей ему традиционности и застойности) маневрировать и перестраиваться, покуда это не приводило к перерождению всех компонентов его экономического механизма. Самый процесс воспроизводства в поместье систематически затруднялся, его экономическая эффективность, его «поглощающая способность» все более падали, оно переставало себя оправдывать, и дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства настоятельно требовало устранения его феодальной формы. Это был уже процесс разложения феодализма.

От научного понимания в равной мере далеки и истолкование средневекового городского развития как свидетельства разложения феодализма, и его истолкование как чисто феодального явления. Это вопрос научного метода. Для метафизического мышления (даже когда оно признает и развитие, и его скачкообразность) всякое явление, покуда в целом оно сохраняет данную качественную определенность, есть только то, что оно есть, и ничего более. В нечто иное, противоположное оно превращается внезапно, вдруг, сразу, как по мановению волшебной палочки. Если же все-таки в пределах данного качественно-определенного целого (так сказать, в пределах большого качества) обнаруживаются какие-то несомненные частичные качественные сдвиги, то это — уже разложение. Но методология «теории катастроф». Кювье, несмотря на кажущийся радикализм, столь же далека от диалектического метода, как и всякая метафизика. Для такого строя мышления чуждо представление о разворачивании внутренних противоречий и пробуждении новых начал как о естественной форме жизнедеятельности любого организма — биологического или социального. — Или разложение, или неподвижность!

Именно против такой логики познания предостерегал историков К. Маркс: «Как при последовательной смене различных геологических формаций, так и при образовании различных экономических формаций общества не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»⁷¹. Маркс иллюстрировал это общее положение весьма любопытным примером: «В лоне ремесла развиваются начала мануфактуры и местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов, уже имеет место применение машин». Другое дело, какова мера и значение этих новых яв-

⁷¹ К. Маркс. Машины. Применение природных сил и науки, стр. 51.

лений, насколько они образуют «стержень» господствующего периода⁷².

Маркс раскрыл противоположность экономики товарного производства экономике натурально-хозяйственного феодализма⁷³. Эта противоположность засвидетельствована всей историей средневековых городов. Перед лицом этой истории, неучиня насилия над фактами, невозможно доказать «единственность» города феодальному способу производства. Более того, если исходить из того непреложного постулата, что все, что имело место при феодализме, могло быть только феодальным, то и самая возможность возникновения капитализма должна быть решительно отвергнута⁷⁴.

Однако нет нужды доказывать: феодализм подготовил и породил из себя капитализм. Но не непосредственно, а лишь постольку, поскольку он в наибольшей степени, по сравнению с предшествующими докапиталистическими формациями, стимулировал важнейшее разделение общественного труда — отделение города от деревни, в ходе которого необходимо возникли новые, чуждые феодальному антагонизма отношения производства и формы собственности, присущие мелкому самостоятельному товарному производству городских ремесленников. Только на этой основе товарное производство и товарное обращение могли достигнуть такой ступени развития, чтобы стать истоком капиталистического способа производства⁷⁵.

То новое, что родилось в средневековом городе, не могло еще ликвидировать господствовавших в обществе феодальных отношений производства и форм собственности. Но оно, во-первых, обусловило могучий подъем городов, ставших важнейшим фактором дальнейшего исторического прогресса; и, во-вторых, оно явилось активнейшим катализатором процесса товарной эволюции крестьянского хозяйства и развертывания

⁷² См. там же.

⁷³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 87; т. 24, стр. 43.

⁷⁴ Постулат этот кажется самоочевидным. Но он обманчив. Он не оставляет места для развития, требует забвения внутренних противоречий феодализма, — и потому для возникновения капиталистических отношений не остается почвы. Да ведь и в буржуазном обществе отнюдь не все буржуазно. Очевидно, например, что это определение совершенно неприложимо к освободительному движению рабочего класса. Хотя оно, несомненно, — закономерное порождение капитализма, неотъемлемая составная часть развитого буржуазного общества.

⁷⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 317—318, 333, 365—371, 372.

в недрах самого феодального поместья тенденции к самостоятельности мелкого производства. Только тогда эта тенденция получила прочную экономическую опору и смогла поднять крестьянство уже не только на пассивное сопротивление (бегство), но на активную борьбу против феодального гнета. Идеологически эта освободительная тенденция полнее всего проявилась в антифеодальном лозунге равенства, означавшем ликвидацию крупного землевладения, — стержневом программном требовании крупнейших крестьянских восстаний⁷⁶. Но это уже относится к последующему историческому периоду.

В средневековом городе возник новый экономический уклад — простого товарного производства, которому соответствовала новая — свободная мелкая собственность самостоятельных производителей. А здесь уже действовали новые, не феодальные экономические закономерности, новые противоречия — противоречия товарного производства. Их развитие — «путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики»⁷⁷ — должно было в дальнейшем привести к отрицанию данной, низшей формы товарного производства и соответствующей ей трудовой собственности, к ее поглощению крупной капиталистической собственностью, опиравшейся на эксплуатацию наемного труда.

Это уже потребовало отрыва работников от средств производства, то есть ликвидации экономических основ не только простого товарного производства, но и самого феодализма, феодальной надельной системы и базировавшейся на ней феодальной формы собственности.

Пожалуй, могут сказать: известные истины! Ну, что ж, если даже и так, позволим себе напомнить слова Гёте: «Не следует останавливаться перед повторением старых истин, ибо то и дело повторяются старые заблуждения».

⁷⁶ См. В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции (Полн. собр. соч., т. 15). См. также: С. М. Стам. В. И. Ленин о крестьянском лозунге равенства в антифеодальной борьбе (Историографический сборник, Изд-во Саратовского университета, 1962).

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 596—597.

Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева

К вопросу о характере балканского города IV—V веков

Вопрос о характере ранневизантийского общества и города IV—VI вв. продолжает оставаться дискуссионным как в нашей, так и в зарубежной литературе. По мнению одних, уже с III, других — с конца IV — начала V вв. в его развитии начинается перелом, становятся доминирующими феодализационные процессы¹. Этот перелом во многом связывают с кризисом рабства, растущим отказом от применения рабского труда. Если в деревне это находит свое выражение в том, что рабский труд все меньше применяется в сельскохозяйственном производстве, а колонатные отношения эволюционируют все ближе к формам феодальной зависимости, то в городе эволюцию в том же направлении связывают с усиливающимся падением производственного значения рабского труда, сокращением числа рабов-ремесленников, концентрацией рабов в сфере обслуживания, а не непосредственного производства².

Такого рода выводы делаются на самом различном мате-

¹ См., например, Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — «Византийский временник», XIII, 1958, стр. 28—54; Она же. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 63—71; Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-восточной Европы по II—V вв. и перехода от античности к средневековью. XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады. М., 1970, стр. 6.

² См. Е. М. Штаерман. Проблемы падения рабовладельческого строя. — ВДИ, 1953, № 2, стр. 51; Е. Э. Липшиц. О путях формирования..., стр. 37; «Рабы представляли собой главным образом челядь, так же как это имело место и в течение всей последующей длительной жизни Византийского государства».

риале. Исследователи, например, обращают внимание на ничтожное число упоминаний о рабах-ремесленниках в деловой документации Египта³, фактическое отсутствие прямых сведений о городских рабах-ремесленниках, принадлежавших представителям торгово-ремесленных кругов, городскому *ordo plebeius*⁴. Правда, упоминания о рабах-ремесленниках в государственных мастерских, а также об отдельных обученных ремеслу рабах, принадлежавших богатым землевладельцам, едва ли можно считать особенно показательными. Ибо как для государства, так и для богатых землевладельцев проблема экономической выгоды, целесообразности использования рабского труда могла не иметь особого значения⁵. Прямым показателем значительности применения рабского труда является производство изделий на рынок, товарное производство, опирающееся на рабский труд. Известна формула Ф. Энгельса о том, что «рабство перестало окупать себя и поэтому отмерло»⁶.

В этой связи привлекают внимание некоторые законы ранневизантийского государства. Первым из них является известный закон *Cod. Theod.*, 12, 1, 96 (383 г.). Согласно этой конституции, куриалам городов опустошенной варварскими вторжениями провинции Мезии разрешалось привлекать в курии имущих плебеев. Текст закона гласит: *concessum curialibus provinciae Mysiae, ut si quos e plebe idoneos habent, ad decurionatus munera devocent, ne personae famulantium facultate locupletes onera, pro quibus patrimonia requiruntur, obscuro nomine vilioris evadant*. Одно время высказывались предположения о том, что в законе могла идти речь о плебейх, «богатых рабами». Однако большинство исследователей, видимо, согласилось с прочтением этого закона, данным известным переводчиком текста Кодекса Феодосия на английский язык Кляйд Фарр. Английский перевод текста закона выглядит следующим образом: «Куриалам провинции Мезии разрешается привлекать к принудительным общественным обя-

³ См., например, И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середина VII вв. М., 1965, стр. 62—63.

⁴ См., например, J. Hahn. *Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der Spätantiken Stadt*. *Annales Univ. Sc. Budap., Sect. Hist.* III, Budapest, 1961, s. 23—39.

⁵ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, стр. 124—125; Ср. Е. Э. Липшиц. О путях формирования..., стр. 37.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 21, стр. 149.

занностям декурионата подходящих лиц из числа плебеев таким образом, чтобы лица, обязанные службой (*personae famulantiū*, очевидно, ремесленники, которые были связаны с муниципальными организациями, так как считались приписанными работниками — прим. 175), но богатые собственностью, не могли бы под предлогом ничтожности их низкого имени, избежать повинностей, какие возлагаются на людей, обладающих земельной собственностью»⁷.

Таким образом, из перевода-интерпретации Фарр следует, что речь идет в законе о плебейх-ремесленниках, богатых имуществом и связанных с муниципальной организацией по роду своей деятельности (приписаны к муниципию), почему они и названы «*personae famulantiū*».

Однако такой перевод и такая интерпретация вызывают многие недоумения. Во-первых, *personae famulantiū* — это скорее обслуживающие лица, служители муниципального самоуправления, нежели ремесленники или другие плебеи, к которым независимо от их связей с муниципальной организацией, такой термин не применяется законодательством. Во-вторых, непонятно, почему в курии рекомендовалось привлекать именно по принципу связанности с муниципальной организацией, а не вообще по имущественному соответствию, состоятельности для декурионата, то есть просто наиболее богатых плебеев, независимо от их принадлежности к *personae famulantiū* и т. д.

На все эти несообразности в интерпретации и переводе текста закона обратил внимание В. Велков⁸. Он предложил и грамматически и по логическому смыслу более обоснованный перевод части текста: «Видимо, слово *famulantiū* должно быть связано со словом *facultas*, то есть *personae locupletes famulantiū*»⁹. Согласно этой интерпретации закона, речь в нем идет о плебейх, чье основное богатство составляли ра-

⁷ The Theodosian Code and Novels and the Sirmundian constitutions, a Translation with Commentary, Glossary and Bibliography, by Clyde Pharr, Princeton, 1952, p. 356. Ср., русский перевод текста этой статьи (Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1962, стр. 596): «Куриалам провинции Мезии разрешается привлекать к выполнению обязанностей декурионов подходящих людей из плебса, чтобы состоятельные лица, находящиеся в подчиненном положении, не избегали повинностей из-за своего неизвестного и ничтожного рода...».

⁸ V. Velkov. Bemerkungen über die wirtschaftliche Rolle der städtischen Plebs in der Diözese Thrakien im 4. Jahrhundert (Ad. Cod. Theod., 12, I, 96). — In: «Die Rolle der Plebs im Spätromischen Reich». Görlitzer Eirene-Tagung 10–14. 10. 1967. Berlin, 1969, s. 55–59.

⁹ V. Velkov. Bemerkungen..., S. 59, anm. 16.

бы — *famuli*. Как известно, термин *famuli* в предшествующий период употреблялся преимущественно для обозначения рабов-слуг¹⁰. Можно было бы предположить, что и в данном случае упоминание о богатстве «слугами» можно было бы рассматривать как показатель их общего богатства — в смысле «которые настолько богаты, что даже имеют много рабов-слуг». Но текст закона не позволяет предполагать употребления такого образного определения. В нем «богатство рабами» прямо рассматривается как нечто материально обеспечивающее выполнение ими куриальных обязанностей, как обычно оно обеспечивалось земельным имуществом куриалов (*pro quo patrimonium requiruntur*). Следовательно, речь идет о рабах как источнике доходов, таком же, как и имение куриала, то есть это бесспорно должны были быть «доходные» рабы, а не рабы-слуги. Можно, конечно, допустить, что это были плебеи, основные доходы которых складывались из поступлений от рабов, сдаваемых в услужение¹¹. Возможность такой практики не исключена, но тогда почему законодатель специально избрал и оговорил привлечение именно такой, скорее всего достаточно ограниченной и специфической группы плебеев? Остается предположить, что термин *famuli* мог применяться не только к рабам-слугам. Надо сказать, что и употребление его в законодательстве не подтверждает его исключительного применения только к рабам-слугам.

Следовательно, упоминаемые в законе *famuli* могли быть — а скорее всего и были — и другими рабами, в том числе рабами-ремесленниками. Можно предположить, что труд рабов-ремесленников или помогающих своим хозяевам в торговле обеспечивал прирост их благосостояния и превращал их в достаточно богатых людей. Именно на основании этого закона В. Велков делает вывод: «Много роби, напр., били собственост на градския плебс (т. е. на занаятчиите и торговците)», иными словами, предполагает прежде всего производственное использование этих рабов¹².

¹⁰ См., например, интерпретацию этого термина в ст. Е. М. Штаерман «Рабство в III–IV вв. в Западных провинциях Римской империи». — ВДИ, 1962, № 1, стр. 102.

¹¹ О сдаче рабов внаем см., например, J. Biezunska-Malowist, Quelques formes non typiques de l'esclavage dans le monde ancien. — В сб.: Античное общество. М., 1967, стр. 91–96; М. Я. Сюзюмов, Трудовые конфликты в Византии. Византийские очерки. М., 1971, стр. 37–38.

¹² В. Велков. Икономиката на България, т. 1, София, 1969, стр. 45. Ср. В. Велков. Рабството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 123–124.

Таким образом, по-видимому, приходится говорить о том, что труд рабов использовался представителями городского *ordo plebeius* в самых разнообразных сферах — от производства до продажи труда рабов — и, судя по закону 383 г., был основным источником их благосостояния, открывшего им доступ в курию.

Мы не беремся судить о том, в какой мере положение в городах Мезии, а также других районов Балкан, может рассматриваться как характерное для всей империи. Известно, что в балканских провинциях в IV в. количество рабов еще продолжало возрастать, с дунайской границы сюда поступало больше дешевых рабов-варваров¹³. Может быть, все это и имело существенное значение. Тем не менее мы не можем не учитывать того факта, что именно опустошения в результате вторжений, разорение владений многих состоятельных муниципальных землевладельцев Мезии создали исключительную ситуацию, в которой стало необходимым привлечение в курии плебеев, не имевших земельных имуществ. Правительство разрешает это в порядке отступления от обычной практики (*concessum*). Эта чрезвычайная по своему характеру ситуация в известной мере обнажила тот слой зажиточных плебеев-рабовладельцев, который, по-видимому, существовал и играл немалую роль в экономической жизни и других городов. Но, поскольку мы ограничиваемся Балканами, сочтем правильным вывод о значительной роли рабского труда в городском производстве только для Балкан в конце IV в.

По мнению ряда исследователей, прежде всего болгарских (уже упоминавшегося В. Велкова, Д. Ангелова и др.), именно с начала V в. наблюдается явный перелом в отношении к использованию рабского труда¹⁴. Этот вывод делается на основании анализа и оценки известного закона 409 г. (*Cod. Theod.*, V, 6, 3) о военнопленных-скирах. Закон запрещал превращать скиров в рабов и использовать их в качестве таковых. Они должны были использоваться как колонны. По мнению В. Велкова, закон свидетельствует о том, что «никакой не имел интерес да эксплуатира техниа труд по този начин» (то есть как рабов)¹⁵.

По мнению Е. Э. Липшиц, постановление 409 г. является «наиболее ярким примером», свидетельствующим о том, что

¹³ См. В. Велков. Рабство, стр. 121; Икономиката, т. 1, стр. 45.

¹⁴ См., например, Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития, стр. 6.

¹⁵ В. Велков. Рабство..., стр. 127.

«правлящий класс отнюдь не поощрял появления новых рабов»¹⁶.

Нужно сказать, что анализ текста закона не подтверждает ни таких выводов, ни правомочности его оценки как принципиального, установочного закона в отношении использования рабского труда. Закон был издан в чрезвычайной обстановке, когда, после победы над скирами и пленения части из них, империи угрожало вторжение остатков скиров и их союзников — гуннов. Никакой незаинтересованности местных собственников в использовании рабского труда закон не отражает. Наоборот, государство категорически запрещает порабощение скиров, и делает это в выражениях, которые не оставляют сомнений в том, что местные собственники стремились превратить скиров в рабов. Сознвая опасность этого, государство стремилось вынудить местных собственников в данной ситуации отказаться от обычной практики¹⁷.

Намерения местных владельцев характеризует и другой, вышедший всего за год до появления эдикта о скирах закон 408 г. (*Cod. Theod.*, X, 10, 25), адресованный иллирийским собственникам и запрещающий им обращать в своих рабов (*iugum servitutis imponere*) осевших на их землях разоренных беглецов из других провинций.

Кроме того, в законе 409 г. прямо оговаривается, что он относится только к скирам (*ex praedicto genere*). Запрещение превращать их в рабов прямо обосновывается внешней ситуацией — многочисленностью и опасностью гуннов. Никакие «принципиальные» хозяйственно-экономические соображения в нем не наличествуют. Все в этом законе говорит о том, что он был откликом на угрожающую внешнюю обстановку, и если его и можно рассматривать как показатель перелома в отношении к использованию труда рабов, то уж ни в коей мере не по внутренним, «хозяйственным» мотивам. Внешняя угроза, соседство и активность варварской периферии вынуждали империю и имперских собственников отказываться от превращения военнопленных в рабов, вопреки собственному желанию этих собственников.

Закон этот, в таком его понимании, нам кажется важным именно потому, что он во многом объясняет трагичную судьбу многих балканских провинций в V в., успехи варварских вторжений, которые в немалой мере были облегчены стремлением

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 65.

¹⁷ «...non alio iure quom colonatus, nullique licere, nullique liceat».

местных собственников сохранять и поддерживать рабство, что, в свою очередь, способствовало если не прямой поддержке варваров угнетенными низами римского общества, то во всяком случае, равнодушию массы рабов и населения к обороне балканских провинций. Археологические данные показывают, что на середину V в. приходится разрушение и гибель значительной части рабовладельческих вилл¹⁸. В большинстве своем они не «перестроились», а были разрушены и сожжены варварами, то есть погибли как старые рабовладельческие хозяйства.

Закон 409 г. интересен и тем, что касается не только деревни и проблемы обращения скиров в сельских рабов. Особый раздел закона содержит запрещение обращать скиров в рабов и с целью использования их в городе — «*in servitute trahere urbanisve obsequiis adducere*». В этой своей части он прямо свидетельствует и о сохранявшемся стремлении пополнить также число городских рабов. Следовательно, и в отношении использования рабского труда в городе закон также не свидетельствует о каком-то «переломе».

Таким образом, в свете данных закона 383 г., постановление 409 г., на наш взгляд, убедительно подтверждает, что в V в. балканский город сохранял рабовладельческий характер и в нем продолжали действовать активные тенденции к поддержанию важной роли рабского труда.

¹⁸ См. Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VI вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, стр. 40—43; В. Велков. Рабство..., стр. 110—126; В. Найденова. XII отчетная археол. конференция. Истор. Преглед, 1967, № 3, стр. 72 и след.; С. Dremizova-Nelcinova. La villa romaine en Bulgarie. I. Congr. Intern. des Et. balk. et sud-est europ. Résumés. Sofia, 1966, p. 52, и др.

М. Е. Карпачева

Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века

Исследование генезиса любого исторического явления требует определения критериев для отделения старого от нового. Чем неразрывнее связь предыдущего с последующим, тем труднее определить эту отличительную грань. Эти трудности проявляются особенно остро, когда речь идет о моменте становления средневекового города, возникшего на месте какого-либо первоначального поселения.

Многие французские урбанисты (особенно локальные историки южнофранцузских городов античного корня) идентифицируют эти первоначальные очаги с городами эпохи феодализма. Однако сама историческая ограниченность римского урбанизма (даже для Нарбоннской провинции, которая в наибольшей степени подверглась античной колонизации) привела ряд французских ученых к отрицанию континуитивистской идеи прямой преемственности, к попыткам разграничить старые поселения и города средневековья.

В связи с этим и возникло понятие догородского очага. Впервые Жак Фляк пытался отметить наличие какого-то предшествующего ядра, внутри или вокруг которого появляется город средневековья¹. Этим основным ядром («*poiau central*»), по мнению Ж. Фляка, было прежде всего римское ситэ, которое в процессе градообразования в средние века подвергается переплавке. Но Ж. Фляк отвергает мысль о прямой эволюции средневекового города из античного. Вместе с тем

¹ J. Flach. Les origines de l'ancienne France. Paris, 1893, t. II, p. 301.

историк указывает на наличие «своего ядра» и у новых городов средневековья. Это — укрепленный замок или монастырь. По мнению Ж. Фляка, такое первоначальное ядро — это уже нечто, с чего начинается городское развитие. В этом — непоследовательность позиции ученого, причина того, что вопрос о характере и значении первоначального поселения остался далеко не разрешенным. В большей степени удалось приблизиться к пониманию вопроса Ф. Л. Гансхофу.

Ф. Л. Гансхоф вводит в научный оборот новое определение — «догородской очаг» («*poуau pré — urbain*»), буквально — догородское ядро². По мысли Ф. Гансхофа, сам термин должен показать, что населенный пункт, предшествующий средневековому городу, — это не город и не субстрат, с которого начинается городское развитие. Истинным городским очагом Ф. Гансхоф считает торгово-ремесленный бург³, зачатую возникавший рядом или по соседству с догородским очагом⁴. Вместе с тем Ф. Гансхоф склонен все-таки иногда рассматривать догородское ядро как протогородской очаг, который может стать стержнем будущего города. Он даже высказывает мысль, что, выделяя догородской очаг, можно предполагать в нем самом что-то новое, что-то предвещающее его последующее городское развитие⁵.

И лишь А. Б. Хибберт решительно отделяет догородской нуклеус от средневекового города. Он говорит, что до тех пор, пока старый догородской очаг не окажется под воздействием сил, способствующих градообразованию в средние века (автор имеет в виду приток новоселов), он остается статичным и инертным старым феодальным поселением («*pre — urbain*» или «*feudal*» nucleus)⁶. Однако английский историк ограничился лишь общей постановкой вопроса о догородском очаге и тезисом о необходимости изучения его природы и роли.

Так каковы же природа и роль догородского очага? При всем многообразии исходных очагов каковы их основные типы? Играло ли роль в градообразовательном процессе различие типов догородских очагов? Когда начался и как шел процесс образования мелких и мельчайших городских центров

² F. L. Ganshof. *Etude sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age*. Paris-Bruxelles, 1943, p. 15.

³ *Ibid.*, p. 27.

⁴ *Ibid.*, p. 21.

⁵ F. L. Ganshof. *Etude*, p. 15.

⁶ A. B. Hibbert. *The origins of the medieval town patriciate, Past and present*, 1953, N 3, p. 15—16.

средневековья? Какие импульсы его породили? Попытке разрешения этих вопросов на материале градообразовательного процесса в Каркассонском районе и посвящена данная статья.

В античности район Каркассэ⁷ как часть римской Нарбоннской провинции отмечен некоторым оживлением городской жизни⁸.

⁷ Поскольку Каркассэ в период средневековья не был единым стабильным территориальным и административным комплексом, но, наоборот, его границы и политическое устройство постоянно менялись, отметим, что Каркассэ будет рассматриваться здесь в широком смысле слова, как зона влияния средневекового города Каркассона, как область, отмеченная известной географической, хозяйственной, административной общностью. Географические контуры рассматриваемого района с северо-востока ограничены областью Минервуа, с северо-запада — Лорагэ, с юго-запада — Фуа, с юго-востока — Руссильоном. Это, очень приблизительно, область современного департамента Оды (см. *Atlas géographique, statistique et progressif des départements de la France et de ses colonies. Dep-t Aude, éd par A. Perrot, Paris*) S. d. Плодородная долина Оды, принадлежащие к ней речные долины предгорных районов, участки плато, окруженные пологими холмами, были благоприятны для хлебопашества. В лесистых районах Фуа и Разес, относящихся к Каркассэ, главную роль в хозяйстве должны были играть скотоводство и охота. Виноградарство развивалось на небольшой полосе земель от Безье до Дюрбана. В средние века в Каркассэ в незначительных масштабах шла разработка залежей серебряных руд в отрогах Корбьеров, близ Тюшана (см. *Inventaire-sommaire des archives départementales. Aude. Carcassonne, 1900, t. 3, p. 224*), и добыча соли на крайних восточных границах области (см. *Ordonnances des rois de France. Paris, 1723, t. 1, p. 717—721*). Политико-административное развитие Каркассэ было весьма сложным. В римскую эпоху его территория входила частью в «*Civitas Narbonnae*», частью в «*Civitas Tolosae*» Нарбоннской провинции (Sabarthès. *Dictionnaire topographique du département de l'Aude. Paris, 1912, p. X*). При Каролингах в 778 году было образовано графство («*comitatus*») Каркассонское (*Ibid.*, p. VIII). В IX—X вв. идет интенсивное расширение графства, а затем (с конца XI века) виконства Каркассонского. В середине XIII в. территория Каркассэ вошла в королевский домен, был образован новый административно-юридический округ — сенешальство, который включал 12 диоцезов: Каркассон, Нарбонна, Сен-Пон, Агд, Лодев, Алет, Сен-Популь, Мирпуа, Альби, Кастр, Безье, Рамьер. (A. Longnon. *Atlas historique de la France depuis Cesar jusqu'à nos jours. Paris, 1883, t. 3, p. 249*). Описание городов и местечек сенешальства даны в незаконченной работе П. Вигери: *Annales ou histoire ecclésiastique et civile de la ville et du diocèse de Carcassonne, par. P. Viguerie. Рукопись, t. 2, p. 171—173*. Наиболее полный перечень населенных пунктов см. R. P. Bouges. *Histoire ecclésiastique et civile de la ville et diocèse de Carcassonne. Paris, 1741, p. 452—460*.

⁸ Это отмечает ряд историков: К. Жюлиан, А. Гренье, М. Лабрусс (см. C. Jullian. *Histoire de la Gaule. Paris, 1907—1926, t. V, p. 41*; *Texte complet et carte du département de l'Aude, par. A. Grenier. Paris, 1959, p. 161—191*; M. Labrousse. *Villes romaines du Midi*. — «*Annales du Midi*», N 47, t. 71, 1959, p. 271).

В средние века здесь возникает значительное количество мелких и мельчайших городков, почти все они вырастают не на пустом месте. Не удивительно, что немногочисленные работы французских локальных историков, посвященные истории городов Каркассэ, отмечены печатью континуитивизма, проникнуты идеей непрерывности городского развития⁹.

Однако, исследуя процесс возникновения наиболее крупного города античного корня в нашем районе — Каркассона, нельзя не прийти к выводу, что античный этап его развития закончился почти полным забвением и захирением этой римской цитадели. Раннее средневековье оставило Каркассон в той же функции крепости, в какой застало. Явным доказательством догородского характера развития раннесредневекового Каркассона является полная аграрность рано возникшего под стенами ситэ субурбия¹⁰.

Качественно новый, городской этап развития Каркассона начинается с XI века, со времени появления бургов как центров концентрации ремесленного труда и товарного обращения¹¹.

Кроме Каркассона в период активной римской колонизации этого района здесь возникает множество мелких населенных пунктов. Что они собой представляли? Сыграли ли они какую-либо роль в градообразовательном процессе в Каркассэ?

Поскольку Нарбоннская провинция стала в I в. до н. э. новой житницей Римской империи, важным военно-стратегическим объектом и местом сбыта итальянского вина, в это время расширяется и основательно укрепляется древняя Аквитанская дорога, пересекающая с востока на запад область Каркассэ¹². Территорию каркассонского района пронизывали и другие

⁹ J. Roux. La cité de Carcassonne. Toulouse, 1923, 1931; P. Morel. Carcassonne. La cité. Grenoble, 1939; L.-H. F. o n d s - L a m o t h e. Notices historiques sur la ville de Limoux. Limoux, 1838.

¹⁰ См. М. Е. Карпачева. Каркассон от античности к средневековью. — В сб.: Античный мир и археология. Саратов, 1972.

¹¹ См. М. Е. Карпачева. Возникновение Каркассона как средневекового города. — В сб.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971.

¹² Аквитанская дорога проходила в нашем районе через Бутнак, Каркассон, Бран, Кастьельнодари. (Подробное описание этой дороги см.: Y. Repouard. Les voies de communication entre pays de la Méditerranée et pays de l'Atlantique au Moyen Age. Mélanges d'histoire du Moyen Age, dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951, p. 590).

(второстепенные) римские дороги¹³. На этих дорогах или поблизости от них ветеранами Цезаря и Августа основывались поселения, сторожевые пункты, служившие военно-стратегическим целям, местом отдыха и пополнения продовольственных запасов для римских войск и купцов в Галлии и Испании. Рассмотрим эти пункты, обратившись к картам и путеводителям Римской Галлии¹⁴.

Из одиннадцати римских населенных пунктов на участке Тулуза — Каркассон — Нарбонна, отмеченных в путеводителе из Бордо и Иерусалим, к нашему региону относится шесть¹⁵. Чем же были эти пункты при римлянах? Несомненно, наиболее значительным из них была крепость Каркассон («castellum Carcasso»). Римские «mutatio»: «Caedros», «Trecesium», «Husuerbas» — это, по-видимому, станции между перегонами для смены лошадей¹⁶. Назван один «mansio», вероятно, место привала, ночлега¹⁷, — «Elusione». И, наконец, — «vicus», повсей видимости, деревушка, селение, — «Ebromagus». В Пейтингеровой таблице на этом же отрезке Аквитанской дороги в Каркассэ названы следующие пункты: «Ebromagus», «Carcasso», «Liviana», Husuerbas» (Uuerba)¹⁸. Мутацию Кэдрос и

¹³ Дорога из Безье в Каркассон шла через Пезан, Пенотье, Азиль. (Statistique générale des départements pyrénéens ou des provinces de Guenne et de Languedoc, par. A. M. Mège. Paris, 1829, t. 2, p. 76). Корбьерская дорога «Via Corberiensis», которая через Корбьеры ведет в Испанию: от Сен-Жюли до Сен-Лорана через местечки Фабрезан, Кустуж, Альби, долину Вердубль (A. Grenier, p. 133—134). Дорога из Лиму в Каркассон через Помас, Руфьяк (Ibid.). Дорога из Каркассона в Алайн (Ibid.). Дороги незначительные: из Сижана через Бутнак в Олонзак; из Олонзака в Кастьельнодари (Ibid.), из Альзона в Вилльпинт (Ibid., p. 173).

¹⁴ «Путеводитель из Бордо в Иерусалим» (датируется 333 г.); «Путеводитель Антонина» (Дежарден датирует его IV в.); «Пейтингерова таблица» (составлена, вероятно, еще во II в., добавления в нее вносились вплоть до начала VI в.); «Сведения о провинциях и городах Галлии» (датируется началом V в.). См.: E. Desjardins. Géographie historique et administrative de la Gaule romaine. Paris, 1893, t. 4, pp. 32—35, 36—39, 150—151, 500; K. Miller. Itineraria Romana. Paris, 1916, p. 107—109, p. LXIV, p. LXVIII).

¹⁵ E. Desjardins. Géographie, t. 4, p. 32—35, pl. VII.

¹⁶ Пояснения Дюканжа к этому термину расплывчаты (Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, Paris, 1840—1848, t. IV, p. 590—592). Встречается толкование этого слова и как пункта смены лошадей, и как менового торгового (Полный латинский словарь, состав. Ананьевым, Яценкиным. М., 1862, стр. 537).

¹⁷ По Дюканжу, это место, где путники имели приют на ночь или один день (Du Cange. Mansio).

¹⁸ Du Cange. Glossarium, t. 6, p. 819.

Трекесимум вовсе не упоминаются в «Tabula Peutingeriana». Зато на карте обозначен другой населенный пункт — Ливиана. Точно определить его качество в римскую эпоху не представляется возможным, но незначительность этого местечка не вызывает сомнения¹⁹.

Из сопоставления этих источников, отдаленных друг от друга не более чем полувеком, видно, как незначительны, неустойчивы, а порою и кратковременны были даже те римские населенные пункты, которые, казалось бы, находились в наиболее благоприятных условиях — на главной военной и торговой магистрали, пересекавшей Каркассэ²⁰. Кроме Каркассона, который уцелел только благодаря чрезвычайно важному стратегическому положению и мощным крепостным стенам и который вплоть до X в. оставался прежде всего крепостью, графской и епископской резиденцией, — в раннее средневековье на месте прежних римских поселений сохранились только деревушки Бран и Вильсек.

Еще труднее определить, чем же были и чем стали другие пункты античной урбанизации в Каркассэ, — данные о них чрезвычайно скудны. Известны упоминания от I века н. э. о трех римских городах: Macina, Cobelle, Melio (Menio, Mi-

¹⁹ Есть предположение, что это был всего лишь хутор, который вскоре был оставлен жителями (Mémoires de la Société des arts et des sciences de Carcassonne, publ. par. Cros—Mayrevieille. Carcassonne, v. 5, 2-e serie, 1909, p. 162).

²⁰ Большие разногласия при определении, чем же стали впоследствии эти римские поселения, множество различных современных наименований для одного и того же римского пункта, противоречивость мнений французских исследователей — не это ли доказательство, как мало дают самые скрупулезные этимологические разыскания? Так, римскую бургаду «Эбромаго» определяют как Бран (E. Desjardins, p. 34) и как Пезан (K. Miller, p. 109). Станцию для смены лошадей «Кэдрос» — как Вильсек (Ibid.), Вильсек-Бас (Mège. Statistique, p. 76), как Кокс (A. Grenier, p. 174). Относительно «Трекесимума» есть мнение, что он вообще исчез (A. Grenier, p. 179). Автор определяет его местоположение между Флур и Барбайрой). Е. Дежарден определяет его как Флур (Ibid.), а М. Маюль склонен считать, что это Треб (Cart. Carcas., v. 1, p. 380—381). Большинство историков считают, что исчезла и станция «Хусуэрбас». Е. Дежарден и К. Миллер считают, что она находилась западнее Лезиньяна (E. Desjardins, p. 34; K. Miller, p. 109). Однако Катель определяет его как Лезиньян (см. Mège. Statistique, t. 2, p. 79), что совсем сомнительно. Наиболее спорными оказались определения «Ливианы». Е. Дежарден отождествляет его с Капандю. К. Миллер колеблется между Капандю и Дузаном (Ibid.). Более правдоподобным представляется мнение авторов «Ученых записок Каркассонского Общества искусств и наук», которые предполагают, что это место было покинуто жителями, и только в X веке по соседству с ним была основана деревня Марселлет (Mémoires, v. V, p. 162).

pio)²¹, но кроме как у Плиния Старшего, названия этих римских пунктов нигде больше не встречаются. Видимо, эти слабые очаги римской городской жизни в Каркассэ быстро заглохли. Это тем более вероятно, что процесс упадка античных городов в конце III и в течение IV веков в Нарбоннской провинции — несомненен. Ведь если Плиний Старший отмечает для этой романизированной области около 80 городов, то по данным источника времен поздней Римской империи «Сведения о провинциях и городах Галлии» в качестве самостоятельных городов названы только 5, даже Каркассон не упоминается в этом документе²².

Альбер Гренье в «Археологической карте Римской Галлии» называет для Каркассэ ряд местечек, по его мнению, античного происхождения, мелкие пункты со следами античных укреплений и гончарного производства. Следы римской колонизации обнаружены им в пунктах: Баньоль, Вильзавари, Алет, Дюрбан, Куфуленс, Преиксан, Казилак, Пенотье, Вильсек-Ланд, Пексиора²³. Определить экономическое качество этих мелких римских поселений по тем малым сведениям, которые приводит А. Гренье, не представляется возможным. Археологический материал, собранный историком со всем возможным тщанием и чрезвычайной скрупулезностью, дает, однако, весьма слабые свидетельства о незначительных элементах земледельческих занятий римских колонистов в Каркассэ и со всей очевидностью показывает, что в дальнейшем они не имели никаких последствий, растворились в аграрном, деревенском окружении.

Таким образом, римская колонизация и некоторая урбанизация Каркассэ не явились ни основой, ни прологом градообразовательного процесса, развернувшегося здесь в средние века. Однако в догородском очаге, оставленном римлянами, при особо благоприятных условиях могла создаться потенциальная возможность для переплавки его в город. Таким догородским очагом был Каркассон — римская, а затем вестготская крепость, феодальная резиденция графов и епископов. Качественно новое явление — образование бургов Каркассона как центров товарного производства и обращения знаменует со-

²¹ Plinii Secundi. Historiae Naturalis, Parisiis, 1741, III, 4.

²² «Notitia provinciarum et civitatum Galliae» (E. Desjardins, t. 3, p. 500).

²³ A. Grenier. Texte complet, p. 161—190.

бой начало собственно городского этапа развития Каркассона.

К сожалению, размеры статьи не позволяют подробно остановиться на испанской колонизации и образовании в Каркассэ в VI—VIII вв. ряда испанских поселений. Отметим только, что размеры первой и количество последних — явно меньшее, по сравнению с римскими, результаты заметно слабее. Испанская колонизация была по преимуществу сельской, а не городской²⁴.

Обратимся теперь к пунктам, возникшим на территории Каркассэ в раннее средневековье, во времена вестготов, арабов, первых Каролингов.

Каркассэ, оплот готского сепаратизма в Лангедоке, стал ареной наиболее ожесточенных битв вестготских и франкских завоевателей, и только в VIII веке был присоединен к франкскому королевству. Неудивительно, что в это бурное время на территории Каркассэ возникает множество замков, крепостей, кастеллов.

Расположенные в труднодоступных горных районах, на перевалах, в ущельях, они в основном выполняли роль военных сторожевых пунктов. Наиболее значительными из них были: в горных отрогах Монтань-Нуар-Кабарет²⁵, Минерв²⁶,

²⁴ См. привилегии испанским колонистам от 812 г. до 816 г. (*Capitularia regum francorum*. Parisii, 1677, t. 1, pp. 569—572, 490—500; *Histoire générale de Languedoc*, par Devic et Vaissete. Toulouse, 1872, t. 1, p. 944. (См. далее HGL). Они основали аббатство Сен-Поликарп; деревню Фоджонкуз в 793 г. (*Sabarthès. Dictionnaire*, p. IX). В VIII в. испанцами был колонизован Лезиньян. Это местечко «*Licianum*», по дарению Карла Лысого от 847 года, закрепляется за испанскими сеньорами. Так как Лезиньян входил в Безьерский диоцез, затем попал во владения Нарбоннских виконтов и был как-то вне орбиты влияния Каркассонских сеньоров, то судьбы этого единственного города, основанного испанскими поселенцами, рассматриваться не будут.

²⁵ Этот замок встречается в источниках с 585 года (HGL, t. 1, p. 632; t. 2, note XXVII). Он находился вблизи дороги из Альби в Испанию (*Cart. Carcas.*, v. 3, p. 43). Только с середины XII в. намечаются некоторые признаки появления торговой деятельности: в 1153 году в замке Кабарет учрежден еженедельный рынок: «*mercatum in castello de Cabarete in dominicibus diebus...*» (*Cart. Carcas.*, v. 3, p. 300), взимается с жителей шателени Кабардес ледда — торговая пошлина, отмененная только в 1378 г. (*Ibid.*, p. 42). Однако эти слабые элементы торговой деятельности в средневековом Кабарете так и не возобладали. Его небольшое население состояло в основном из гарнизона, обязанного сторожевой и военной службой (см. акты от 1260 г., 1272 г., 1279 г., 1290 г.).

²⁶ Это древний замок, название которого говорит об античном происхождении, в VIII—IX вв. — он центр аграрной области, в X—XI вв. — виконтства, в XIII — викаритата Минервского. Замок был сильно укреплен, обнесен мощными крепостными стенами. В начале XIII века, при осаде замка вой-

несколько позднее Сессак²⁷ и в Корбьерах — Шаламбр, Пюи-вер, Пьерпертюз²⁸.

В долине Оды, по дорогам, пересекающим Каркассэ, также основывались в раннее средневековье замки, крепости, кастеллы. Среди них отметим главные: Лиму²⁹, Треб³⁰, Альзон³¹.

Сками Симона де Монфора, в его стенах находились около 400 человек. Но никаких данных о развитии ремесленном производстве, кроме как о кузнечном, вплоть до XIV в., нет (Ch. Broyer. *Minerve (Hérault) ancienne capitale du Minervois*, La nature., 1954, N 3230, p. 227—229).

²⁷ Сначала здесь была деревушка: «*villa quae vocatur San Saco Sahiaso*» (*Sabarthès*, p. 422). От X века приходят данные о существовании уже замка Сессак: акт от 960 г. о передаче по завещанию Юго, епископа Тулузы, этого замка каркассонскому графу (*Cart. Carcas.*, v. 4, p. 470). В начале XI века Сессак превратился в солидную крепость: «*Castellum quem dicunt Sexaquim*», 1002 г. (*Sabarthès*, p. 422). Сначала XII века Сессак входил во владения сеньоров Каркассона. Население этого местечка насчитывало в 1372 году около 430 человек. Цифра в значительной степени предположительная. В подсчете мы исходили прежде всего из числа налогооблагаемых очагов, данных М. Маюлем (69 очагов, 1372 г., *Cart. Carcas.*, v. 4, p. 500), использовали средний коэффициент 5 человек на очаг и допустили, что как минимум 20% населения находилось ниже уровня налогообложения. (Далее подсчеты аналогичны).

²⁸ Сведения об этих замках чрезвычайно скудны. Как пограничные пункты на крайних юго-восточных границах области с Испанией, они выполняли главным образом военно-стратегическую функцию. Их краткое внешнее описание см.: J. Girou. *Carcassonne et la belle Aude: la cité, les châteaux, les abbayes*. Toulouse, 1956, p. 100—101.

²⁹ Представляется сомнительным мнение ряда историков о римских корнях Лиму. Называют бург «*Atax*» (*Cros-Mayrevieille. Les monuments de Carcassonne*, Paris, 1850, p. 32), «*Flacianum*» (*La grande encyclopédie*, Paris, t. 22, p. 265) в качестве первоначального ядра Лиму. Но достоверные данные о возникновении Лиму исходят от IX в. В первый раз был упомянут в дипломе Карла Лысого от 30 июля 854 года (HGL, v. 1, p. 881; v. 2, col. 256). Замок Лиму, находившийся на возвышенности, был разрушен в ходе альбигойских войн, жители его отстроили уже в долине, у подножья холма, город Лиму (L.-H. Fonds-Lamothe, p. 9).

³⁰ Очень мало оснований считать, что римский «*Трекесимум*» существовал замку Треб. Замок Треб стоял на дороге из Нарбонны в Тулузу (*Cart. Carcas.*, v. 1, p. 381). Однако почти полное отсутствие данных о развитии ремесла в этом местечке не позволяет нам говорить о городской экономике Треба. Можно предположить, что он осуществлял функции главным образом торгово-перевалочного пункта. Только к XIV веку близ замка разрастается торговое поселение с рынками и ярмарками. Каркассонские купцы в это время даже считали деятельность торговцев Треба нежелательной конкуренцией (*Cart. Carcas.*, v. 1, p. 383).

³¹ Альзон впервые упоминается в хартии Карла Лысого от 20 июля 870 г. (HGL, t. 1, p. 1152). Как «*castrum Ausone*» фигурирует с 918 г. (*Sabarthès*, p. 7—8). Г. Катель определяет средневековый Альзон как малельский городок (*Mémoires de l'histoire du Languedoc*, par G. Catel. Toulouse, 1633, p. 342). Однако внимательное рассмотрение источников показывает, что это преимущественно аграрное поселение с элементами ремесла — ведь

Укрепленные пункты возводились в Каркассе и позднее, в XI—XIII веках, из-за постоянных военных столкновений соперничавших феодальных династий Арагона, Барселоны, Тулузы, Нарбонны, Фуа, Каркассона. Ряд крепостей был отстроен взамен многих разрушенных в ходе альбигойских войн. Это Арзенс³², Куфуленс³³, Кабреспин³⁴, Перьяк-Минервуа³⁵, Ситу³⁶, Лок³⁷, Родерн и Молле³⁸, Руфьяк³⁹, Тюшан⁴⁰, Ду-

кроме обложения торговой пошлиной жители Альзона обязаны платить в XII в. десятину, поголовной побор (Cart. Carcas., v. 1, p. 19). Существование вплоть до XV века извозной повинности, целого ряда сеньориальных баналитетов, разветвленной системы штрафов отмечено в кутюмах Альзона от 1431 г. Симптоматично и то, что большая часть статей посвящена различным сторонам сельскохозяйственных занятий альзонцев, и только в некоторых упоминается о весьма примитивных сукнодельческих и сыромятных промыслах (Cart. Carcas., v. 1, p. 21—23).

³² Арзенс («Archenchi») впервые упоминается в 949 г., в 1050 г., является свидетельством о существовании замка Арзенс, в 1065 г. Арзенс становится значительной крепостью «Castellum quae vocant Arzens» (Cart. Carcas., v. 3, p. 216).

³³ Вначале Куфуленс был просто укреплением «fortalitia quae vocant Quofolet» (1063 г.), затем через несколько лет, в 1067 г., был отстроен замок «castrum de Confolet» (Cart. Carcas., v. 5, p. 175). Есть данные о взятии в 1192 г. ледды с жителей Куфуленса (Cart. Carcas., v. 5, p. 182). Но, насколько нам известно, купцы его не посещали суконные ярмарки Лангедока, среди тканей, изготавливаемых и продаваемых в Каркассе, нет таких, которые поступали из Куфуленса. Остается предположить в этом местечке торговлю, главным образом сезонную, продуктами сельского хозяйства.

³⁴ Замок Кабреспин впервые отмечается в 1033 г. (Cart. Carcas., v. 4, p. 37). Никаких следов торгового или ремесленного развития в нем источники не отразили.

³⁵ Перьяк-Минервуа как замок встречается в акте от 1070 г. (Cart. Carcas., v. 2, p. 263). В XIII веке (акт 1230 г.) источники говорят уже о замке и местечке близ него (Ibid., p. 264). Население Перьяк-Минервуа в это время незначительно — 24 очага (Ibid., p. 278). Но скудость сведений не позволяет нам сделать вывод о городском или аграрном его качестве.

³⁶ В документе от 1183 г. говорится о замке Ситу (Cart. Carcas., v. 4, p. 188). Из него видно, как тяжел был здесь феодальный гнет аббатства Конес и как это заглушало всякие ростки свободного производства. Ведь только в 1280 г. — и за большой выкуп — жителям Ситу удалось получить право свободного наследования имущества (Ibid.).

³⁷ В данном случае сначала в документах отмечается замок Лок — 1110 г., а затем деревня — 1150 г. (Cart. Carcas., v. 5, p. 188). Никаких элементов городской экономики здесь не возникло.

³⁸ Родерн и Молле — замки позднего основания, свидетельства о них восходят к 1283 г. (Cart. Carcas., v. 4, p. 554). Это были мелкие крепостцы.

³⁹ Аналогично этому замок Руфьяк появляется в источниках около 1272 года (Cart. Carcas., v. 4, p. 574). Его население в 1367 г. состояло из 12 очагов, то есть около 80 человек (Ibid., p. 578).

⁴⁰ Тюшан значительная крепость на границе с Русильоном, 1215 г. (Ibid., p. 590).

зенс⁴¹, Палайя⁴², Брусс⁴³, Кустоза⁴⁴, Монлор⁴⁵, Лоран⁴⁶ и многие другие.

Можно было бы продолжать рассмотрение укрепленных пунктов Каркассе (в средние века их было не менее пятидесяти), но уже из приведенного выше представляется несомненным преобладание в этих крепостях, замках, кастеллах военно-стратегической, резиденциальной, перевалочной функций над торгово-ремесленной; натурально-аграрного хозяйства над элементами товарного производства и обращения, феодального гнета и засилия перед моментами сеньориальных уступок и льгот. Такие населенные пункты по сути не противостояли деревенско-поместному окружению, но, наоборот, как бы растворялись в нем. Прилегающая к стенам замка земледельческая округа являлась главной сферой экономической деятельности его небольшого населения⁴⁷. Даже внутри крепостных стен часто находились свободные земельные участки⁴⁸.

Большие феодальные поборы, тяжелым бременем ложившиеся на плечи жителей замка, часто носили прямо-таки суровый характер⁴⁹. Не случайно в источниках XIII века

⁴¹ Замок на дороге от Каркассона к Нарбонне (Cart. Carcas., v. 1, p. 334—338).

⁴² Cart. Carcas., v. 5, p. 216.

⁴³ Это просто укрепление, весьма незначительное (Cart. Carcas., v. 4, p. 401—406).

⁴⁴ Отмечен замок Кустоза в акте от 1157 г. (Cart. Carcas., v. 5, p. 126).

⁴⁵ Монлор основан виконтом Каркассона в 1172 г. (HGL, t. 7, p. 141).

⁴⁶ Замок Лоран был построен в XII веке близ селения «Laurandio», существовавшего еще в 844 г., однако это никак не повлияло на судьбу последнего (Cart. Carcas., v. 4, p. 198—203).

⁴⁷ Вот характерный пример: большинство жителей замка Виллегль были держателями земельных участков под стенами замка и в 1310 году платили цензы главным образом продуктами сельского хозяйства (Cart. Carcas., v. 2, p. 110—113).

⁴⁸ «Terras et possessiones quas habetis in castro de Alsona» вновь утверждены буллой Григория X за Пруильским монастырем в 1275 г. (Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame de Prouille, publ. par J. Guiraud. Paris, 1907, t. I, p. 33; N 53).

⁴⁹ Король, верховный сеньор замка Виллегль, и феодал Гильем де Мервер, его владелец на условии прекария, в начале XIV в. облагали жителей замка многочисленными феодальными поборами и повинностями. Это прежде всего таска — продуктовый оброк (в основном пшеницей и ячменем, а также вином, овсом, маслом, овощами, воском). Денежные цензы взимаются: форискапий — налог при переуступке, отчуждении держания (10 ливров), ценз в 4 ливра 18 солидов 4 денье на рождество в пользу короля, он уплачивается за владение домами, цензы за право строить мель-

встречается такое выражение: «villa seu castrum»⁵⁰.

Как видим, основание первоначального укрепленного пункта не создавало само по себе возможности для возникновения города, но часто крепостные стены и сеньориальный гнет препятствовали притоку в эти крепости новоселов и развитию здесь ремесла и торговли⁵¹. И только в редких случаях, когда в силу ряда благоприятных обстоятельств этот очаг попадал в орбиту действия новых градообразующих сил, на месте или рядом с укрепленным феодальным замком мог вырасти городок. Только 3 догородских очага этого типа из более чем полусотни замков Каркассэ: Лиму, Сессак, Арзенс — стали впоследствии (XII—XIV вв.) городками.

Рассмотрим теперь другую группу догородских очагов — примонастырские поселения. Время широкого основания в Каркассэ аббатств и монастырей — VIII—IX века⁵². Близ них,

делая проем в крепостной стене, при вступлении в ремесло. Сеньор широко использует печной и мельничный баналитеты, взимает штраф за ловлю рыбы в реке, протекающей близ замка. Жители обязаны feudалу извозной повинностью, а также барщиной: молотить, веять зерно, а женщины — приводить солому.

Что касается обложения ремесла, то оно составляло: 4 подковы и 150 гвоздей с кузнеца в год, а также от 25 до 100 черепиц с изготовителя черепицы (акт от 1310 г. Cart. Carcas., v. 2, p. 110—113). Борьба жителей Виллегла против сеньориальной эксплуатации привела лишь к фиксации феодальных повинностей и некоторому смягчению их. В акте 1315 г., которым твердо определены повинности и поборы в пользу сеньора Г. де Дюрбана, отменяются наиболее тяжелые из них, налоги за ксьбу и вывоз деревьев из леса, смягчаются формы и нормы отработок на виноградниках феодала (Cart. Carcas., v. 2, p. 115—116). См. также о замке Молле. (Ibid., v. 4, p. 554).

⁵⁰ «Замком или деревней» Брусс владел в 1253 г. Беренжер де Крав, население его в XIV в. составляло около 30 человек (Cart. Carcas., v. 4, pp. 401—406). В буллах папы Григория IX относительно владений и имущества аббатства Лаграсс „castra et villas“ перечисляются вместе и поборы с них одинаковы (акт от 1228 г. Cart. Carcas., v. 2, p. 267).

⁵¹ В Каркассоне сеньориальный гнет фактически пресек приток новоселов в Ситэ, которые устраивались под стенами крепости, в бургах (см. М. Е. Карпачева. Возникновение Каркассона, стр. 174—175).

⁵² Лаграсс, на юго-востоке Каркассэ, одно из могущественных аббатств Лангедока. Монастырь был основан в 778 году близ реки Орбье в долине Novalias неким Небридем (Sabarthès, p. 133). Диплом об основании аббатства см. Cart. Carcas., v. 2, p. 208. Известны многочисленные дарения и пожалования этому аббатству: от 814 года право свободной и беспощадной торговли продуктами питания (R. P. Bouges. Histoire ecclésiastique et civile de la ville et diocèse de Carcassonne. Paris, v. 1, p. 54); от 820 г. хартия Людовика Благочестивого, в которой давалось право выбора аббатов и священников (Cart. Carcas., v. 5, p. 57), а также хартия от 876 г. (Layettes du trésor des chartes, publ. par A. Teulet, Paris, 1863, t. 1, p. 13—14); от 890 г. (Cart. Carcas., v. 2, p. 216). Рост земельного

как центров, притягивавших приток людей (паломничества, храмовые праздники, место убежища) и элементы обмена (временные торжища и ярмарки), возникают поселения. Незначительные примонастырские пункты: Сент-Илер, Вильлонг, Реконет и другие — на протяжении всего средневековья вовсе не выделялись из деревенско-аграрного окружения⁵³.

Что же собой представляли наиболее крупные из этих пунктов — Лаграсс, Монтолье, Конес?

Лаграсс был основан не прямо под стенами монастыря, а на противоположном (правом) берегу реки Орбье. Строился он хаотически, улицы Лаграсса были извилисты и узки, что говорит о стихийном характере его заселения. Лаграсс развивался вначале как примонастырское поселение, аббат монастыря был его сеньором, службы отправлялись только в церкви аббатства⁵⁴.

Близ монастыря Монтолье отмечается в документах существование двух деревушек: «villa Sigarii» и «villa Addarii» (828 г.). Вскоре был построен феодальный замок (около

и политического могущества аббатства Лаграсс прослеживается по документам Каркассонского картулярия (Cart. Carcas., v. 2, p. 269—271). К началу XIII в. Лаграсс превратился в одно из самых богатых аббатств Лангедока, от которого зависели 56 населенных пунктов Каркассэ (Cart. Carcas., v. 2, p. 267).

Монтолье — второе по богатству и влиянию аббатство, основано Олемундом, акт основания подтвержден в 815 г. хартией Людовика Благочестивого (Cart. Carcas., v. 1, p. 69; R. P. Bouges, v. 2, p. 501). Дарения и привилегии этот монастырь получил в 828 г. (Cart. Carcas., v. 1, p. 70), в 854 г. (Ibid., p. 71). Расположен он при слиянии рек Дюре и Альзо в долине «Sigurii» (Sabarthès, p. 252).

Аббатство Конес возникло около 789 г. путем слияния трех монастырей (Св. Иоанна, Св. Петра и Св. Павла) и было также весьма значительным и богатым (HGL, t. 4, p. 466). Монастырь Сент-Илер основан около 780 г. неким Нанпием, расположен южнее Каркассона на реке Лок. Этот монастырь пользовался особым покровительством каркассонских графов, которые избрали его местом фамильного погребения. Известна хартия от 820 г., в которой дается Сент-Илеру ряд привилегий (Cart. Carcas., v. 5, p. 58).

Известны и другие монастыри: Вильлонг, Реконет, Кампань и др. (R. P. Bouges, v. 1, p. 109; v. 2, p. 461).

⁵³ Cart. Carcas., v. 1, p. 224—225, 226. Документы от 1152, 1165 гг. говорят о натуральных поборах, взимаемых в деревне Вильлонг: «in villagio S. Iohannis de Villalonga». То же с деревушкой Реконет. Сент-Илер, правда, был в привилегированном положении, так как здесь были усыпальницы каркассонских графов, затем виконтов. Жители Сент-Илера пользовались некоторыми льготами и вольностями (см. Cart. Carcas., v. 5, p. 109—110), но ремесло и торговля в нем так и не развились.

⁵⁴ Вплоть до XIV в. аббат Лаграсса осуществлял юрисдикцию и надзор над ремеслом и торговлей в Лаграссе (Cart. Carcas., v. 2, p. 462, p. 501, N 3). Приходская церковь была построена только в 1359 г.

898 г.) «castrum Mallasti cujus est vocabulum Vallis Sigarii»⁵⁵, что было проявлением соперничества светского и духовного феодалов. Есть сведения, что уже в X веке близ Монтолье возникает рынок⁵⁶, и не приходится сомневаться, что жители его принимают участие в обмене и торговле. В середине XII века, когда поселение стало разрастаться, вопреки воле аббата, по приказу каркассонского виконта Ружера здесь строится крепость⁵⁷. Таким образом, городок не возник сразу лишь по распоряжению виконта Каркассонского в 1146 году⁵⁸, но сама по себе хартия 1146 г. весьма многозначительна, из нее следует, что в эту пору сюда был широкий приток населения⁵⁹.

Близ аббатства Конес уже в 791 году упоминается деревня «villa Сапоас»⁶⁰, которая находилась под горой Конес, по течению речки Аржантубль, впадавшей в Оду⁶¹. Ее жители с самого начала подвергались феодальной эксплуатации со стороны соседнего аббатства⁶².

И все же новоселы Лаграсса, Монтолье и Конес сумели извлечь пользу из тех небольших преимуществ, которые давало им расположение близ наиболее мощных религиозных центров Каркассэ. Стечение народа на религиозные праздники, во время которых возникал оживленный обмен, втягивание в орбиту быстрой и цепкой деятельности духовных феодалов, богатевших на торговле, — вот, пожалуй, и все те условия, которые создавали потенциальную возможность превращения примонастырского поселка в ремесленную слободу. Главную

⁵⁵ Sabarthès, p. 252.

⁵⁶ Документ от 931 г. говорит о рынке у реки Дюре, где была деревня с церковью («...in comitatu Carcasense cum mercato super fluvium Durraipa... Est ibidem villa et ecclesia» (Capitularia regum francorum, t. 2, p. 1537).

⁵⁷ Хартия 1146 г. (Cart. Carcas., v. 1, p. 125).

⁵⁸ Как это считают авторы «Всеобщей истории Лангедока» (HGL, v. 3, p. 734—735).

⁵⁹ Хартия 1146 года является важнейшим свидетельством начала превращения примонастырского поселения в слободу, так как виконт дает жителям Монтолье ряд вольностей: возможность свободно владеть домами и участками, продавать и уступать их за небольшой ценз — 1 денарий (Cart. Carcas., v. 1, p. 125).

⁶⁰ Cart. Carcas., v. 4, p. 67, 136.

⁶¹ Cart. Carcas., v. 4, p. 179.

⁶² Жители Конес вплоть до первой половины XII века облагались поборами в пользу аббата и монахов монастыря: «Tolta, fortia et quista» (Cart. Carcas., v. 4, p. 136). Толта, фортия, квиста — это экстраординарные поборы, подати, налоги (Du Sange. Glossarium, t. 6, p. 601; t. 3, p. 376; t. 5, p. 568, 537—538). Вплоть до 40-х годов XIII века имущество конесцев, умерших без детей, поступало аббатству (Cart. Carcas., v. 4, p. 137). Печной баналитет сохранился до конца XIII века (Ibid., p. 140).

же роль сыграли здесь (как и для ранее рассматриваемых до-городских очагов) внутренние экономические процессы, развернувшиеся в Каркассэ в конце XI века.

С конца XI века территория Каркассэ оказывается в зоне активного колонизационного движения, связанного с заметным увеличением производительности сельскохозяйственного труда, появлением «избыточного» деревенского населения, облегчением отрыва крестьянина от земли, освоением пустующих земель, заинтересованностью феодала в новых, более быстрых и доходных способах обогащения.

Вначале, в XI—XII веках, в районе Каркассэ этот процесс шел путем образования сальветатов. Сальветаты — это убежища, как правило, образованные стихийно беглыми крестьянами, а затем официально утвержденные сеньором или прямо основанные феодалом для привлечения новоселов, с облегчением некоторых феодальных повинностей. Период наиболее интенсивного образования сальветатов в Южной Франции — вторая половина XI — первая половина XII века. Многие авторы выделяли большую, чуть не решающую роль в этом процессе духовных феодалов, особенно монастырей⁶³. С этим нельзя согласиться, так как, несмотря на то, что область Каркассэ не была отмечена широким образованием сальветатов, известны случаи основания сальветатов светскими феодалами.

В 1144 году виконт Ружер Безьерский учреждает сальветат в Каркассэ. Это один из редких для нашей области документов, где употребляется само слово «salvetas». Речь идет об образовании убежища «для защиты бедняков, там живущих», от насильных соседей сеньоров, которые пытались делать здесь сыск своих крестьян. Несомненно, что жители этой деревни были неимущие люди, ведь документ не случайно называет их «pauperes». По-видимому, виконт лишь подтвердил существо-

⁶³ Явно преувеличивает роль церкви в процессе внутренней колонизации Жак Фляк (J. Flach. Les origines, t. 2, p. 150, 171—176).

Едва ли правомерно считать, что обычно все местечки, которые вырастают близ монастырей, — сальветаты (P. Dognon. Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII siècle aux guerres de religion. Toulouse, 1895, p. 36).

А. К. Дживилегов считал главным отличием сальветатов от бастид то, что первые образовывались под церковным покровительством, а светская власть организовывала убежища-бастиды (А. К. Дживилегов. Средневековые города в Западной Европе. С.—П., 1902, стр. 16).

П. Урлиак прямо отмечает: «Сальветаты — это прежде всего церковные владения» (P. Ourliac. Les villages de la region toulousaine au XIII siècle. Annales E. S. C., 1949, p. 277).

вание этого убежища, возникшего стихийно, обязав рыцарей не стронуть «зло и козни» жителям этого сальветата⁶⁴. Разумеется, «забота о бедных» была только прикрытием корыстных интересов верховного сеньора Каркассэ, его стремления получать доходы с нового поселения, поэтому он и решился вступить в конфликт с прежними сеньорами жителей сальветата. Этот же виконт, давая право основать сальветат в Каркассэ тамплиерам, ограничивает приток населения туда, запрещая селиться в убежище своим зависимым людям⁶⁵. Очевидно, Ружер не сомневался, что основываемое убежище привлечет немало его собственных крестьян, поэтому и сделал такую оговорку. Главная причина образования сальветатов — стихийный приток сельского бедного люда в места, где слабее ощущался гнет феодальной эксплуатации.

Однако актов об основании сальветатов в Каркассонской округе чрезвычайно мало, хотя есть косвенные данные об их образовании⁶⁶. Можно отметить, что в XI—XII вв. заново основывается много новых деревень, особенно в округах Альзоны, Минервуа, Кабардес⁶⁷, и хотя слова «сальветат» документы не содержат, можно предположить, что некоторые из них возникали как убежища. Независимо от того, признаны ли официально убежищами эти новые поселения или нет, — и даже именно потому, что они не получили формальной санкции сеньоров, — несомненно, что они были основаны беглыми крестьянами.

⁶⁴ HGL, t. 8, p. 1064. Вероятно, рыцари — соседние феодалы пытались вести сыск своих сервов.

⁶⁵ Cartulaire général de l'Ordre du Temple; publ. par d'Albon. Paris, 1914, N 63.

⁶⁶ В акте от 1128 года по поводу продажи женщины Виены приору Лаграсса сделку производит Пьер Гильем из Сальветата (de Salvetat). Заставляет задуматься факт продажи человека, видимо, тоже из сальветата (Cart. Carcas., v. 2, p. 250). В викариате Безье Пьер Вигери отмечает «Salvetate» (Annales ou histoire, t. 2, p. 71). А. Сабартэ в кантоне Каркассона называет «Salvaza» — «Salvazanum» — 1126 г.; «Sanctus Joannes de Salvaza» — 1263 г., «Salvetat», разрушенное место в Разес, от 1251 г. (Sabarthès. Dictionnaire., p. 426); «Salvazano» (Mémoires de la Société des Arts et des Sciences de Carcassonne, publ. par Cros—Mayrevieille. Carcassonne, v. 5, p. 95).

⁶⁷ Очень похож на основание сальветата акт от 1172 г., в котором с согласия Альфонса II, короля Арагона, и под его покровительством монахи Лаграсса и жители Ревесальте строят в этом месте укрепления, за что обязаны платить королю ежегодный налог в 35 минн ячменя, и только. (Inventaire-sommaire des archives départementales. Aude. Carcassonne, 1900, t. 3, p. 215). Акты основания новых деревень см.: Cart. Carcas., t. 1, p. 54, 189, 244; t. 3, p. 359, 384, 393; t. 4, p. 71).

Однако по степени интенсивности этого движения Каркассэ намного уступает Тулузену. Причиной этому может быть то, что в плодородной долине Оды нераспаханных, целинных участков было совсем мало, выкорчевка и распашка лесов почти не практиковались, так как в районе Каркассэ леса занимали большей частью возвышенные гористые места, непригодные для земледелия. Возможно поэтому «историческая роль их (сальветатов) основания, отмеченная первыми распашками нови», — по словам Урлика, в Каркассэ не проявлялась так отчетливо и полно, как в районах Комменжа, Муассака, Тулузена⁶⁸.

В качестве догородского очага сальветаты Каркассэ, хотя в них и создавались некоторые предпосылки для городского развития (так как новоселам предоставлялось здесь облегченные повинностей, свобода пользования угодьями, также и рынками, право свободного ухода из сальветата), не дали реального примера возникновения на этом месте городов. Они остались в основном аграрными поселениями. Тем более нет никакого основания отождествлять прямо сальветаты и новые города⁶⁹.

В Каркассэ, процесс поглощения бедного люда, выталкиваемого и бежавшего из поместий, более широко проявился во второй половине XII и в XIII веке путем образования другого вида новых поселений — бастид. Приток новоселов в них в это время стимулировался интенсивным развитием товарно-денежных отношений, более широкими вольностями бастид⁷⁰. Кто же были эти новоселы? Очевидно, население бастид, как и сальветатов, складывалось главным образом за счет притока деревенских иммигрантов. Несмотря на то, что существовали многочисленные предписания, чтобы принимать в бастиды только лиц свободных, не совершивших проступков (то есть, по сути, не сервов и не имеющих недоимок), но они зачастую не выполнялись⁷¹.

⁶⁸ P. Ourliac. Les villages., p. 268—277; Ch. Higounet. Les sauvetés de Moissac., Annales du Midi, t. 73, N 64, 1963, p. 505—517.

⁶⁹ «Сальветаты — новые города». — A. Molinier. Etude sur l'administration féodale en Languedoc au Moyen Age. Paris, 1875, p. 222.

⁷⁰ «advena sine domino... sine prejudicio nullus... liberi... ingenui» (A. Curie-Seimbres. Essai sur les villes fondés dans le Sud-Ouest de France au XIII et XIV siècles sous le nom générique de bastides. Toulouse, 1880, p. 121).

⁷¹ Так, в бастиде Эспарберенк даже в XIV веке несколько жителей назывались сервами и несли сервилные повинности (Cart. Carcas., v. 3, p. 3—4).

Что же представляла собой бастиды? Одни авторы прямо считают бастиду с самого начала ее основания «новым городом»⁷². Другие рассматривают ее прежде всего как крепость⁷³ или центр колонизации⁷⁴. В соответствии с этим организацию бастид признают заслугой или королевской власти⁷⁵, или духовных орденов⁷⁶. Материал Каркассэ позволяет говорить о многообразии типов бастид. Это и аграрные поселения, и оборонительные пункты, но главным импульсом их образования явилась, по-видимому, не деятельность духовных и светских феодалов, а углубление процесса внутренней колонизации не только в силу экономических сдвигов внутри поместья, но и под воздействием города на деревню, расширения товарно-денежных отношений⁷⁷. В Каркассонском районе большинство бастид возникло на протяжении XIII и XIV веков⁷⁸, видимо, здесь сказались некоторая запоздалость экономического развития Каркассэ по сравнению с Тулузеном.

⁷² Odon de Saint-Blanquat. Comment ce sont créés les bastides du sud-ouest de la France., Annales E. S. C., 1949, An. 4, N 3, p. 278.

⁷³ Ch. Higounet. Bastides et frontieres., Moyen Age, 1948, t. 54, N 1—2, p. 15.

⁷⁴ H. Sée. Les classes rurales et le régime domanial en France au Moyen Age. Paris, 1901, p. 197—298.

⁷⁵ R. Boutruche. Le courant de peuplement dans l'Entre-Deux-Mers., Annales d'histoire économique et sociale, 1935, pp. 18—19; Odon de Saint-Blanquat. Les origines des bastides du Sud-Ouest., Etudes regionales pour l'Enseignement. Toulouse, 1942, pp. 1279—1281.

⁷⁶ Ch. Higounet. Cisterciens et bastides., Moyen Age, t. 56, 4-e série, 1950, p. 69.

⁷⁷ См. С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969, стр. 60—62.

⁷⁸ «Bastida Boulhonac» (Болонак) в документах упоминается с 1215 г. (Cart. Carcas., v. 2, p. 26); бастиды Эспарберенк (округ Мас-Кабардес) в 1221 г. (Catalogue des actes de Simon et Amauri de Montfort, publ. par A. Molinier., Bibliothèque de l'École des Chartes, 1873, t. 34, p. 106); Лабастид ан-Валь («Surlac», округ Лаграсса) в 1237 г. (Sabarthès. Dictionnaires, p. 189); бастиды Монреаль в 1255 г. (Curie-Seimres. Essai., p. 392); «Bastida de Pratis», отмеченная в булле Клементя IV от 13 мая 1268 г. (округ Лаграсс), см.: Inventaires-sommaires, t. 3, 1900, p. 195; Лабастид Ружер (Mémoires, t. 5, p. 126), она же «Rogerii Petro» (Sabarthès, p. 190); «Bastida nova de Linairollis» в 1269 г. в Мирпуа (Cart. de Prouille., t. 2, p. 150, N 391); бастиды «Ventenago» (округ Альзоны и Минервуа) в 1270 г. (Cart. Carcas., v. 4, p. 402). Под 1298 г. название этой бастиды встречается в Пруильском картулярии (Cart. de Prouille., t. 2, p. 214, N 470). Бастиды Реальмон — в 1272 г. (Ch. Higounet. La frange orientale des bastides., Annales du Midi, 1949, p. 362); бастиды Кулумат (в пограничном округе Бельпеш) — в 1296 г. (Sabarthès, p. 189); бастиды Баларан (Каркассонский округ) — в 1332 г. (Cart. de Prouille, t. 1, p. 179, p. 206); бастиды Анжу (округ Кастельнодари) — в 1373 г. (Ch. Higou-

Обычно при основании бастид заключались договоры (parages) между представителем официальной власти и сеньором (светским или духовным) — непосредственным владельцем земельной собственности, который эту последнюю уступал на условии сохранения каких-то сеньориальных прав⁷⁹. Как правило, бастиды укрепляются⁸⁰, застройка ее обычно идет планомерно, улицы располагаются правильно, в шахматном порядке⁸¹.

По созеренитету бастиды в Каркассэ можно разделить на местно-феодалные (Эспарберенк, Лабастид-ан-Валь, Кулумат, Линароль)⁸², королевские (Монреаль, Анжу, Сен-Дени, Сен-Луи)⁸³, сенешальские (Реальмон)⁸⁴, монастырские (Вилльлон)⁸⁵.

Жителям большинства этих бастид даются известные вольности, часто оформляемые впоследствии как кутюмы. Это

п. et. La frange., p. 361). Наконец, две королевских бастиды XIV века: Сен-Дени и Сен-Луи (Cart. Carcas., v. 4, p. 461).

Таким образом, в наших источниках отмечено 14 бастид Каркассэ. Бастиды Ganuran (Rogemont), Valdagagne, Fons, Fossan, Done-Maléte, Perillan, Roayres, Roayrente, Gavonces, Seugon, d'Enrichart, Lagardie, Cougots, Ginestaret, Gaisserae, приведенные Кюри-Сембром из коллекции Доа, не удалось отыскать. Сам исследователь отказался от рассмотрения их из-за отсутствия сведений. Шарль Игунэ называет 9 бастид в Каркассонском сенешальстве на основе того же списка. Из них две новые — Richart, Briatext — кроме как у этого автора нигде больше не встречаются (Ch. Higounet. La frange., p. 392).

⁷⁹ См. пареаж от 1184 года Г. де Арагона относительно будущей бастиды Вантанак (Cart. Carcas., v. 1, p. 86). (Пареаж от 1320 г. между королем и каркассонским кафедральным капитулом Сен-Назер относительно юрисдикции замков в Val de Daigne (HGL, v. 5, LXXXI, p. 1474) — это пример того, что не всегда договор-пареаж обозначает основание бастиды).

⁸⁰ Замки в бастиде Эспарберенк (Cart. Carcas., v. 3, p. 3), Лабастид-ан-Валь (Cart. Carcas., v. 2, p. 192; Sabarthès., Dictionnaire, p. 189).

⁸¹ См. описание бастиды Сен-Дени (Cart. Carcas., v. 4, p. 461).

⁸² Сеньор В. дю Ферраль с разрешения Амори де Монфора учреждает в 1221 году бастиду Эспарберенк (Catalogue des actes Simon et Amauri de Montfort., p. 106). В 1313 г. жители Лабастид ан-Валь («Surlac») приносят оммаж сеньору Раймуну д'Альбану (Cart. Carcas., v. 2, p. 132). Сеньору Мирепуа принадлежала бастиды Линароль («Bastida de Linarollis»), 1269 г. (Cart. de Prouille, t. 2, p. 150, N 391). Бастиды Кулумат — Раймунду де Бельпеш, 1296 г. (Sabarthès., p. 189).

⁸³ Ch. Higounet. La frange., p. 361, 392.

⁸⁴ В 1272 году сенешаль Каркассона учредил бастиду Реальмон (Ch. Higounet. La frange., p. 362).

⁸⁵ Цистерцианцы в 1150 г. основали бастиду Вилльлон (Ch. Higounet. Cisterciens., p. 70).

обеспечение свободы личности⁸⁶, фиксация основного налога (древний сервилльный произвольный побор становится тальей)⁸⁷, уменьшение обычных феодальных поборов, предоставление некоторых льгот новоселам⁸⁸. Однако взимались здесь денежные поборы: цензы за держание земли под домами и при передаче, покупке или обмене имущества⁸⁹.

По своим размерам бастиды в Каркассэ были различны: преобладали мелкие — в 20—30 очагов⁹⁰, были и более крупные — в 50—100 очагов⁹¹. Доходы от поборов с населения зависели от численности его и порою были весьма значительны⁹².

⁸⁶ Так, в 1255 г. Г. де Баньоль, сенешаль, подтверждая основание бастиды Монреаль, заявил, что все жители ее будут освобождены от «servitude de corps». Правда, с оговоркой, что для получения этого освобождения каждый должен доказать, что он свободный человек. (Curie-Seimbres. Essai, p. 124). Разумеется, именно беглые крепостные требовали освобождения от серважа и добивались его. Оговорка носила формальный характер и сделана больше для феодалов, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить их недовольство.

⁸⁷ Фиксированная талья 20 солидов и 5 солидов с очага взималась в Лабастид ан-Валь (Cart. Carcas., v. 2, p. 192).

⁸⁸ С жителей бастиды Линароль сеньор взимал ежегодно очень небольшой фиксированный побор: 8 модиев ячменя или пшеницы, см. акт от 1269 г. (Cartulaire de Prouille, t. 2, p. 150, N 391). В 1307 г. сенешаль Каркассона дает жителям бастиды Сен-Дени право использовать ближайший лес, а также свободно брать оттуда деревья для постройки домов (Cart. Carcas., v. 4, p. 461).

⁸⁹ «Censum et oblium et dominacionum, scilicet: laudemiorum, foriscapiorum et aliorum jurium» — эти поборы взимает сеньор с жителей бастиды Баларан (Cart. Carcas., v. 1, pp. 206—207).

⁹⁰ В бастиде Эспарберенк в 1377 году насчитывалось 19 очагов, то есть около 90 человек жителей (Cart. Carcas., v. 3, p. 7), в бастиде «Surlac» — 17 глав семей (Cart. Carcas., v. 2, p. 192).

⁹¹ Монреаль — самая значительная по населению бастиды. М. Маюль приводит число жителей от 1369 г. — 385 очагов (Cart. Carcas., v. 3, p. 258).

⁹² Монастырь Лаграсс ежегодно получал в XIII в. с Лабастид ан-Валь («Bastida de Surlacho») 9 ливров (Cart. Carcas., v. 2, p. 272). А в пользу церкви Каркассона — 10 ливров турецких (Memoires., t. 5, p. 126). Но ведь и население ее было невелико. Бастиды Монреаль в XIV в., как показывают королевские счетные книги, по доходности стояла на втором месте после г. Каркассона, принося короне ежегодно большие суммы: форискапум — 216 ливров 4 солида 10 денариев (Comptes royaux; publ. M. P. Fawtier et F. Maillard, Paris, 1953, t. 1, p. 608, N 12688), акапитум (побор при передаче, продаже недвижимости) — 7 ливров 12 солидов (Ibid. p. 609, N 12706), судебные налоги — 94 ливра 2 солида 2 денария (Ibid., N 12714). Очевидно, сумма акапитума так мала из-за преобладания торгово-ремесленной, а не земледельческой деятельности большинства монреальцев в XIV веке.

Что же представляли собой бастиды Каркассэ по своему экономическому профилю? Крайняя скудость источников очень затрудняет ответ на этот вопрос. Как нам представляется, большинство из них были аграрными поселениями⁹³. Многие бастиды Каркассэ выполняли только военно-стратегические функции⁹⁴. Другие стали полуаграрными поселениями с некоторыми элементами ремесленного производства⁹⁵. Лишь одна бастиды — Монреаль выросла в городок с четко выраженным ремесленно-торговым профилем, и только к XIV веку.

Итак, процесс внутренней колонизации в Каркассэ шел как бы двумя волнами: образование сальветатов (вторая половина XI—XII вв.) — основание бастид (XIII — начало XIV вв.). Возникновение в ходе этого стихийного процесса, в результате народной активности, новых поселений не было само по себе рождением нового городского начала. Новый тип догородского очага — сальветат и бастиды — и здесь не был нуклеусом, ядром, из которого обязательно рождался город. Процесс становления городской экономики и здесь был обусловлен степенью концентрации ремесла и торговли, прямо зависящей от степени отрыва производителя от земли, свободы его как личности и как собственника средств производства. Массовый отлив из вотчин сервов, искавших земли и свободы, непосредственно порождал лишь новые аграрные поселения

⁹³ Тому пример бастиды Эспарберенк. В 1328 году ее жители добились права расчистить под пашню леса и пастбища на территории Сен-Бре, Нос, Фажоль, Фонбас и Фаж, за что в пользу короля должны были платить пятую часть снопов, одну меру овса и 6 солидов с очага, то есть шло освоение нови и жителями бастид (Cart. Carcas., v. 3, p. 3).

В перечне повинностей жителей этой бастиды (документ относится к XIV в.) в пользу сеньора названы: квиса — поголовный налог, таска — натуральный побор с пшеницы и вина, который уплачивают во время войны, и отработки — в период сбора винограда изготовление обручей на бочки, работы по укреплению соседнего замка Кабарет (Ibid.). Та же картина в бастиде Линароль, с жителей которой взимаются натуральные поборы овсом и пшеницей (Sabarthès, p. 211), а также в бастиде Болонак (Cart. Carcas., v. 2, p. 26), «Вентенаро» (Cart. Carcas., v. 4, p. 402), Ружер (Memoires, t. 5, p. 126), Кулумат (Sabarthès, p. 189).

⁹⁴ Это бастиды Анжу, Сен-Луи, Реальмон, Сен-Дени, расположенные в пограничных районах Каркассэ (см. карту в статье Ш. Игунэ: Ch. Nigoune et La frange, p. 362—363).

⁹⁵ Чему пример бастиды Баларан. Среди ее жителей в XIV в. встречаются: Fusterius — плотник, Tincturis — красильщик, Coutelierius — ножовщик и т. д. Сеньор этого места Жан де Леви Мирепуа дает монахиам Пруиля право взимать ежегодно налоги: лаудемий и форискапий в деньгах (Cart. de Prouille, t. 1, pp. 206—207). В Лабастиде ан-Валь среди 17 человек — глав семей, обязанных сеньору тальей, — 2 ткача (Cart. Carcas., v. 2, p. 192).

с несколько облегченным положением новоселов и только создавал некоторые потенциальные возможности их перехода к неземледельческим занятиям. Не случайно, что процесс переплавки догородских очагов в города идет независимо от типа, от времени их первоначального основания и совершается в немногих средних и мелких пунктах Каркассэ не ранее XII века.

Градообразовательный процесс идет не гладко, но в борьбе классовых интересов. Сервы, бежавшие как в старые, так и в новые догородские очаги, требуют свободы и вольностей, и только там, где они их добиваются и где оказываются наиболее благоприятные условия для занятия ремеслом и торговлей, возможность превращается в действительность, догородский очаг превращается в город.

Когда же и как шел процесс градообразования в Каркассэ? Попробуем проследить хронологически. Началом его стало образование бургов Каркассона, где в XI веке кристаллизуется городская экономика, основанная на соляной и хлебной торговле и промыслах, связанных с ней. Именно в пригородских поселках, где с XI века основную массу населения составляли беглые крепостные из соседних деревень, а не в античном Ситэ возникает первоначально городская экономика. Сукнодельческое и кожевенное производство, получившее широкое развитие с XII в. в бургах Каркассона, определило ведущее положение этого города как самого крупного ремесленно-торгового центра в Каркассэ. Процесс возникновения городской жизни в других догородских очагах Каркассонского района различается и по времени становления, и по объему концентрации ремесленно-торговой экономики.

Раньше и интенсивнее этот процесс начинается в Лиму. Видимо, это не случайно. Замок и селение Лиму находились на стыке двух сельскохозяйственных зон, на берегу Оды, связывавшей его с земледельческими районами Каркассэ, и по соседству со скотоводческими по преимуществу областями Руссильона и Арагона. Естественно, через Лиму к соседям шел какой-то транспорт сельскохозяйственной продукции (пшеница, мука, вино, масло)⁹⁶. Близ замка к X веку вырастает аграрное поселение⁹⁷. С другой стороны, область Разес с давних пор была зоной интенсивного овцеводства, здесь же

⁹⁶ L.-H. Fonds-Lamothe. Notices, p. 93.

⁹⁷ Так, в булле папы Бенедикта VII в пользу аббатства Сент-Илер от 982 года уже четко отделяется селение Лиму от крепости «ecclesias quae in vice Limoso et gardia, cum ecclesia Sancti-Petri» (Ibid., p. 12).

произрастали травы, применяемые для крашения. Таким образом, жители Лиму находили в своем округе большую часть сырья, необходимого для изготовления сукон, а также окраски их. Однако вплоть до XII века источники не дают доказательств существования в Лиму сколько-то развитого товарного ремесла, чему немаловажной причиной был в первой половине XII в. сеньориальный гнет крупных местных феодалов Гильема и Тардива де Лиму, сосредоточивших в своих руках все права юрисдикции, печной баналитет, контроль над мерой и весом⁹⁸.

Однако уже в 1178 г. жители Лиму добились от каркассонского виконта Ружера II первой хартии, в которой гарантировалась неприкосновенность личности горожанина⁹⁹. В 1193 г. от того же виконта лимужцы добиваются второй хартии, в которой декретируется полная свобода наследования движимого и недвижимого имущества¹⁰⁰. И наконец, третья хартия вводила наказания для тех, кто каким-либо способом мешал развитию торговли в Лиму¹⁰¹. Таким образом, к концу XII века жители Лиму добиваются первых городских вольностей, дающих свободу личности, свободу распоряжения имуществом, а также некоторую защиту развитию торговых отношений.

Как же складывалась городская экономика, на чем она базировалась? В Лиму, как отмечает Л.-Х. Фонд-Лямот, весьма рано появляются целые улицы, заселенные ремесленниками: «Clède» (огороженная улица), «Voûgèrie» (улица скорняков, кожевников) и, что особенно важно, две улицы сукновалов — старая «Pagerie» и новая — «Pagerie Neuve»¹⁰². В Лиму имелись также сукновальные мельницы¹⁰³. Значит, сукнодельческое производство было ведущим в Лиму в XIII веке. Лейдари 1267 года называют ткани, которые изготовляли в Лиму:

⁹⁸ Ibid., p. 34.

⁹⁹ Горожанин теперь не может быть арестован и посажен в тюрьму без предъявления мандата на арест, подписанного виконтом. (A. Sabarhès. Trois chartes de la commune de Limoux. Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et scientifiques. Paris, 1921, p. 213).

¹⁰⁰ Ibid., p. 215.

¹⁰¹ Наказывались те, кто наносил убыток, причинял вред торговцам-транзитникам (Ibid., p. 216).

¹⁰² L.-H. Fonds-Lamothe. Notices, p. 100.

¹⁰³ M. Gouron. Achats en foires d'un marchand drapier d'Anduze. Bulletin de la Société des études scientifiques de l'Aude. 1952, t. 53, p. 62.

бумазя белая, а также окрашенные сукна — зеленые, черные, пестрые¹⁰⁴.

Вторая важная отрасль производства в Лиму — выделка кож и скорняжничество. Ремесленники этих специальностей группировались в районе города, который носил название *Blanquerie* — улица сыромятников. Особенно развита была выделка шкур белки, зайца, кролика, куницы, выдры, дикой кошки и лисицы¹⁰⁵. Готовые изделия вывозились из Лиму в соседние области¹⁰⁶.

Значительное развитие в Лиму получил мукомольный промысел, мука в основном экспортировалась в Испанию¹⁰⁷. Все это убедительно показывает, насколько в XIII веке в Лиму упрочилось и вошло в силу городское начало¹⁰⁸.

Следующим по времени возникновения и степени концентрации городской экономики стал Лаграсс, бывшее примонастырское поселение. Только от XIII века доходят данные о появлении в Лаграссе развитого сукноделия, о завоевании ремесленниками ряда экономических свобод. В 1287 году жители Лаграсса заключили соглашение с сеньором городка аббатом Ожером о переходе некоторых функций надзора за ремеслом и торговлей в руки выборных лиц от горожан (это прежде всего касалось контроля над мерой и весом), о правесвободной торговли мясом, шерстью, грубыми тканями на рынке Лаграсса, о фиксации налога форискапия и т. д.¹⁰⁹. Таким образом, в XIII веке Лаграсс представляет собой заметный ремесленно-торговый центр сукнодельческого направ-

¹⁰⁴ L.-H. Fonds-Lamothe. Notices, p. 101 (данные Фонд-Лямота, взяты из архива), а также ткань «*canhet*» и «*palmeles*» (M. Gouron. Achats, p. 62—66).

¹⁰⁵ Данные лейдария 1267 г. (L.-H. Fonds-Lamothe. Notices, p. 105).

¹⁰⁶ Акт от 1283 г. говорит, что кожевники из Лиму перевозили свои изделия в Сорез без уплаты провозных пошлин, а также вывозили свою продукцию в Арагонское королевство (G. Romestan. Les marchands de Limoux dans les pays de la Couronne d'Aragon au XIV s., Annales du Midi, 1964, t. 76, p. 406).

¹⁰⁷ В городе было много мельниц: «*Mastellomont*», «*Boucarie*», «*Farque*», «*Envie*», «*Sourgne*» (L.-H. Fonds-Lamothe. Notices, pp. 102, 104).

¹⁰⁸ Подробное рассмотрение дальнейшего процесса складывания ремесленно-торговой экономики г. Лиму и других городских центров Каркассэ требует специального исследования, чему будет посвящена другая статья.

¹⁰⁹ Cart. Carcas., v. 2, p. 462—466. Но, очевидно, примонастырская слобода существовала уже в XII веке, ведь только имея многолетнюю традицию ремесленно-торговой деятельности и совместной борьбы, жители Лаграсса смогли добиться столь внушительной победы над сеньором.

ления. Сукноделы Лаграсса в начале XIV века добиваются утверждения статуты и регламенты относительно самостоятельного контроля над изготовлением и продажей сукон¹¹⁰. Во второй половине XIV века сукнодельское производство в Лаграссе оформляется в цеховую организацию¹¹¹.

Монтолье уже в конце XII века превращается в примонастырскую слободу, становление здесь городской экономики начинается с хлебной торговли¹¹². Слобода растет, и в 1229 г. уже отмечаются замок, бург и субурбий Монтолье: *Castrum, villa et suburbium Montis Olive*¹¹³. Развитым экономическим центром Монтолье становится в XIII веке¹¹⁴. И здесь основу городской экономики составляло сукноделие, особенно интенсивно развившееся к XIV веку¹¹⁵. В Монтолье изготавливаются ткани: «*moschio*», «*palmelle*»¹¹⁶ и другие, продававшиеся в Монпелье¹¹⁷, в Пезенасе, Квазимодо, Люнеле¹¹⁸.

¹¹⁰ Cart. Carcas., v. 2, p. 467—468. Акт от 1302 года.

¹¹¹ Акт от 1360 г. (Cart. Carcas., v. 2, p. 498—503). Но расцвет городской экономики Лаграсса XIV века должен стать предметом специального рассмотрения.

¹¹² Есть данные о существовании здесь рынка. В 1174 г. аббат Монтолье за 30 медгейских солидов выкупает у Ружера, виконта Безье, право на половину налога «*in sextairage mercati, castri, burgi de Monteolivo*» (Cart. Carcas., v. 1, p. 127). Секстариаж — рыночная пошлина с продаваемого зерна.

¹¹³ Sabarthès, p. 252, — документ от 1319 г. определяет значение «*villa*»: «*Villa seu burgum de Monte Olivo*» (Ibid.).

¹¹⁴ В 1231 г. жители Монтолье добиваются от аббата Эрменгода хартии, устанавливающей кутюмы и вольности коммуны города Монтолье. Прежде всего в хартии декретируется освобождение от феодальных поборо — «*ab talis, seu conventiones*» (Cart. Carcas., v. 1, p. 127—129), возможность свободно распоряжаться имуществом (завещать, покупать, продавать), свобода личности в городе, право избрания консулов и советников. В то же время есть особая оговорка о запрещении всякого рода союзов, и ремесленных в том числе. Население к 1272 г. составляло около 930 человек — 145 очагов (Cart. Carcas., v. 1, p. 130).

¹¹⁵ Филипп Красивый 27 марта 1312 г., подтверждая вольности жителям замка Маласт близ Монтолье, дает одну чрезвычайно важную привилегию: свободный вывоз и ввоз в городок и замок шерсти-сырца, пряжи грубой и окрашенной без уплаты провозных пошлин, «*quilibet... lanas, fulatum, filacia, tinctum et pannos, pereter liber valeat portare de Castro, aut in Castrium, seu villam, quocumque voluerit, sine leuda et pedagio, sicut tunc in dicto loco consuetam*» (Cart. Carcas., v. 1, p. 280).

¹¹⁶ H. Caldèran-Giacchetti. L'exportation de la draperie languedocienne dans les pays méditerranéen d'après les Archives Datini (1380—1410), Annales du Midi, 1962, t. 74, N 58, p. 152.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ J. Combes. Les foires en Languedoc au moyen age., Annales E. S. C., 1958, N 2, p. 244, 246, 253.

Возникновение городской жизни в бастиде Монреаль начинается позднее. Монреаль вначале был просто замком¹¹⁹, и хотя он располагался в выгодном географическом положении в узле дорог, соединяющих Гаронну с морем, долину Оды с Пиренеями¹²⁰, никаких данных о торгово-ремесленной деятельности жителей кастелла Монреаль источники не содержат. Монреаль, видимо, так бы и остался просто укрепленным пунктом, если бы здесь в XIII в. не была учреждена по приказу короля бастида, новоселы которой освобождались от сервилльного состояния, правда с оговоркой, если докажут, что они не чужестранцы и что свободные¹²¹. Но оговорка эта не имела силы, наплыв в Монреаль беглого люда, их борьба против ущемления дарованных вольностей и за установление новых были столь интенсивны и бурны, что уже в начале XIV века король Филипп VI дает жителям Монреала новые права и вольности — консульское управление, свободу пользования рынком (который находился за стенами замка), а рыночные площади и крытые места для продажи теперь свободно распределяются или сдаются тем, кто придет торговать. Контроль за весами и мерами передается консулам, они же облагают налогом «шерсть и другие вещи»¹²².

Не случайным кажется это выделение шерсти при налогообложении, видимо, шерсть привозили в Монреаль для дальнейшей обработки. Действительно, в XIV веке Монреаль превращается в значительный сукнодельческий городок в Каркассэ. Здесь изготавливают особое голубое сукно, которое вывозится в Монпелье и Пезенас¹²³, а также другие ткани, окрашенные в разные цвета¹²⁴, то есть крашение тканей широко производилось в Монреале.

К XIV веку относится становление городской экономики в двух догородских очагах — замках Арзенсе и Сессаке. Данные, показывающие уже развитое сукнодельческое производство в Арзенсе и Сессаке, относятся, в основном, ко второй половине XIV в. В Арзенсе, изготавливались сукна серого цвета на продажу, они продаются на ярмарках в Пезенасе и Монпелье, в

¹¹⁹ См. акт принесения оммажа рыцарей замка Монреаль Раймуну Тренкавелю, виконту Каркассона (Cart. Carcas., v. 3, p. 242).

¹²⁰ Cart. de Prouille., t. 1, p. CCCXIII.

¹²¹ 1255 г. (Curie-Seimbres. Essai, p. 124).

¹²² Cart. Carcas., v. 3, p. 253—254.

¹²³ H. Caldéran-Giacchetti. L'exportation., p. 141.

¹²⁴ M. Gouron. Acnats., p. 70.

значительном количестве и по высоким ценам¹²⁵. Сукновалы Сессака участвовали в ярмарках в Монтаньяке, Люнеле, Пезенасе, где продавали сукна достаточно высококачественные и широко распространенные в Лангедоке¹²⁶. Таким образом, в этих двух мелких пунктах городская экономика, основанная на сукноделии, сложилась позднее, в XIV веке, и была менее развитой. Арзенс и Сессак — это мелкие сукнодельческие городки Каркассэ XIV века.

Местечко Конес, возникшее близ аббатства, пользовалось с 1337 года некоторыми коммунальными свободами (консульское управление, свобода пользования имуществом¹²⁷, несколько смягчен был сеньориальный гнет со стороны аббатства Конес (отменены повинности и поборы)¹²⁸. Данных об экономике этого местечка почти вовсе нет, возможно, жители его разбогатели на солеторговле, так как это район, близкий к Нарбонне с ее богатыми соляными лагунами¹²⁹. Население Конес в 1377 году было невелико, более 125 человек. У нас нет достаточных оснований отнести Конес к разряду ремесленно-торговых центров Каркассэ. Это было, по-видимому, полуремесленное — полуаграрное местечко.

Попытка исследования начала градообразовательного процесса в Каркассэ, предпринятая в данной статье, позволяет сделать следующие выводы:

Догородской очаг, независимо от его типа, не являлся ядром или зародышем средневекового города, в лучшем случае, в нем содержалась только потенциальная возможность городского развития. Догородской этап не был ни прологом, ни началом градообразования в Каркассэ. И только глубинные процессы, развернувшиеся в феодальной деревне в XI—XII вв., внутренняя колонизация, начало отделения ремесла от сельского хозяйства, развитие товарно-денежных отношений послужили импульсами градообразовательного процесса, в результате которого в некоторых, немногочисленных догородских очагах Каркассэ (там, где создалось наиболее прочное сплетение благоприятных обстоятельств) выкристаллизовывалась городская жизнь, возможность превратилась в действительность.

¹²⁵ См. таблицу закупок сукон, изготавливаемых в Арзенсе представителями компании Ф. Датини из Пизы в 1392—1401 гг. (H. Caldéran-Giacchetti. L'exportation, p. 150).

¹²⁶ M. Gouron. Achats., p. 66, 71, 75.

¹²⁷ Cart. Carcas., v. 5, p. 136.

¹²⁸ Отменены квиста и толта. (Cart., Carcas., v. 5, p. 109—110).

¹²⁹ Cart. Carcas., v. 5, p. 67—68.

Городской этап развития для средних и мелких пунктов Каркассэ начинается с конца XII в., а главным образом — в XIII и XIV веках, что связано с сильным развитием серважа в Каркассэ, с запоздалостью процесса колонизации, замедленностью процесса отделения ремесла от сельского хозяйства в этом районе.

Особенностью становления городской жизни в Каркассэ является различие в степени отпочковывания ремесла от сельского хозяйства. Отсюда следует, что в процессе градообразования в Каркассэ возникли: крупный город, средние и мелкие городки, полуаграрные-полуремесленные местечки и аграрные поселения с элементами ремесла.

Т. М. Негуляева

**Складывание городского патрициата
в средневековом Страсбурге
(XII—начало XIV вв.)**

Проблема патрициата, давно привлекающая пристальное внимание историков и у нас, и за рубежом, последние годы часто рассматривалась в особом аспекте, — в аспекте теории так называемого «социального континуитета». Наиболее отчетливо этот угол зрения отразился в статье Э. Машке «Социальный континуитет и история средневекового города»¹, главная мысль которой сводилась к следующему: уже в раннем городе сложилась устойчивая группа, занимавшая ведущее положение в социальной и политической жизни городской общины. До XII в. это группа *burgenses* (противопоставленная всем прочим жителям города — *cives*), которых источники называют также *meliores* или *potentiores*. В XII в. эта группа привилегированных *burgenses* оформляется в патрициат, который включает в свой состав «купцов и свободных земельных собственников, живущих на ренту»². Этот патрициат сохранял силу и власть в городе, по крайней мере вплоть до XV в., несмотря на все социальные и политические потрясения. Неизменность, стабильность патрицианской верхушки городского населения — вот главная черта городской социальной жизни, именно эта неизменность обеспечивала «социальный континуитет» средневекового города. Похожие взгляды, разве что менее откровенно и менее четко изложенные, можно найти и в

¹ E. Maschke. Continuité sociale et histoire urbaine médiévale. «Annales», 1960, N 5.

² Ibid.

статье Ф. Доллингера «Патрициат дворянский и патрициат буржуазный в Страсбурге XIV в.»³.

Составная часть этой большой проблемы — вопрос о происхождении патрициата. Какие социальные элементы образовали патрицианскую верхушку? Где искать ее корни — в купеческо-ростовщических кругах, как считали М. Бальцер, Х. Планиц, Л. Винтерфельд⁴, или же предками городских патрицианских родов были «старосвободные земельные собственники» и министриалы городских сеньоров, как полагали К. Ахтних и фон Клокке⁵?

В этой статье делается попытка проследить, как складывался патрициат в Страсбурге и какие социальные группы принимали участие в процессе его формирования.

Для подобного исследования история Страсбурга, старейшего городского центра на верхнем Рейне, в Эльзасе, дает благодарный и разнообразный материал. Епископская резиденция и гнездо богатых монастырей и церквей, Страсбург неизбежно должен был стать местом концентрации министриалитета, многочисленного и влиятельного. Но в то же время этот город рано стал центром оживленной торговли, местной и особенно транзитной, местом перевалки грузов, и естественно, что здесь рано сложилась значительная купеческая прослойка, чьи интересы явно отразились уже в первых двух редакциях городского права (80 гг. XII в. и 1214 г.). Процесс формирования патрициата здесь шел достаточно интенсивно, особенно если учесть, что орган городского самоуправления, совет консулов, появился в Страсбурге сравнительно рано, уже в 1205 г., — а ведь появление такого органа городской власти само по себе может служить косвенным признаком уже далеко зашедшей консолидации патрициата.

В XII в. в грамотах епископской канцелярии впервые появляются упоминания, хоть и не очень многочисленные, о какой-то привилегированной группе городского населения, — это

³ Ph. Dollinger. *Patriciat noble et patriciat bourgeois à Strasbourg au XIV siècle*. «Revue d'Alsace», t. 90.

⁴ M. Baltzer. *Ministerialität und Stadtr Regiment in Strassburg bis zum Jahre 1266*. «Strassburger Studien». Bd. II; H. Planitz. *Zur Geschichte des Städtischen Meliorats*. «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», G. A. Bd. 67; L. v. Winterfeld. *Handel, Kapital und Patriziat in Köln bis 1400*. Lübeck, 1925.

⁵ K. Achtnich. *Der Bürgerstand in Strassburg bis zur Mitte des XIII. Jahrhunderts*. Leipzig, 1910; F. v. Klocke. *Patriziat und Stadtadel im alten Söst*. Lübeck, 1925; F. v. Klocke. *Patriziatproblem und die Werber Erbsälzer*. 1965.

maiores et divites, противопоставленные прочим жителям города, *minores et pauperes*⁶. О *cives maiores* упоминает и право Страсбурга 1214 г.⁷ Если до 1143 г. во всех епископских актах выделены (и очень четко!) только две группы свидетелей: титулованная знать и министриалы, а о прочих в лучшем случае сказано: «et turba civitatis multa»⁸, или «и прочие, коих перечислять было бы долго»⁹, то после 1143 г. все чаще подписывает епископские грамоты третья группа свидетелей, «burgenses»¹⁰, «meliores cives»¹¹. Характерно, что на первых порах зачастую одни и те же имена попадают в списках свидетелей то среди министриалов, то среди *meliores urbis*: Одалырик Длинный и его брат Рудольф¹², Бурхард Пуэр¹³, префект Дитрих¹⁴, телонеарий Гельфрад¹⁵ и другие. Эта прослойка *meliores* еще не только не оформилась организационно, но и состав ее еще не определился, однако бесспорно, что эти «лучшие» из горожан теснейшим образом связаны с министриалами.

Чтобы представить яснее, откуда ведет начало эта прослойка *meliores, potentiores et divites*, благодаря чему ей удалось возвыситься над прочими горожанами и как среди этих *meliores* оказались министриалы, надо взглянуть в более ранние времена Страсбурга — в VII—IX вв., когда вокруг центра новой епархии¹⁶ постепенно складывался слой светских чиновников и местных торговцев. Ничто еще не предвещало будущего экономического и политического могущества Страсбурга. Епархия, недавно основанная, была невелика и слаба, епископы VII—VIII вв. только начинали собирать земли Эльзаса в единый, подчиненный им комплекс владений, — даже на

⁶ *Urkundenbuch der Stadt Strassburg*. Bd. I, Str., 1879, N 92. Грамоту епископа монастырю св. Марка подписали, кроме нескольких сеньоров Эльзаса и группы министриалов, «*cives maiores et divites*» города Страсбурга.

⁷ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 617.

⁸ *Ibid.*, N 68, 78, 79.

⁹ *Ibid.*, N 73, 80.

¹⁰ *Ibid.*, N 112.

¹¹ *Ibid.*, N 72, 92, 99.

¹² *Ibid.*, N 86, 92.

¹³ *Ibid.*, N 78, 92, 98.

¹⁴ *Ibid.*, N 98, 112.

¹⁵ *Ibid.*, N 76, 77, 96.

¹⁶ В источниках имя страсбургского епископа (Анзоальда) впервые упомянуто в актах Парижского собора 614 г. См. *Regesten der Bischöfe von Strassburg*. Innsbruck, 1908, N 3.

территории Страсбурга им принадлежали далеко не все земли¹⁷, — и столица их не могла в ту пору претендовать на сколько-нибудь заметную роль. Города же как такового, города — центра ремесла и торгового оборота — на месте Страсбурга в эти столетия не существовало. Римская *civitas Argentina*, *Argentorate* была сметена с лица земли в эпоху великого переселения народов, в середине IV века¹⁸, все следы римской городской цивилизации в Эльзасе были начисто стерты в ходе завоеваний аланов, вандалов, свевов и других племен. То поселение, которое заново возникло в VI в. на территории бывшей *civitas Argentina*, городом безусловно не было¹⁹, хотя в источниках, и прежде всего в хрониках VI—VII вв., его то и дело величают городом²⁰.

Вплоть до X века территория будущего Страсбурга явственно распадалась на три обособленных поселения: епископская резиденция и центр епископской вотчины на территории бывшей римской *civitas* (в IX в. этот район стали называть Старым городом, *civitas vetus*²¹); франко-алеманская деревня, возникшая к северо-западу от епископского дворца («*civitas pova*» в грамотах IX в.²²); и королевский дворец, *Königshof*, вокруг которого расположились подворья королевских слуг и церковь св. Аурелии²³. Эти поселения возникли на пересечении удобных речных и сухопутных дорог, которыми и в раннее средневековье не переставали пользоваться торговые караваны²⁴. К тому же уже в VIII в. Эльзас стал районом развитого виноградарства и виноделия, и вино здесь производилось не только для внутреннего потребления, но и в значительной мере на продажу, особенно для вывоза в северные прирейнские области. Кроме того, местные жители занимались скотоводством и рыбной ловлей, часть продукции которых

¹⁷ Процесс складывания епископских владений в основном завершился к 1017 г., когда император передал епископу аббатства св. Стефана и Шварцах и земли по берегам Рейна. См. *Urkundenbuch*. Bd. I, N 5; *Regesten*, N 224, 226.

¹⁸ Y. A. Silbermann. *Local-Geschichte der Stadt Strassburg*. Str., 1775.

¹⁹ См. R. Forrer. *Strassburg-Argentorate*, 1928, Bd. II, S. 774—776.

²⁰ *Gregorii Episcopi Turonensis Historia francorum*. Lib. X, cap. 36. M. G. Script. I, c. 319: «*Ad Argentoratensem urbem, quam nunc Stratenburgum vocant*».

²¹ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 51.

²² *Ibid.*, N 21.

²³ *Ibid.*, N 54.

²⁴ J. Fricart. *Lage und Aussichten der Elsässischen Wirtschaft*. Berlin, 1958.

тоже шла на продажу²⁵. По словам аквитанского монаха и поэта Эрмольда Нигеллуса, сосланного в Страсбург по велению Людовика Благочестивого около 824 г., этот «город» в IX в. был центром оживленной торговли и «весьма населенным» («*nimis populosa*») ²⁶, но тот же Эрмольд Нигеллус сообщает, что торговля велась, главным образом, сельскохозяйственными продуктами округи: строительным лесом из Вогезов, зерном, скотом и вином²⁷, и ни словом не упоминает о местном ремесле и торговле его изделиями. В IX в., не говоря уже о более ранних временах, Страсбург не был городом, — он все еще оставался, по сути, комбинацией нескольких церковных и светских вотчин, внутренняя жизнь которых за рамки натурального хозяйства не выходила, хотя рынок сельскохозяйственных продуктов здесь уже становился устойчивым.

Тем не менее выгодное расположение Страсбурга не только на скрещении сухопутных и речных дорог, но и на стыке лесных и полевых районов Эльзаса делало довольно ощутимым здесь поток товаров даже в раннее средневековье. И судя по всему, первыми приспособились активно использовать эту торговлю и участвовать в ней епископские министериалы. Уже в 775 г. «муж почтенный Эддо, епископ Страсбурга, молил, чтобы повсюду в городах и селах, замках и портах империи с людей старсбургской церкви.., придут ли они для торговли на кораблях или по суше, в повозках или с вьюками, никакого тонлье императорские служители не получали бы»²⁸. Карл Великий, желая укрепить сравнительно молодую епархию, выполнил просьбу епископа, и в 775 г. «люди страсбургской церкви» получили освобождение от всяких поборов по всей империи, за исключением Квентовика, Дорстата и Эклюза: «не дают никакого тонлье, ни береговой, ни портовой, ни мостовой, ни колесной, ни обеденной (*cenaticum*), ни пастбищной, ни пылевой пошлины, не платят ни за ночлег, ни за встречу, и никакого ценза. Вольны свободно следовать и идти, куда пожелают»²⁹. «Люди страсбургской церкви» чрезвычайно до-

²⁵ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 225, 226.

²⁶ J. Silbermann. *Local-Geschichte der Stadt Strassburg*, S. 825. Кстати, сам факт ссылки опального поэта в Страсбург свидетельствует, что это было окраинное захолустье империи.

²⁷ Там же, стр. 26.

²⁸ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 15.

²⁹ *Ibid.*

рожили этой привилегией и неоднократно добивались подтверждения ее последующими государями³⁰.

Оживление торговли и вместе с тем усиление епископства в IX в. привели к тому, что в 873 г. Людовик Немецкий разрешил страсбургскому епископу построить монетный двор³¹. Со времени Карла Великого в Страсбурге чеканилась только королевская монета (монетный двор располагался в Кенигсхофене³²), от которой епископ получал совсем незначительный доход³³. После пожалования Людовика королевский монетный двор вскоре перестал функционировать — во всяком случае, источники о нем замолчали, — и поступления в епископскую казну от этой статьи дохода заметно возросли, однако полностью монетная регалия и доходы от нее перешли к епископам только при Оттоне II, в 974 году³⁴. Вполне возможно, что в X веке при епископском дворе начала складываться группа министериалов, так или иначе причастных к монетному делу. Из этой группы позже, в XI в., оформилась богатая и влиятельная корпорация Münzerhausgenossen (позже — просто Hausgenossen), которая регулярно откупала у епископа право чеканить монету³⁵. Откупом монетного дела могли заняться, скорее всего, те же лица из «людей страсбургской церкви» (то есть те же епископские министериалы), которые уже давно успешно занимались торговлей, причем не только в пределах епархии, но и по всему Рейну. Ведь купить у епископа право чеканить монету могли люди, обладавшие изрядными свободными денежными средствами, а эти средства в то время могла дать только торговля, — тем более что среди страсбургских министериалов почти никто не обладал крупными земельными владениями и на поступления сколько-нибудь крупных сумм от поземельного чинша они рассчитывать не могли.

Так группа министериалов перехватила у епископа значительную часть двух важнейших источников дохода: торгов-

³⁰ В 831 г. эту привилегию подтвердил Людовик Благочестивый (Regesten, S. 233); в 40-е годы IX в. — Лотарь (Regesten, S. 234); в 904 г. — Людовик Дитя (там же, стр. 241); в 953 г. — Оттон I (там же, стр. 247).

³¹ Urkundenbuch. Bd. I, N 32.

³² Regesten, S. 229.

³³ J. C a h n. Münz- und Geldgeschichte der Stadt Strassburg im Mittelalter. Str., 1895, S. 2—3.

³⁴ Urkundenbuch. Bd. I, N 42.

³⁵ Regesten, S. 135, 138, 141.

лю — прежде всего торговлю вином³⁶ — и чеканку монеты. Не обладая на первых порах достаточно гибким хозяйственно-административным аппаратом, епископы волей-неволей позволили министериалам взять в свои руки торговлю. Нуждаясь в деньгах (на скупку земель, которая особенно интенсивно шла в конце X — в XI вв.³⁷, на походы с императорами в Рим и пр.), они вынуждены были отдавать на откуп право чеканить монету тем же министериалам. Вряд ли епископы мирно и благодушно относились к этому обогащению своих слуг. Вероятно, время от времени они делали попытки ограничить доходы богатевших у них под боком министериалов, что и стало причиной первых выступлений населения Страсбурга против епископа. Так, в регистрах епархии записано, что в 906 г. король Людовик, остановившись в Кенигсхофене по пути из Меца в Нордхаузен, уладил распрю между епископом и «народом» Страсбурга: «Strazburgensem urbem, adiit ibique episcopum ac plebem inter se dissidentem ad concordiam revocavit»³⁸. Интересно вспомнить и замечание Эрмольда Нигеллуса о жителях Страсбурга: он писал, что это «народ буйный (violentes), невежественный, избалованный удачей в плодородной стране и непокорный»³⁹. Может быть, это относилось не только к министериалам, но к ним — в первую очередь.

Разумеется, было бы грубым искажением истины считать эту разбогатевшую группу епископских министериалов ранним страсбургским патрициатом, и прежде всего потому, что патрициат — специфический слой городского населения, а Страсбург той поры городом еще не был. Однако превращение этого догородского поселения в город уже не за горами: оно совершается в X—XI вв., и эта группа министериалов сумела использовать экономические и социальные сдвиги в своих интересах.

С X в. начинается заметное оживление городской хозяйственной деятельности в Страсбурге. Особенно быстро растет suburbium, Новый город, развившийся на месте прежней деревни. Именно здесь уже в X в. возникли первые рынки Страсбурга, Конный и Винный⁴⁰, здесь возникают первые улицы,

³⁶ В многочисленных источниках не сохранилось сведений о том, чтобы епископы вели торговлю через свою страсбургскую вотчину, — они довольствовались пошлиной с виноторговли.

³⁷ См. Urkundenbuch. Bd. I, N 30, 41, 5; Regesten, N 107, 145, 176, 195, 224, 226, 375.

³⁸ Regesten, S. 242.

³⁹ J. Silbermann. Local-Geschichte der Stadt Strassburg, S. 32.

⁴⁰ Ibid., план города VIII—X вв.

заселенные почти сплошь ремесленниками⁴¹, и в X веке епископ, — вероятно, не без влияния самих жителей Нового города, — решил возвести крепостную стену, которая объединила бы эти районы и могла бы защитить их в случае набега врагов⁴².

Расширение Страсбурга было вызвано усилившимся притоком сельского населения. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение новых монастырей и приходских церквей⁴³. Этот приток новых поселенцев ускорил развитие и дифференциацию ремесел и торговли в растущем городе. Уже в первой половине XI в. на территории Страсбурга стали функционировать новые специализированные рынки: Хлебный (или Зерновой), Рыбный, Мясной, Дровяной, Овощной, Сенной; на рубеже X—XI вв. в документах впервые упоминается бойня⁴⁴. Строятся новые мосты через Илль и Брейш, новые мельницы⁴⁵, начинают действовать новые переправы на Рейне⁴⁶.

Рост населения, появление новых ремесел, увеличение торгового оборота, возникновение новых рынков, мостов, бродов и переправ в конце концов потребовали создания особого аппарата управления городским хозяйством и городской жизнью в целом. В X — в первой половине XI в. в документах нет упоминания о каких-либо чиновниках, назначенных епископом для управления специфически городскими делами. Среди свидетелей, подписавших акты епископской канцелярии, и в тексте самих грамот иногда называются министериалы, так или иначе обслуживавшие двор епископа, — маршал, конюший, виночерпий, казначей⁴⁷, — в 965 г. впервые упомянут фогт (*advocatus*)⁴⁸. Все это — сугубо вотчинные должности, за исключением разве что фогта, который обладал судебной властью на территории всей епархии.

Однако в 1095 г. в грамоте среди свидетелей впервые на-

⁴¹ См. K. Schmidt. *Strassburger Gassen- und Häusernamen im Mittelalter*. Strassburg, 1871, S. 22—23.

⁴² Königshofen. *Strassburgische Chronik*. — In: *Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis zum 16. Jahrhundert*. Bd. IX, S. 869.

⁴³ В 940 г. заложили церковь св. Аурелии, в 1050 г. — церковь св. Креста; стали приходскими в 80-е годы XI в. старые церкви св. Мартина и св. Андреаса; монастырь св. Марка основан в конце X в., монастырь св. Арбогаста — в 1100 г. См. *Regesten*, S. 260, 262, 280; *Urkundenbuch*. Bd. III, N 29, 97, 220.

⁴⁴ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 27.

⁴⁵ *Regesten*, S. 263.

⁴⁶ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 68.

⁴⁷ *Ibid.*, N 44, 47, 48, 57.

⁴⁸ *Ibid.*, N 49.

званы шультгейс и *villicus urbani juris*⁴⁹, а спустя еще четверть века появляются бургграф и телонеарий (1123 г.)⁵⁰, которые отныне наряду с шультгейсом неизменно подписывают епископские акты. В 1129 г. горожане Страсбурга получили от Лотаря III право, «чтобы никто из них по чьему-либо наговору да не вступал в собрание, в просторечье называемое *thinch*, вне города, кроме как по поводу дел, связанных с наследством. В прочих же делах да будет судим судьями города»⁵¹. По этой привилегии даже чиншевики других сеньоров должны были уплачивать чинш, не выходя из города⁵². С тех пор в грамотах все чаще упоминаются судьи (*judices*)⁵³.

Все эти новые должности, как и следовало ожидать, замещают епископские министериалы, причем довольно скоро сложился определенный круг семейств, из которого и комплектовались суд и другие городские органы управления. Например, министериал Эрбо назван среди свидетелей в 1057, 1061, 1080 гг.⁵⁴, с 1080 г. рядом с ним упоминается его сын, тоже Эрбо, — позже его стали обозначать как Эрбо-младшего⁵⁵; в 1129 г., после привилегии Лотаря III, в грамоте фигурирует судья Эрбо, сын Эрбо⁵⁶, — вряд ли это Эрбо-младший, скорее — третье поколение. Министериал Зигфрид выступает простым свидетелем в 1109, 1119 гг., а в 1123 г. становится первым бургграфом города⁵⁷. Предки Рудольфа, занимавшего пост шультгейса в 1123, 1129, 1132 гг.⁵⁸, тоже в течение ряда лет были свидетелями епископских сделок и актов⁵⁹, то есть входили в круг избранных, приближенных ко двору епископа, министериалов. Такая же длинная родословная у Одальрика Длинного, занимавшего пост судьи⁶⁰, у телонеария Гельфранда⁶¹ и у некоторых других.

Этот первый период собственно городской истории Страсбурга, а следовательно, и первый период в истории всех про-

⁴⁹ *Ibid.*, N 50.

⁵⁰ *Ibid.*, N 76.

⁵¹ *Ibid.*, N 78.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid.*, N 81, 89, 99, 112, u. and.

⁵⁴ *Ibid.*, N 56, 57, 61.

⁵⁵ *Ibid.*, N 61, 63.

⁵⁶ *Ibid.*, N 79, 81.

⁵⁷ *Ibid.*, N 68, 72, 76.

⁵⁸ *Ibid.*, N 76, 78, 80.

⁵⁹ *Ibid.*, N 57, 61, 69.

⁶⁰ *Ibid.*, N 77, 79, 80, 83.

⁶¹ *Ibid.*, N 71, 76, 77, 78.

слоек его населения, завершается изданием Древнейшего права, подписанного епископом в 80-е гг. XII в.⁶² За строчками статей этого любопытнейшего, необычайно богатого по содержанию источника рисуется жизнь, далеко не похожая на ту, что существовала здесь веком раньше.

Прежде всего отметим, что торговля продуктами первой необходимости — съестными припасами и изделиями ремесла⁶³ — стала в Страсбурге насущной, постоянной потребностью, обыденным явлением, без которого город просуществовать уже не мог, — недаром епископ был вынужден отменить торговую пошлину с подобных товаров, сбываемых на рынке в небольших количествах, на сумму до пяти солидов⁶⁴. Размер дохода, с которого отныне не взималась торговая пошлина — 5 солидов, ясно показывает, что эта привилегия дана не купцам, ведущим крупную торговлю, а непосредственным производителям-ремесленникам, для которых связь с рынком стала необходимым элементом хозяйственной деятельности и которые теперь составляют основу городского населения.

Эти статьи об отмене тонлье с целого ряда товаров — первое официальное свидетельство о том, что в натуральном хозяйстве, ранее господствовавшем на территории Страсбурга, так же как и в сельской округе, пробита первая брешь, жизнь здесь начинает перестраиваться на иной основе — через торговый оборот, через рынок, и именно в этом процессе Страсбург становится городом в подлинном смысле этого слова, то есть центром товарного производства. Первые торговые привилегии, которыми в VIII—IX вв. франкские короли наделили «людей страсбургской церкви», имели совсем иной характер и иное назначение. Торговля вином и даже хлебом тогда не диктовалась потребностями самого местного хозяйства, она скользила по его поверхности, не меняя его натурального характера.

В XII в. положение существенно меняется. Страсбург становится центром ремесла, ориентированного на рынок: Древнейшее право называет 17 ремесленных профессий, 8 из них

⁶² Ibid., N 616.

⁶³ «Если кто-либо из зависимых людей этой церкви... продает в этом городе вещи, которые сделал своими руками или которые выросли у него, то не дает пошлины», — записано в 52-й статье, а в 82-й следует уточнение: «Пусть никто не платит пошлины с рогож, кур, гусей, яиц, лука, капусты и других овощей, с чашек, кружек, если не продаст на 5 солидов».

⁶⁴ Там же, § 53.

уже получили право на легальную организацию, *einung*⁶⁵. Помимо ремесленных, в городе существуют корпорации трактирщиков и торговцев овощами⁶⁶, — опять-таки свидетельство того, что в Страсбурге постоянно функционируют рынки и на них стекается много людей. Страсбургский порт стал центром перевалки грузов с сухопутных дорог на корабли и с малых кораблей, идущих с верхнего Рейна, на более крупные⁶⁷. Купцы из Кельна, Майнца, Цаберна и других районов — постоянные гости в Страсбурге, а страсбургские ремесленники часто покупают сырье в Кельне и в Майнце⁶⁸. Не случайно Древнейшее право проявляет особую заботу о мостах и дорогах, ведущих в город⁶⁹. И хотя эта первая редакция страсбургского права скорее напоминает запись епископских прав и доходов, чем хартию городских вольностей, епископ внес в его текст статью об отмене тонлье с продуктов первой необходимости, — настолько эта пошлина мешала нормальному ходу городской хозяйственной жизни.

Еще раньше, в 1110 г., епископ Отто облегчил бюргерам — теперь уже бюргерам, а не «людям церкви»! — подбор с вино-торговли в пользу епископского фиска: прежде этот подбор взимали в течение всего года, теперь же «только от пасхи до рождества св. Марии (то есть в течение шести недель) с каждой карраты⁷⁰ вина, выставленного на продажу, две ситулы или одну аму»⁷¹. Кроме того, условия торговли облегчались тем, что горожанам разрешалось пользоваться при торговле своими мерами и весами⁷², а тем, у кого своих мер не было, пользоваться господскими, взятыми у телонеария, но бесплатно⁷³. Отменялись и другие епископские баналитеты — печной и мельничный⁷⁴.

Совершенно очевидно, что не трудами министералов, как бы ни были они втянуты в торговлю и монетное дело, подни-

⁶⁵ Urkundenbuch. Bd. I, N 616, § 44, 93, 102, 103, 108, 109, 110—115.

⁶⁶ Ibid., § 44.

⁶⁷ Ibid., § 50.

⁶⁸ Ibid., § 30, 47, 102.

⁶⁹ Ibid., § 58, 81.

⁷⁰ Каррата (*carrata*) — количество груза, которое можно было увезти на повозке. См. Du Cange. *Glossarium mediae et infime latinitatis*. T. II, p. 196. Ама (*ama*) — бочка вина. По более поздним сведениям, ама равна 165 литрам, ситула — $\frac{1}{2}$ амы.

⁷¹ Regesten, S. 297.

⁷² Urkundenbuch. Bd. I, N 616, § 57.

⁷³ Ibid., § 56.

⁷⁴ Ibid., § 84.

мался город XI—XII вв. Его богатство и силу создавали в первую очередь те *burgenses* и *cives*, чьими руками строились новые крепостные стены, новые церкви и монастырские обители, те ремесленники (они же и рядовые мелкие торговцы), которые заселяли в XI—XII вв. Лепешечную и Канатную слободы, кварталы кожевников, бочаров и кузнецов, переулки и улицы оружейников, гончаров, плотников и ткачей, для нужд которых были устроены в XI—XII вв. восемь новых рынков и учреждены суды шультгейса и бургграфа, интересы и потребности которых столь наглядно отразились в Древнейшем праве.

Но этот бурный подъем городской жизни увлек и часть министриалов, причем не только тех, что уже давно втянулись в торговлю, шедшую через Страсбург, и богатели на ней, но и новые фамилии епископских, соборных и монастырских министриалов. Именно эта прослойка на первых порах могла занять главные позиции в растущем городе: в ее руках было изрядное богатство от торговли и монетного дела, опыт в торговых операциях и в организации всяческих сделок, она обладала значительными привилегиями по сравнению с прочим городским «простонародьем» и давно создала свою самостоятельную организацию монетчиков *Münzerhausgenossen*. Наконец, именно из этой прослойки назначались епископом судьи и прочие городские чины и власти.

Но вот что любопытно отметить: эта прослойка министриалов уже к концу XI века начинает смутно ощущать некую глубинную общность с остальным «народом города Страсбурга». Да и в глазах епископа именно в это время начинают как-то стираться те прежде бесспорные границы, что еще полвека назад разделяли его министриалов и эту *turbam civitatis multam*, которая тогда казалась безликой, безыменной массой. Стоит вспомнить, что, уменьшая традиционный побор с торговли вином, епископ даровал эту льготу именно «бюргерам Страсбурга», а не «людям церкви» и не министриалам, хотя, конечно же, этой привилегией воспользовались и министриалы, торгующие вином, а может быть, и прежде всего они. В 1118 г. епископскую грамоту подписали несколько *cives meliores* Страсбурга. Все они министриалы, но ведь до сих пор их не называли «*cives*»⁷⁵. В 1154 и 1161 гг. в грамотах снова фигурируют министриалы, которых называют *cives*

⁷⁵ Ibid., N 73.

*meliores*⁷⁶. В грамоте 1162 г. четко выделены три группы свидетелей: в первой идут титулованные дворяне Эльзаса, во второй — министриалы, третья объединяется общей шапкой: «*burgenses*»⁷⁷. В этой группе 12 свидетелей, и из них, по крайней мере, префект Дитрих, его братья и *darifer* Вальтер — несомненные министриалы, а может быть, и восемь остальных, но все-таки их имена в грамоте образовали особую бюргерскую группу, в противовес министриалам, перечисленным выше. Видимо, уже в то время начался процесс постепенного перерождения, перестройки части министриалитета, который пойдет полным ходом позже, не в XII, а в XIII веке.

Процесс складывания социальной структуры городского населения в Страсбурге, в том числе и верхней его прослойки — патрициата, в известной степени отразился и в Древнейшем праве, хотя на первый взгляд его обнаружить трудно. В самом деле, в Древнейшем праве нет даже намека на городской совет или какой-либо иной выборный орган власти, которым распоряжались бы горожане, — все управление городом сосредоточено в руках епископа. «Все должностные лица этого города подчинены власти епископа так, что либо он сам их назначает, либо те, которых он сам поставил», — записано в Праве⁷⁸, причем четырех главных должностных лиц — шультгейса, бургграфа, телонеария и магистра монетчиков — епископ должен был «инвестировать своею рукою»⁷⁹.

Все эти должности существовали в Страсбурге уже не один десяток лет, особенно должность шультгейса (с 1095 г.)⁸⁰, но представить их обязанности и права по грамотам невозможно. Лишь Древнейшее право подробно определило их функции.

В компетенции шультгейса находился низший суд по гражданским — торговым и рыночным — делам⁸¹, недаром вершить суд он должен был только на рыночной площади Нового города, около церкви св. Мартина⁸².

Бургграфу был поручен контроль за деятельностью городских ремесленников: он назначал магистров их корпораций и имел право суда над ремесленниками, «если они в чем-либо

⁷⁶ Ibid., N 104, 111.

⁷⁷ Ibid., N 112.

⁷⁸ Ibid., N 616, § 5.

⁷⁹ Ibid., § 7.

⁸⁰ Ibid., N 60.

⁸¹ Urkundenbuch. Bd. I, N 616, § 8, 9, 10.

⁸² Ibid., § 15, 16.

прегрешат в своих обязанностях»⁸³. Кроме того, бургграф должен был следить за строительством и сохранностью мостов в Старом городе (на территории Нового города это поручалось телонеарию)⁸⁴, поддерживать в хорошем состоянии городские укрепления⁸⁵, следить, чтобы никто не застраивал улицы или прочие участки общего пользования⁸⁶. Он же получал рыночную пошлину с продажи некоторых товаров (например, с мечей, которые в ножнах выносятся для продажи), с растительного масла, орехов, плодов; часть оброка подковами с кузнецов)⁸⁷. Но, конечно, главная роль в получении пошлин с торгового оборота принадлежала телонеарию⁸⁸. Магистр монетчиков осуществлял надзор за денежным хозяйством в городе и во всей епархии и судил фальшивомонетчиков⁸⁹.

Вся городская администрация комплектовалась, как и прежде, из числа епископских министериалов, что создавало дополнительные условия для их привилегированного положения в экономической и социальной жизни Страсбурга. Явно в их интересах, вероятно под их нажимом, § 6 права устанавливал, что «никому епископ не должен давать общественной должности, кроме тех, кто принадлежит к зависимым людям его церкви»⁹⁰. Следует отметить, что шультгейс мог судить за кражу, мелкие уголовные проступки и денежные дела всех горожан, — за исключением епископских министериалов⁹¹. Видимо, их по-прежнему судит епископская курия, а суд шультгейса уже рассматривается как специфически городской суд. Но в Страсбурге живут министериалы не только епископские, — большая группа их зависит от капитула соборной церкви и крупных монастырей. Относительно их Древнейшее право решало иначе: «шультгейс имеет право судить слуг братьев любого монастыря... в делах, касающихся торговли, если они являются торговцами (*mercatores esse*)»⁹². Эта про-

⁸³ Ibid., § 44.

⁸⁴ Ibid., § 58.

⁸⁵ Ibid., § 80, 83.

⁸⁶ Urkundenbuch. Bd. I, § 81, 82, 84.

⁸⁷ Ibid., § 47, 48, 103, 104.

⁸⁸ Ibid., § 48, 49, 56, 58.

⁸⁹ Ibid., § 59, 60, 65, 76.

⁹⁰ Ibid., § 6.

⁹¹ Ibid., N 616, § 10.

⁹² Там же, § 38. Возможно, уже тогда проявлялся тот раскол в среде городского министериалитета, который без малого через столетие приведет «слуг братьев», и прежде всего соборных, на сторону городской общины во время ее войны с епископом в 1261—1262 гг.; епископские же министериалы, как правило, держали сторону своего сеньора.

слойка, следовательно, была менее привилегированной по сравнению с епископскими министериалами.

Если учесть, что правовой статус епископских министериалов и рядовых горожан был различным, то еще более выразительным выглядит текст 8-й статьи права, в которой шультгейсу предписано назначать на должность судьи лиц, «настолько уважаемых, чтобы горожане (*burgenses*), сохраняя свою честь, могли предстать перед ними в суде»⁹³. Министериалы суду шультгейса не подлежали, речь идет не о них, — это о чести рядовых бюргеров вынужден упомянуть в городской хартии епископ, настолько возросли в XII в. социальная роль, богатство и влияние этой собственно городской прослойки населения Страсбурга.

Некоторые статьи права позволяют представить, как привлекают доходы из городского ремесла и торговли епископские должностные лица, как «кормятся» они с городского стола. «Композиция» судье за неявку в суд составляла 30 солидов⁹⁴, штраф за нарушение мира в городе ему же — 30 солидов⁹⁵, штраф за кражу, за порчу чужого имущества делили между собой шультгейс и фогт⁹⁶, изрядная доля торговых пошлин оседала в карманах бургграфа и телонеария⁹⁷; кроме того, бургграфу доставалась часть оброка ремесленными изделиями, который он собирал в пользу епископа с кузнецов⁹⁸.

Многие из тех министериалов, что занимали должности в городском аппарате, в то же время входили в состав *Münzergenossenschaft*. Это легко установить, так как в грамотах одни и те же имена обозначаются то как должностные лица, то в качестве членов *Münzergenossen*⁹⁹. Участие в этой корпорации давало министериалам еще одну возможность для присвоения городских доходов. Входить в нее могли, как и прежде, только люди из *familia* страсбургской церкви¹⁰⁰. — Древнейшее право сделало законом уже сложившийся обычай, — и хотя выражение *familia ecclesiae* может толковаться и расширительно (все, зависящее от епископа, вплоть до сервов), но в данном случае, как и в § 6 и 93, под ним подразуме-

⁹³ Там же, § 8.

⁹⁴ Urkundenbuch. Bd. I, § 27, 28.

⁹⁵ Ibid., § 36.

⁹⁶ Ibid., § 40, 41.

⁹⁷ Ibid., § 47, 49, 50, 54.

⁹⁸ Ibid., § 103, 104.

⁹⁹ Ibid., N 115, 118, 211, 240, 249, 250, 261 u. and.

¹⁰⁰ Ibid., N 616, § 63.

меваются министерялы, те «люди церкви», которые уже давно делят с епископом доходы от монетного дела. Доходы же эти немалые: с каждых 20 солидов¹⁰¹ при чеканке новых монет 2 денария идут монетчикам¹⁰², они же получают штрафы за фальшивую монету, причем не только в Страсбурге, но и по всей епархии¹⁰³. Корпорация монетчиков не замкнута, в нее открыт доступ новым членам, но практически это возможно лишь самым богатым, ибо вступительный взнос очень высок: «епископу половину марки золота, магистру монеты пять денариев золота¹⁰⁴, монетчикам 20 солидов полновесной монеты»¹⁰⁵. Влияние этой корпорации монетчиков не ослабело и в XIII в. Именно тогда сложился неписанный обычай: в совете города, в коллегии скабинов, посты шультгейса и прочих должностных людей могли занимать только члены Münzgenossenschaft. Поэтому не без основания многие немецкие историки считают это сообщество патрицианской организацией, а любого ее сочлена автоматически зачисляют в ряды патрицев¹⁰⁶. Для XIII в. (точнее, 1214—1263 гг.) это в самом деле напоминало правило с редкими исключениями.

Весьма существенным источником доходов для страсбургских министерялов было также земле- и домовладение на городской территории. В XII в. — а возможно, и раньше — они широко практиковали отдачу в держание новопоселенцам дворов, домов и прочих построек, зачастую дробя обширные усадьбы¹⁰⁷ на мелкие участки, предназначенные для застройки¹⁰⁸. Древнейшее право упоминает о «дворах монастырских братьев или министерялов, в которых они сами лично не будут жить»¹⁰⁹, причем обитатели таких дворов подчиняются

¹⁰¹ Соотношение денежных единиц в Страсбурге XII — первой половины XIII в. таково: 1 солид (шиллинг) = 12 денариям (пфеннигам); 1 марка = 20 солидам = 1 фунту пфеннигов = 2 унциям; 1 талант = 12 унциям. В конце XIII в. это соотношение несколько изменилось: 1 марка = 2 фунтам, 1 фунт = 12 унциям.

¹⁰² Urkundenbuch. Bd. I, § 70, 71.

¹⁰³ Ibid., § 59, 60.

¹⁰⁴ Видимо, имеется в виду «количество золота, по весу равное пяти денариям», так как денарии из золота никогда не чеканились. См. J. C a h n. Münz- und Geldgeschichte der Stadt Strassburg.

¹⁰⁵ Urkundenbuch. Bd. I, N 616, § 77.

¹⁰⁶ См. M. F o l t z. Beiträge zur Geschichte des Patriziats in den deutschen Städten vor dem Ausbruch der Zunftkämpfe. 1899; H. P l a n i t z. Zur Geschichte des Städtischen Meliorats. Weimar, 1950; Ch. W i t t m e r. Das Strassburger Bürgerrecht. 1861.

¹⁰⁷ Urkundenbuch. Bd. III. N 86; Bd. I, N 378, 360, 348.

¹⁰⁸ Ibid., Bd. III, N 260, 504.

¹⁰⁹ Ibid., Bd. I, N 616, § 37.

суду шультгейса, — значит, это держатели из рядовых бюргеров.

Наконец, содержание Древнейшего права позволяет выделить еще одну группу городского населения, обладавшую определенными привилегиями, группу, имевшую непосредственное отношение к министерялитету Страсбурга и к формирующемуся патрициату, — это купцы (mercatores). В конце XII в. купеческая прослойка, несомненно, была достаточно многочисленна, ибо § 88 права предписывал, что епископ может «иметь из этого города 24 легата и только лишь из числа mercatores»¹¹⁰. Честь быть епископским легатом, видимо, была хоть и лестной, но довольно обременительной, а порой и небезопасной¹¹¹, и если до 80-х гг. XII в. епископ мог послать с поручением любого из своих людей, живших в городе, и на любое расстояние, то первая редакция права вынудила его ограничить число своих легатов и использовать их услуги «в пределах только епископства»¹¹². Очевидно, учитывалось, что купцы по роду своих занятий должны часто покидать город и могут с наименьшим ущербом совмещать выполнение поручений сеньора-епископа со своей торговой деятельностью. Зато епископ должен был заботиться о повышении авторитета своих легатов-купцов: «Со стороны епископа им оказывается такая почесть, чтобы при его празднествах, когда он пригласит своих людей, они имели перед ним самим почетные места за столом, чтобы тем самым людям его они стали казаться более почетными»¹¹³.

Вряд ли в конце XII в. купечество Страсбурга состояло исключительно из министерялов. Но самые богатые и влиятельные из купцов, пожалуй, все еще принадлежали к этому слою. И в качестве посланца по своим делам (порою секретному) епископ должен был предпочитать министеряла рядовому горожанину, тем более министеряла, втянутого в торговлю, — следовательно, имеющего опыт не только воина, но и дипломата и дельца, а в глазах феодалов такой купец, пожалуй, пользовался большим авторитетом, нежели обычный бюргер.

Но втягивание епископских слуг — министерялов в бюргерскую по существу деятельность сближало интересы этого

¹¹⁰ Ibid., § 88.

¹¹¹ Недаром право обязывает епископа возместить ущерб, который его легаты могут понести, выполняя его поручения. Там же.

¹¹² Там же, № 616, § 88.

¹¹³ Там же, § 89.

сложения с интересами собственно горожан, содействовало оформлению и сплочению городской общины, интересы которой все более отчетливо противостояли интересам сеньора-епископа.

К началу XIII в. городская община настолько окрепла, что епископ был вынужден согласиться на создание специального органа городского управления — городского совета. Его создание зафиксировано во 2-й редакции страсбургского права в 1214 г.¹¹⁴, хотя есть данные о том, что он начал функционировать еще в 1205 г.¹¹⁵. В совет ежегодно должны были назначаться (все еще назначаться, а не избираться горожанами!) 12 человек, «а если нужно, то и больше, людей честных и достойных, мудрых и способных (*honeste et idonee persone sapientes et discrete*), как из числа министриалов, так и из числа горожан»¹¹⁶. Кто же они, эти «честные и достойные», занимавшие места в совете в первые десятилетия его существования?

Год	Министриалы	Бюргеры
1225	4	9
1226	3	9
1229	4	9
1230	3	11
1231	4	12
1237	3	14
1239	4	15
1240	0	13
1244	5	14
1246	0	19
1249	4	12
1250	5 или 6	9 или 8
1252	2	12
1254	1	9
1255	1	10
1257	1	12
1258	0	18
1260	0	13

К сожалению, полные списки членов совета, *Ratslisten*, стали вестись регулярно лишь после победы над епископом в 1263 г., поэтому сведения о его составе можно получить только из тех актов и грамот, которые консулы скрепляли своими подписями. Если свести эти отрывочные данные воедино, получится следующая картина (см. табл.).

Может создаться впечатление, будто министриалы постепенно отеснялись от участия в управлении городом и волей-неволей (ведь назначал консулов епископ) уступили место бюргерам еще до 1263 г. Однако совершался, по-видимому, более сложный процесс (отдельные элементы, или, точнее, признаки наступления которого можно было заметить еще в XII в.), нежели простое отеснение министриалов от власти новыми социальными группами. В самом деле, Зигфриг Бильд, подписывая решение совета, именует себя бюргером: «*civis Sigfrid Bild*»¹¹⁷; в других документах он под-

¹¹⁴ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 617.

¹¹⁵ *Ibid.*, N 145.

¹¹⁶ *Ibid.*, N 617, § 1.

¹¹⁷ *Ibid.*, N 288.

писывается как министриал¹¹⁸, а однажды даже как рыцарь (*miles*)¹¹⁹. Хетцель фон Экверсхайм и Генрих фон Вольксхайм в 1261 г. подписались под постановлением совета как *cives*¹²⁰, а в частных грамотах они обозначены министриалами¹²¹. Задолго до битвы у Хаусбергена в 1262 г., сделавшей Страсбург почти независимой от епископа городской республикой, начали называть себя бюргерами (по крайней мере, в публичных документах) такие явные министриалы, как Фридрих Диспенсатор, Рудольф Шультегейс, Гуго Цоллер и многие другие. О своей принадлежности к прослойке министриалов они, как правило, вспоминают, когда заключают сделку по поводу недвижимой собственности, а во всех прочих случаях предпочитают не напоминать о прежних социальных связях, которые сравнительно недавно давали их дедам и отцам весьма ощутимые привилегии по сравнению с «прочим народом города Страсбурга». Времена и условия, весь социальный климат в городе настолько изменились, что теперь зачастую быть бюргером даже более выгодно и почетно, чем быть министриалом.

Медленное, но неуклонное повышение социального статуса бюргеров отразилось в документах XIII в., — их имена все чаще встречаются среди свидетелей и даже в списках скабинов и членов совета. Так, в 1225 г. каноник церкви св. Томаса Ульрих фон Боллинген продает свой участок земли монастырю Марбах, и грамоту о продаже подписывает среди прочих свидетелей мельник (*pistor*) Дитрих¹²². А в 1230 г. среди членов совета названы «Вирикус, сын Гоцперта — скорняка» и Петер-златокузнец (*Goltmacher*)¹²³.

Это и не удивительно: XIII век — время расцвета средневекового Страсбурга. Он стал развитым экономическим центром, с которым устанавливали прочные торговые связи не только прирейнские города и соседняя сельская округа, эльзасские села и бурги, но и весьма отдаленные районы и города Франции, внутренней Германии и Фландрии¹²⁴. В городе создается сильная корпорация судовладельцев (*Schiffleuten*)¹²⁵. В соответствии с потребностями возросшего объема торговли в Страсбур-

¹¹⁸ *Ibid.*, N 290, 301, 391, 418.

¹¹⁹ *Ibid.*, N 332, прим. 1.

¹²⁰ *Ibid.*, N 467.

¹²¹ *Ibid.*, N 290, 255, 261, 269.

¹²² *Ibid.*, N 195.

¹²³ *Ibid.*, S. 174.

¹²⁴ G. Wunder. *Das Strassburger Gebiet*. Berlin, 1965.

¹²⁵ *Urkundenbuch*. Bd. I, N 617, § 33—35.

те был разработан подробный тариф торговых пошлин, он свидетельствовал о значительном разнообразии ввозимых и экспортируемых товаров, причем в торговый оборот теперь широко вовлекались и товары местного ремесленного производства¹²⁶.

Из года в год росло число жителей Страсбурга, особенно ремесленников, возникают новые ремесленные кварталы в черте города, новые предместья за крепостной стеной¹²⁷. В середине XIII в. в Страсбурге уже 31 легально существующий цех, к концу XIII в. их стало 37¹²⁸. В начале XIII в. площадь города составила 71 гектар, а число жителей достигло 10 000 человек¹²⁹. Приток сельского люда в Страсбург не ослабевал в течение всего столетия и был настолько интенсивным, что за это время городским властям пришлось не только учреждать новые приходы для защиты душ новопоселенцев¹³⁰, но и трижды расширять кольцо городских стен, чтобы защитить их тела и имущество (в 1202 г.¹³¹, в 1228—1230 гг.¹³² и в самом конце XIII в.¹³³).

В этой обстановке приобщение части министерялов к городской жизни, фактическое превращение их в бюргеров и слияние этой группы с городской верхушкой, выделявшейся из разбогатевших ремесленников и купцов не министеряльного происхождения, должны были пойти особенно быстро.

До сих пор речь шла о социальных группах в целом. Интересно, однако, было бы проследить судьбу нескольких семейств разного происхождения, чтобы процесс формирования патрициата был более наглядным. Попытаемся это сделать.

Во многих документах XII—начала XIII в., в качестве свидетелей фигурируют представители одних и тех же родов: Пуэры, Диспенсаторы, Штайнбургеторы, Винтертуры, Кагенек, Бегеры, Офвайлеры. Поскольку засвидетельствование актов в средние века было своего рода служебным занятием, можно предположить, что перечисленные лица, наряду с че-

¹²⁶ Keutgen. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1901, S. 92—93.

¹²⁷ J. Silbermann. Local-Geschichte der Stadt Strassburg, S. 65—68.

¹²⁸ C. Schmidt. Strassburger Gassen- und Häusernamen im Mittelalten, S. 4, 5, 9, 23—24.

¹²⁹ E. Borries. Geschichte der Stadt Strassburg. Str., 1909, S. 58.

¹³⁰ Urkundenbuch. Bd. I, N 261, 277, 301.

¹³¹ Die Chroniken. Bd. IX, S. 873.

¹³² Ibid., S. 984.

¹³³ J. Silbermann, S. 60.

тырьмя чиновниками и двумя судьями, упомянутыми в Древнейшем праве, имели какое-то отношение к управлению городом или хотя бы к судопроизводству. Они, по сути, составляли негласную коллегию скабинов, которая была узаконена лишь во 2-й редакции права¹³⁴. О сословном статусе этих свидетелей нет нужды гадать: это министерялы — так они названы в самих грамотах.

Одним из первых встречается среди свидетелей имя Бурхарда Пуэра. Он подписал епископскую грамоту в 1129 г.¹³⁵, затем — в 1143 г., в числе *meliores civitatis*¹³⁶, в 1145 г., 1146 г., 1147 г.¹³⁷. С 1145 г. среди свидетелей появляется его сын — «Бурхард, сын Бурхарда, *gui cognominantur Puer*»¹³⁸. Этот Бурхард-младший в 1190 г. принял участие в разделе епископской пустоши, примыкающей к городским воротам¹³⁹. Его сыновья, Бурхард и Вальтер, тоже стали свидетелями епископских сделок и договоров¹⁴⁰. Сын Бурхарда Эберхард Пуэр был консулом, то есть членом городского совета, в 1229 г., когда община Страсбурга заключила весьма выгодный торговый договор с Саарбургом¹⁴¹, в 1230 и 1231 гг.¹⁴².

Примерно в одно время с Бурхардом Пуэром-старшим подписывал епископские акты министерял Диспенсатор. Кто-то из его предков, видимо, был либо казначеем епископа, либо управляющим епископскими поместьями. Обозначение должности — *dispensator* — стало родовым именем у его потомков¹⁴³. В XIII в. в немецких текстах латинская форма этого имени сменилась немецкой — Шпендер (*Spender*)¹⁴⁴. *Regimarus Dispensator* назван в числе свидетелей в грамоте 1138 года¹⁴⁵, его сыновья Гуго и Вальтер — в 1143 и 1162 гг.¹⁴⁶, сын Вальтера Фридрих Диспенсатор упоминается среди сви-

¹³⁴ Urkundenbuch. Bd. I, N 617, § 23, 24, 25.

¹³⁵ Ibid., N 78.

¹³⁶ Ibid., N 92.

¹³⁷ Ibid., N 98, 99, 102.

¹³⁸ Ibid., N 98.

¹³⁹ Ibid., N 144.

¹⁴⁰ Ibid., N 148, 152, 154.

¹⁴¹ Ibid., N 216.

¹⁴² Ibid., N 218, 224.

¹⁴³ Это явление довольно частое: в Страсбурге существовали целые династии с родовыми именами Шультегис, Юдекс, Цоллер, Далифер, Маршал, предки которых были судьями, сборщиками пошлин, поварами, копящими у епископа или капитула.

¹⁴⁴ Urkundenbuch. Bd. III, N 10, 11, 19.

¹⁴⁵ Ibid., Bd. I, N 86.

¹⁴⁶ Ibid., N 92, 112.

детелей в 1197, 1199, 1202, 1202 гг.¹⁴⁷, в 1215 и 1219 гг. он был членом городского совета¹⁴⁸.

В 1143 г. в грамоте среди *meliores urbis* рядом с Бурхардом Пуэром и Диспенсаторами назван министриал Гуго *de porta lapidea*¹⁴⁹, и с тех пор в течение почти ста лет представители этого рода, осевшего у Каменных ворот города, — отсюда и их родовое имя, *de porta lapidea*, или, в немецких текстах XIII в., *de Steinburgetor*, — поставляли свидетелей в епископскую курию и консулов в городской совет¹⁵⁰.

На чем держалось влияние этих родов, каким источникам дохода они обязаны своим возвышением? Конечно, сведения, сохранившиеся от XII—XIII вв., слишком фрагментарны, чтобы построить четкую схему, но кое о чем можно судить довольно уверенно.

Род Штайнбургетор осел на усадьбе около Каменных ворот Старого города не раньше X века — участок крепостной стены с этими воротами, соединившей Старый и Новый город, был построен в X веке¹⁵¹. Вплоть до строительства новых стен в 1202 г. через эти ворота, наряду с воротами св. Стефана, шел основной поток товаров, посетителей и гостей города и новопоселенцев. Вполне возможно, что род Штайнбургетор использовал выгодное расположение своей усадьбы, получая въездную и выездную, а может быть, и какую-то часть торговой пошлины, — ведь епископы часто уступали на правах бенефиции или лена часть доходов от ворот, мостов, бродов и переправ своим министриалам и вассалам¹⁵². Видимо, не случайно имена представителей этого рода часто встречаются в епископских грамотах именно в XII веке, когда город быстро рос, превращаясь в оживленный многолюдный торгово-ремесленный центр и когда сбор пошлин у самых бойких городских ворот мог стать источником постоянного и обильного дохода. В конце XII в. семья Штейнбургетор получила в качестве бенефиции участок альменды за городской стеной, опять-таки около Каменных ворот, и небольшой остров на Илле¹⁵³. Этот участок альменды использовался для выпаса¹⁵⁴ городского

¹⁴⁷ Ibid., N 135, 137, 139, 144.

¹⁴⁸ Ibid., N 162, 180.

¹⁴⁹ Ibid., N 92.

¹⁵⁰ Ibid., N 137, 144, 148, 152 и. and.

¹⁵¹ J. Silbermann, S. 54.

¹⁵² Regesten, S. 117, 180, 187, 203, 243.

¹⁵³ Urkundenbuch. Bd. I, N 152.

¹⁵⁴ Ibid., N 616, § 87.

скота, и, вероятно, Штейнбургеторы получали плату за выпас, — ведь и сами они платили епископу за этот участок 10 талантов в год¹⁵⁵. Недаром в середине XIII в. городская община неоднократно возбуждала переговоры о выкупе этого участка, но добилась успеха только в 1263 г., когда вся альменда перешла под власть города¹⁵⁶.

В 1202 и 1228—1232 гг. Страсбург, население которого очень выросло, строит новые кольца крепостных стен, расширяя свою территорию. В результате этого строительства ворот, ведущих в город, стало гораздо больше (5 — в стене 1202 г. и 4 — в стене 1228 г.)¹⁵⁷, причем основной поток товаров теперь должен был пойти через Мытные ворота (о чем, кстати, свидетельствует само название их), через Шпейерские и Metzger-Thor. Значение Каменных ворот, как пропускного пункта, в этой ситуации резко упало — недаром в середине XIII в. их уже называют «Каменными воротцами»¹⁵⁸, — должны были сократиться и доходы тех, кто прежде мог использовать выгодное расположение здесь своей усадьбы.

Как неизбежное следствие оскудения министриального рода, сидевшего на усадьбе Штайнбургетор, явилась утрата им бывшего общественного положения. Последний раз его представитель, Бурхард Штайнбургетор, подписал епископскую грамоту в 1220 г.¹⁵⁹, и с тех пор это родовое имя исчезает из документов. Нет его и в списках членов городского совета, нет и среди скабинов. Среди контрагентов сделок относительно земли и домов, среди епископских поместных служащих Штайнбургеторов тоже нет. Однако семья эта еще сохраняла за собой старую родовую усадьбу до 1259 г., когда «Гуго и Лентфрид, братья де Штайнбургетор, продали господину Вальрамму de Geroldsecke... свою усадьбу в Страсбурге, расположенную в месте, называемом Steinburgetor, со всеми постройками и придатками за 130 марок серебра»¹⁶⁰. Дальнейшая судьба Гуго и Лентфрида и прочих потомков этого рода неизвестна, документы XIII—XIV вв. о них молчат. Можно с большой долей уверенности предполагать, что иных доходов, кроме сбора пошлин, платы за выпас скота на их участке пустоши да каких-то поступлений с острова на Илле,

¹⁵⁵ Ibid., N 152.

¹⁵⁶ Ibid., N 519, § 6.

¹⁵⁷ J. Silbermann, S. 55.

¹⁵⁸ Ibid., капта N 8.

¹⁵⁹ Urkundenbuch. Bd. I, N 484.

¹⁶⁰ Ibid., N 440.

Штайнбургеторы не имели. Нет никаких сведений о том, что они входили в *Münzerhausgenossenschaft*, следовательно, этой доходной статьей они не могли воспользоваться. Приспособившись обирать городскую торговлю, эти министерялы действовали сугубо феодальными методами. В самой городской жизни и хозяйственной деятельности они сколько-нибудь активного участия не принимали, хоть и смогли проникнуть на первых порах в городской совет. Потому и пришлось им сойти со сцены, едва изменились условия.

Небезынтересно отметить, в чьи руки перешла эта древняя министеряльная усадьба, за которой сохранилось прежнее имя *de Steinburgetor*. С 1259 г. до 1286 г. она оставалась в руках церкви. В 1286 г. Антоний, магистр *phiscus*, пребендарий страсбургской церкви, продал эту усадьбу с домом бюргеру Иоганну Бёнлину¹⁶¹, который за год перед тем купил смежный участок¹⁶² и несколько домов в других районах города¹⁶³. В 1289 г. имя этого Иоганна было впервые внесено в списки городского совета¹⁶⁴, — в конце XIII в. шло формирование нового слоя городских земле- и домовладельцев уже не министеряльного происхождения, отдельные элементы которого чем дальше, тем чаще проникали в патрицианскую верхушку.

Аналогичная судьба — у рода Пуэров. В 1252 г. Арнольд Пуэр продал свой феод — двор *zen Wasen* — доминиканцам¹⁶⁵, и после этого его имя не встречается ни в частных, ни в публичных актах. Брат Арнольда, Гельвик, стал приором доминиканского монастыря св. Андреаса и, возможно, свою часть семейного имущества (Пуэры в начале XIII в. владели несколькими усадьбами в старом городе¹⁶⁶) отдал монастырю¹⁶⁷. Извлекая доходы только из недвижимой собственности (нет никаких сведений о причастности этого рода к торговле, хотя в списках монетной корпорации это имя встречается¹⁶⁸), Пуэры не сумели удержаться среди «людей честных и достойных» более полувека.

Род Диспенсаторов-Шпендеров оказался более жизнеспособным. Его представители в течение всего XIII в. не только

¹⁶¹ Ibid., Bd. III, N 194.

¹⁶² Ibid., N 190.

¹⁶³ Ibid., N 170, 179, 185, 772.

¹⁶⁴ K. v. Knobloch. Das goldene Buch von Strassburg. Wien, 1855.

¹⁶⁵ Urkundenbuch. Bd. I, N 363.

¹⁶⁶ Ibid., N 189, 193.

¹⁶⁷ Ibid., N 363.

¹⁶⁸ K. v. Knobloch. Das goldene Buch, S. 79.

подписывали грамоты епископов и графов Эльзаса в качестве свидетелей¹⁶⁹, но и неоднократно становились консулами¹⁷⁰ и скабинами¹⁷¹. До 1266 г. Диспенсаторы входили в *Münzerhausgenossenschaft* — последними в списках 1266 г. названы Бурхард Шпендер и его сын¹⁷², — извлекали доходы из монетного дела и выбыли из этой корпорации не потому, что обеднели, а потому, что принадлежали к той группе министерялов, на которую опирался в совете епископ и которую городская община после победы над епископом в 1262 г. удалила из совета и старалась поставить как бы вне закона¹⁷³. Сведений об участии Шпендеров в торговле нет. Эта семья владела изрядным количеством домов и усадеб в Старом и Новом городе и участками земли в соседних сёлах. Фридриху Диспенсатору в 1281 г. принадлежал большой участок в *zu hoppedere*¹⁷⁴ и полевые участки в местечке Утенхайм, которые он сдавал в держание, а в 1292 г. продал за 11 марок серебром бюргеру Вильгельму¹⁷⁵. Бурхард Шпендер с 1231 по 1291 гг. владел усадьбой во *fronhove*, полученной в лен от епископа, и сдавал ее в держание нескольким бюргерам небольшими участками, получая за каждый 8 унций чинша в год¹⁷⁶. Другая его усадьба, *zer Leitern*, тоже была отдана в держание семье горожан и приносила ему ежегодно 20 унций дохода¹⁷⁷.

Диспенсаторы-Шпендеры продолжали владеть домами и земельными участками в Страсбурге и в XIV¹⁷⁸, и даже в XV вв.¹⁷⁹, но этот род претерпел весьма характерную метаморфозу. Еще в конце XIII в. он разделился на две ветви. Представители первой приобрели рыцарское звание (рыцарями, *milites*, иногда называли себя уже Фридрих и Бурхард, о которых только что шла речь) и сохранили его по крайней мере до XV в., — еще в 1467 г. рыцарь Клаус Шпендер, по решению совета, должен был держать двух боевых коней для го-

¹⁶⁹ Urkundenbuch. Bd. II, N 1, 10, 11, 19.

¹⁷⁰ Ibid., Bd. I, N 421, 479, 529.

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Ibid., N 619.

¹⁷³ F. Closener. Strassburgische Chronik. Stuttgart, 1842, S. 39—40.

¹⁷⁴ Urkundenbuch. Bd. III, N 142.

¹⁷⁵ Ibid., N 274.

¹⁷⁶ Ibid., N 264.

¹⁷⁷ Ibid., N 282.

¹⁷⁸ Ibid., N 293, 297, 418.

¹⁷⁹ K. Eheberg. Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der Stadt Strassburg. Bd. I, Str., 1899, N 70, 79.

рода¹⁸⁰. Другая же ветвь Шпендеров резко изменила свое словесное положение: она ушла в ремесло. Родоначальником ее был Гуго Шпендер, ставший мастером-бочаром¹⁸¹. Но и те и другие покинули ряды патрициата: их представителей нет ни в совете, ни в коллегии скабинов, ни среди монетчиков. Доходов от земли и домов, отданных в держание, хватило, чтобы обзавестись рыцарским титулом, но было недостаточно для того, чтобы сохранить политический вес в общине и прочно войти в состав городской верхушки¹⁸². Таким образом, первая ветвь Шпендеров, хотя и насчитывала более четырех столетий городской жизни, своей социальной сути не изменила, только влилась в феодальную иерархию и поднялась на ступеньку повыше. Другая же ветвь, ушедшая в ремесло, не могла за 30—40 лет настолько упрочить свое экономическое и социальное положение в общине, чтобы проникнуть в ряды патрициата еще в первой четверти XIV в. Возможно, это удалось Шпендерам — ремесленникам после событий «цеховой революции» 1332 г. Во всяком случае, ремесло они избрали доходное: спрос на бочки в Страсбурге, где издавна функционировал Винный рынок, где бойко торговали вином в течение всего года и откуда вывозили вино вниз по Рейну, обещал быть постоянным и высоким.

Расколослся в конце XIII в. и род Эрлинов (Erlin, Ernlin). Эти министерялы тоже владели многими усадьбами и домами в городе¹⁸³, тоже были близки к епископскому двору — свидетели из Эрлинов подписывали епископские грамоты еще в X веке¹⁸⁴, тоже входили в *Münzerhausgenossenschaft*¹⁸⁵ и

¹⁸⁰ Ibid., N 79.

¹⁸¹ Urkundenbuch. Bd. III, N 243.

¹⁸² Этот вывод может подтвердить судьба рода Tantzе. Члены этого рода (не министеряльного) владели в городе в XIII в. обширным комплексом земель. В Новом городе им принадлежали дома по обеим сторонам переулка Tantzgasse — переулк, названного по их имени, усадьбы в Верхней улице, в Крутенау, участки по берегам Брейша. Располагали они и денежными средствами. В 1278 г. Конрад Танце составил завещание, по которому должно было раздать на помин его души церквам, монастырям и отдельным алтарям 69 фунтов 13 солидов; чинши с двух участков земли, дома и усадьбы (Urkundenbuch. Bd. III, № 108, 112, 357, 383). Однако никто из этого рода никогда не входил в совет, не был скабином, не привлекался к оформлению сделок в качестве свидетеля. Этот богатый бюргерский род не принадлежал к патрицианской верхушке. То же самое можно сказать о Хавартах, Пфаффе, Пфлюгерах.

¹⁸³ Urkundenbuch. Bd. I, И 552, 570. В начале XIII в. в Новом городе возник переулк Erlingasse.

¹⁸⁴ Там же, № 48, 49, 57.

¹⁸⁵ Там же, № 619.

были консулами в середине XIII в.¹⁸⁶. Но в 60-х гг. XIII в. Бертольд Эрлин становится оружейником. Он остается в корпорации монетчиков до 1268 г.¹⁸⁷, но ни сам он, ни сын его Эберлин Эрлин, ни внук, тоже Эберлин, в списках совета не фигурируют. Это богатые бюргеры, они пользуются авторитетом в городе, — прежде всего как хорошие мастера¹⁸⁸, — но они не патриции. Впрочем, их родственники, оставшиеся верными прежнему социальному статусу, из патрицианской верхушки тоже выбыли, и примерно в то же время.

Иначе сложилась судьба тех министерялов, которые вели торговлю в городе и за его пределами. Вирнекорны, с конца XII в. втянутые в торговлю хлебом¹⁸⁹; Риплины, торгующие вином и владеющие прилавками на Винном рынке¹⁹⁰; Ринау, владельцы нескольких мельниц, ведущие торг мукой и зерном¹⁹¹; Кельбелины¹⁹² и другие заняли господствующее положение в городе, по-видимому, еще в конце XII в. С первых лет существования совета они непременные участники его: по *Ratslisten* и по свидетельским подписям под решениями совета видно, что на протяжении почти ста лет эти семьи сохраняли за собой посты консулов и магистров, сыновья сменяли отцов в управлении городом. Представители этих родов — тоже участники *Münzerhausgenossen*, и тоже владеют недвижимой собственностью, но торговля остается их главным занятием и главным источником дохода. Если же кто-либо из них оставлял торговлю, предпочитая собирать чинши с домов и усадеб, инерция его прежнего социального статуса быстро угасала, и он уступал место в совете и в среде патрициев новым фамилиям.

Вторая генерация страсбургского патрициата, чисто бюргерского происхождения, оставила в источниках куда менее четкий след, чем министерялы, и проследить ее становление гораздо труднее. Уже упоминалось о том, что в 1230 г. среди

¹⁸⁶ Там же, № 552, 555, 570.

¹⁸⁷ Там же, № 619.

¹⁸⁸ В 1275 г. городской совет заключил договор с Бертольдом Эрлином, «почтенным мастером», обязав его ежегодно изготавливать для нужд города и продавать ему «5 хороших арбалетов за свою цену. А если он изготовит другие арбалеты, которые захочет продать, то должен предложить их сначала городу» (Urkundenbuch. Bd. II, № 46).

¹⁸⁹ Ibid., Bd. I, N 180, 184, 202, 231, 233, 261, 151, 162, 139, 288, 395, 588.

¹⁹⁰ Ibid., N 208, 219, 220, 268 Bd. III, N 740, 756, 781.

¹⁹¹ Ibid., Bd. I, N 116, 117, 119, 120, 124, 132, 139.

¹⁹² Ibid., Bd. III, N 119, 120, 143, 814, 975.

членов совета были скорняк и златокузнец¹⁹³, но каких-либо сведений о них документы не содержат. Лишь о немногих бюргерских фамилиях можно собрать сведения, позволяющие представить их путь из среды зажиточных горожан в ряды патрициата.

Показательна в этом отношении судьба рода Клобелох. Впервые это имя названо в документах 1197 г.: бюргер (civis) Бурхард Клобелох подписал в качестве свидетеля дарственную грамоту аббата Хельвика фон Зельца¹⁹⁴. Чем занимался Бурхард, неизвестно, но потомки его в течение всего XIII в. занимались хлеботорговлей¹⁹⁵, и весьма успешно. В 1266 г. Клобелохы вошли в монетную корпорацию, и как вошли! В списке Münzerhausgenossen 1266 г. названы Иоганн Клобелох-Старший, торговец хлебом; его брат Берлин, тоже хлеботорговец, три сына Иоганна и три его племянника¹⁹⁶. Размеры вступительного взноса в монетной корпорации со времен Древнейшего права заметно увеличились¹⁹⁷, и уплатить его могли люди не просто зажиточные, а очень богатые, — тем более уплатить сразу за нескольких человек. В конце XIII в. Иоганн-Старший скупил в разных районах города несколько домов¹⁹⁸, имя его все чаще встречается среди свидетелей в частных грамотах¹⁹⁹, наконец, он становится скабином²⁰⁰. Сын его, Иоганн Клобелох-Младший, продолжая торговать хлебом, не менее энергично скупал недвижимое имущество. В 1300 г. он купил участок леса в Шуттервальде, уплатив за него 190 марок²⁰¹. В 1302 г. он приобрел девятую часть мельницы и два прилавка (brotbenken), «с которых можно продавать хлеб в мясном рынке»²⁰², в 1315 г. — участок возле городской стены²⁰³, в 1316 г. — половину деревни Вильре²⁰⁴, между 1316 и 1328 гг. получил от епископа в качестве феода «7 фунтов от епископской пошлыны в Страсбурге, а также чинш с усадьбы, расположенной перед башней за городской стеной, — 4 фунта пфен-

¹⁹³ Ibid., Bd. I, N 174.

¹⁹⁴ Ibid., N 211.

¹⁹⁵ Ibid., Bd. III, S. 133, 151, 249.

¹⁹⁶ Ibid., Bd. I, N 619.

¹⁹⁷ J. Cahn, Münz- und Geldgeschichte der Stadt Strassburg im Mittelalter, Str., 1895, S. 57—58.

¹⁹⁸ Urkundenbuch, Bd. III, S. 155, 175, 249, 266.

¹⁹⁹ Ibid., S. 249, 251, 266.

²⁰⁰ Ibid., S. 275.

²⁰¹ Ibid., 427.

²⁰² Ibid., 481.

²⁰³ Ibid., 809.

²⁰⁴ Ibid., Bd. IV, t. II, S. 188.

нигов и 39 каплунов»²⁰⁵, в 1317 г. и 1318 г. купил несколько рент от усадеб в городе²⁰⁶. В руках этого бюргера, торговца, предки которого в лучшем случае могли быть держателями дворов по городскому праву, сосредоточились доходные участки и объекты в самом городе и обширные владения за городской чертой, принадлежавшие ему по праву полной частной собственности, и типично феодальные доходы, вроде рента и епископской пошлыны. Не удивительно поэтому, что Иоганн Клобелох-Младший становится не только скабином²⁰⁷, но и членом городского совета: в 1313 г. он впервые был избран консулом²⁰⁸, а в 1332—1333 гг. был назначен магистром²⁰⁹. В том же году среди членов совета назван и его сын Вальтер Клобелох²¹⁰.

Аналогичный путь прошла бюргерская семья Вехенов. Зигель Вехен (Vehen) в 70—80 гг. XIII в. скупал дома и усадьбы в Верхней улице Страсбурга²¹¹, в 1296 г. стал собственником земель в пригородной деревушке Винценхайм²¹², но и сам Зигель, и сын его Конрад были прежде всего виноторговцами²¹³, — доходы от торговли вином и позволили этому роду покупать дома и земли. Эти же доходы привели Зигеля в коллегии скабинов²¹⁴, а его сына Конрада — в число консулов²¹⁵.

Итак, патрициат Страсбурга складывался из различных групп городского населения. Министерялы участвовали в образовании первой генерации страсбургского патрициата, но удержаться в нем они могли, только утратив — совсем или в значительной степени — свое прежнее чисто землевладельческое существо, только основательно приобщившись к городской экономике. Доходов от недвижимой собственности было недостаточно, чтобы удержаться в патрицианской верхушке, — даже если эта недвижимость была значительных размеров, располагалась в самом городе и служила средством эксплуатации горожан — держателей, даже если к доходам от земли и построек присоединялись доходы от монетного дела. Судьба

²⁰⁵ Ibid., S. 272.

²⁰⁶ Ibid., Bd. III, S. 140, 141.

²⁰⁷ Ibid., S. 270, 333.

²⁰⁸ Ibid., S. 429.

²⁰⁹ Ibid., S. 433.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Ibid., S. 40, 41, 45.

²¹² Ibid., Bd. IV, Th. I, S. 479.

²¹³ Ibid., S. 160, 162.

²¹⁴ Ibid., S. 162, 164, 165.

²¹⁵ Ibid., S. 170.

городских землевладельцев не министерального происхождения подтверждает этот вывод: хотя некоторые из них и обладали изрядным состоянием (например, род Танце), но в состав патрициата они так и не вошли. Только участие в городской торговле позволяло бюргерам министерального корня прочно войти в число «знатных родов», управлявших городом, — чтобы быть патрицем, надо было эти корни ослабить, если не оборвать совсем.

По мере роста и развития города появлялись новые бюргерские фамилии, разбогатевшие на торговле (а в XIV в. в эту группу проникают и некоторые ремесленники); эти бюргеры стремились занять в городской верхушке место, соответствующее их состоянию и влиянию. Недаром после победного восстания против епископа в 1262 г. многие патрицианские семьи, ведшие свое происхождение от епископских министералов, были выброшены из совета и из монетной корпорации — в сущности, были исключены из патрициата. Их место было занято представителями нового поколения городских богачей. А «цеховая революция» 1332 г. показала, что борьба за обновление патрициата в Страсбурге не прекратилась и после 1263 г. — напротив, она стала еще более интенсивной.

Процесс постоянного обновления патрицианской прослойки в Страсбурге XII — начала XIV вв. не оставил места для «социального континуитета» в этом городе.

А. И. Озолин

Национальный вопрос и гуситская бюргерская оппозиция в годы народного восстания (1419 — 1437)

В настоящей статье рассматривается значение национальных требований бюргерской оппозиции в годы народного вооруженного восстания¹.

К началу народного вооруженного восстания в Чехии (1419—1437) наметились все основные черты гуситской идеологии. Наряду с социально-экономическими, политическими, религиозными требованиями и целями, более или менее определились и национальные. Это была борьба за ликвидацию чужеземного засилья в стране, за национальную церковь, национальное суверенное государство, за национальный язык и культуру. Период вооруженного восстания принес с собою существенные изменения в соотношении различных сторон самого гуситского движения. Уточнилась социальная направленность гусизма, его классовая природа. Окончательно оформились два основных направления в гусизме. Гораздо отчетливее проявилась теперь антифеодалная сущность движения в целом. Яснее стала позиция классовых врагов гуситов — прелатов, магнатов, патрициата. Весьма значительно, хотя и временно, в нем усилились национальные мотивы, борьба против иноземного засилья. В связи с вторжениями крестоносцев

¹ См. нашу статью о предшествующем периоде: А. И. Озолин. Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV — начала XV века. — В сб.: Средневековый город. Изд-во Саратовского ун-та, 1968. Из новейших чехословацких работ см. F. Šmahel. The Idea of the «Nation» in Hussite Bohemia. — «Historica». XVI, XVII. Praha, 1969; F. Šmahel. Idea národa v husitských Čechách. Ruze České Budějovice, 1971, s. 230.

важнейшее значение приобрела задача защиты родины от полчищ чужеземцев, защита национальной независимости и суверенитета.

* *
*

Уже в первые месяцы гуситских войн заметное место заняло движение за создание национальной чешской церкви, хотя первые шаги в этом направлении были сделаны еще в XIV веке. Тенденция к созданию национальной церкви была тогда общеевропейской. В Чехии, как и повсюду в Европе в период развитого феодализма, началось складывание централизованного национального государства. В такой обстановке церковь любой страны должна была претерпеть существенные преобразования. В католических странах это проявилось в изменении отношений местных церквей с Римской курией, а также отношений между светской властью и церковью внутри каждой страны.

После восстания 30 июля 1419 года в Праге, захвата гуситами власти в столице и почти во всей стране непосредственные связи Чехии с Римской курией были надолго прерваны (мы не имеем в виду происков католических чешских прелатов и магнатов в Риме). Гуситы, в том числе и умеренные, не признавали тогда господства Римской церкви над национальной чешской церковью, тем более что 1 марта 1420 года папа Мартин V провозгласил против них крестовый поход. С этого времени и на протяжении всего периода гуситских войн фактически прекратилось назначение Римом духовенства на высшие церковные должности в Чехии, раздача бенефициев в этом королевстве людям, угодным папской курии. Римская курия посылала теперь в эту страну своих легатов в качестве идейных вдохновителей и организаторов крестовых походов, душителей гуситского движения. Только после поражения крестоносцев у Домажлиц в 1431 году сами католические прелаты были вынуждены искать новых путей для ликвидации гусизма, согласились принять и выслушать послов гуситов на Базельском соборе. Тогда же начались переговоры умеренных гуситов с Римом о компактатах. Следовательно, в годы гуситских войн очень возросла самостоятельность чешской церкви в отношениях с Римом.

Большие изменения произошли в эти годы и в составе духовенства страны. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, на первом этапе народного восстания (1419—начало

1422 гг.) в руки бюргерства и дворянства попали многие богатства церкви. Большое количество монастырей было разрушено в процессе вооруженных столкновений гуситов с силами феодальной реакции². Значительная часть монахов и прелатов спасалась бегством в католические области и города страны и за границу. Положительным результатом в развитии национальной чешской церкви и явилась чехизация духовенства, то есть дальнейшее пополнение его за счет чехов и вытеснение чужеземцев. Небезынтересно отметить, что на Чаславском сейме 1421 г. гуситы выбрали для руководства делами своей церкви в Чехии комиссию из четырех человек, в составе которой были только чехи³: Ян Пршибрам, Прокоп из Пльзня, Якубек из Стржибра, Ян Желивский. Эта комиссия фактически ведала делами церкви в стране на протяжении всего периода гуситских войн, а пражский архиепископ Конрад, немец родом из Вестфалии, хотя и признал четыре пражские статьи, по существу не пользовался никакой реальной властью.

В годы народного восстания происходило дальнейшее проникновение родного чешского языка в богослужение, в теологическую литературу, что встречало упорное сопротивление идеологов феодально-католического лагеря. Напомним, что богослужение на национальных языках, как и перевод и распространение богословской литературы, даже Библии, запрещались тогда в католической церкви, и население чешского королевства, как и других католических стран Европы, было вынуждено слушать церковную службу, молиться на чуждом и непонятном ему латинском языке. Еще в 1417 г. многие магистры Пражского университета в своем решении против распространения гусизма особо оговаривали, что обедню нельзя служить на чешском языке⁴.

Идея применения национального языка в церкви нашла широкий отклик в странах Западной и Центральной Европы, где господствовал католицизм, еще в XIII—XIV вв. Важнейшей предпосылкой для этого явились успехи в национальном развитии, в формировании национальных государств. В Чехии

² Вавржинец из Бржезовей сообщил 41 название разрушенных и уничтоженных тогда женских и мужских монастырей. Vavrinec z Brezové. Kronika Husitská. — Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých. T. V. V Praze. 1893, s. 97. (Далее — Fontes..., V).

³ Fontes..., V, s. 234.

⁴ Archiv Český čili staré písemné památky české i moravské. T. 6, str. 37—38. (Далее — А. С.).

эта идея зародилась задолго до восстания гуситов и проникновения в нее учения Уиклифа, в котором нашла свое дальнейшее развитие. Достаточно напомнить о проповедях Яна Милича на чешском языке, о довольно широком распространении чешских религиозных песен, легенд и пророчеств в XIV в., о переводе Библии на чешский язык в конце XIV в., о трудах Т. Штитного, его переводах на чешский язык произведений многих европейских мыслителей, причем именно на религиозные и моральные сюжеты прежде всего, о многочисленных произведениях Яна Гуса и его соратников на чешском языке, его выступлениях в защиту национального языка в теологической, да и светской литературе, его «Орфографию» чешского языка.

Современники событий отметили обострение национальных противоречий в Пражском университете. Студенчество и профессура в нем делились на четыре «нации»: чешскую, баварскую, польскую и саксонскую. В составе польской нации преобладал немецкий элемент⁵. К началу XV в. национальные противоречия в университете еще более обострились, что нашло яркое выражение в борьбе вокруг Кутногорского эдикта. Людольф Заганьский, современник событий, отметил связь этого процесса с дальнейшим формированием гуситской идеологии. Так, в связи с диспутом в Праге в 1409 г. вокруг учения Уиклифа против защитников его учения — Гуса и Иеронима — выступило много магистров, главным образом немцев⁶. Автор трактата подчеркнул наличие давних национальных противоречий между немцами и чехами.

В те годы Иероним Пражский перевел на чешский язык некоторые произведения Джона Уиклифа. В Пражском университете Иероним говорил на чешском и немецком языках, заключительное слово на Констанцском соборе произнес на родном чешском языке⁷. Другой ближайший соратник Гуса — магистр Якубек из Стржибра — проповедовал в Вифлеемской

⁵ «Licet autem inter has nationes natio ultima videlicet Polonorum a Polonis nomen habuit, multos tamen Alemannos, utpote Slesianos, Misnenses (et) quosdam alios in se comprehendebat...». (Der Tractatus de longo schismate des abtes Ludolf von Sagan. Beiträge zur Geschichte der Husitischen Bewegung. Wien. 1880. Ed. Loserth J., p. 87).

⁶ «Opponebant se illis plures doctores et magistri, quorum corda deus tetigit et presertim nationis Teutonicæ» (Ibid., p. 84).

⁷ F. Šmahel. Leben und Werk des Magisters Hieronymus von Prag. — «Historica». XIII. Praha. 1966, s. 88; Fontes..., t. VIII. V Praze. 1932, p. 285.

часовне на чешском языке и в 1420 г. написал на нем двухтомное «Толкование Апокалипсиса»⁸.

Об успехах в развитии национального языка в Чехии свидетельствует и решение пражского духовенства и магистрата от 28 сентября 1418 г. — 23 статьи, направленные против ученых таборитов, в котором их противники были вынуждены признать и подтвердить проникновение чешского языка в богослужение. В статье 19-й значилось, что «Евангелие и послания должны быть исполняемы пением во время церковной службы на народном языке». В то же время оговаривалось, что остальная часть мессы сохраняется на латинском языке⁹.

Несмотря на всякого рода препятствия, в Праге и других городах, в сельских местностях в богослужении продолжалось вытеснение латыни чешским языком. Немцам-гуситам пражане дали возможность совершать богослужение на немецком языке. Во время преобладания в столице радикальных гуситов во главе с Яном Желивским и в Праге возросла роль родного чешского языка. Обедню служили тогда в церквях на чешском языке. Решительный сторонник применения в богослужении у чехов только родного чешского языка, Желивский считал, что и миряне, а не только священники, могут и должны читать Библию на национальном языке. Он приветствовал также распространение народных духовных песен на чешском языке.

Идейной основой дальнейшего распространения чешского языка являлась первая из четырех пражских статей¹⁰. Авторы исследований о четырех пражских статьях нередко недооценивали значение национальных мотивов в этом важнейшем документе. М. Углирж, например, в специальном труде, посвященном генезису этого интереснейшего и ценнейшего источника, отметила лишь, что в первой статье шла речь о Библии на национальном языке¹¹. Однако должных выводов из этого

⁸ Jakoubek ze Stribra. Vykład na Zjevenie sv. Jana. «Sbirka pramenu ceskeho hnutí nabozenkeho ve století XIV. a XV». I—II, ed. J. V. Šimek. Praha. 1932—33.

⁹ V. Flajshans. Nejstarsi památky jazyka i písemnictví ceskeho. Díl I. V Praze. 1903, s. 3, 80—81, 85, 90. Успехи в развитии и распространении чешского языка отметил Р. Р. Беттс (см. его статью: Jan Hus. History, september 1939. Vol. XXIV. No 94. London, p. 104).

¹⁰ В данной статье мы останавливаемся лишь на национальной стороне четырех пражских статей.

¹¹ M. Uhlirz. Die Genesis der vier Prager Artikel. Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissens. in Wien. Phil.—Hist.—Klasse. Bd. 175, 3 abh-g. Wien, 1914, S. 31.

важнейшего положения гуситов она так и не сделала. Требование перевода Библии на родной язык было важнейшим составным элементом борьбы за национальную церковь и национальную культуру. Современники гуситов, принадлежавшие к антифеодальной оппозиции, с большим удовлетворением писали тогда, что чехи уже имеют Библию на своем родном языке и слушают на нем проповеди и церковную службу¹².

В первой из четырех пражских статей, разработанных общиной Праги в 1420 году и направленных в войска крестоносцев, приводилась ссылка на Евангелие и говорилось, что «никому не должно запрещать говорить в церкви на разных языках». Это положение отвечало требованиям Яна Гуса о применении национальных языков в церкви. Как известно, он считал, что *каждый народ* имеет право пользоваться родным, национальным языком в богослужении¹³.

Следовательно, призыв к свободной проповеди на родном языке содержал в себе, наряду с другими важнейшими мотивами, национальные стремления чехов. Борьба за победу национального языка в богослужении, в теологической литературе отражала процесс дальнейшего развития национального самосознания и была безусловно весьма положительным явлением для того времени.

В ряде важнейших гуситских документов последующих лет сохранилось требование проповедей для верующих на родном чешском языке. В апреле 1427 г. пражане приняли статьи об установлении мира и покоя, то есть о прекращении внутренней вооруженной борьбы в столице, что было направлено непосредственно против гуситского радикализма. В статьях говорилось, что никто не должен препятствовать ни тайно, ни явно тому, чтобы священник во время мессы для простого народа читал писание на родном языке¹⁴. Однако несмотря на значительные успехи в развитии национального чешского языка, латынь у умеренных гуситов продолжала занимать заметное место и сохранилась еще в церковной службе и, тем более, в теологической литературе. Так, магистр Ян Пршибрам, занимавший значительно более умеренные позиции по срав-

¹² Из письма, посланного сектантом в Турнэ в 1420 году: «*Studie a texty k náboženským dejinám českým*». R. III, c. 2—4. Francouzská Hussitica. R. I. Ed. Aug. Neumann. Olomouc. 1923.

¹³ *Mistra Jana Husi sebrane spisy české*, Erben K. I, díl I, s. 313. Послания магистра Иоанна Гуса. Спб., 1903, стр. 63, 69.

¹⁴ А. С., т. III, стр. 263.

нению с Яном Гусом, писал произведения против таборитов, в защиту таинств католической церкви, а также трактаты на латинском языке.

Табориты выступали в этом вопросе значительно последовательнее. Они требовали служить обедню только на чешском языке: «56. Далее, (что) обедня не должна быть прочтена или пропета по-латински или на ином языке, кроме как на языке простого народа»¹⁵. Небезынтересно, что говоря о родном языке, радикальные гуситы подчеркивали, что он является языком массы чешского населения, а не господствующего класса. Логическим завершением вышеуказанного положения являлось требование отмены богослужебных книг, составленных на латыни (статья 57). Табориты требовали, чтобы во время таинства причащения также применялся чешский язык. «54. ...Таинство тела и крови божьей должно освящать звучным голосом и языком простого народа»¹⁶.

Таборитская практика существенно пополняет те немногие сведения источников, в которых шла речь о национальных требованиях чешского крестьянства и плебса городов. Магистр Ян Пршибрам жаловался на то, что табориты «очень хулили школьное и латинское богослужение»¹⁷, что они исказили и испортили «все церковное пение» и «только чешские песни, какие сами сложили, — те хвалят, соблюдают и сохраняют»¹⁸. О том, что табориты отрицали латынь в богослужении, сообщали и Старые чешские летописи¹⁹. Очевидно, в таборитском богослужении введен был чешский язык, полностью вытеснивший у них латынь. Это был важный шаг на пути формирования национальной церкви, да и национальной культуры в целом.

Для таборитов немецкой национальности в общинах вводилось богослужение на немецком языке. Табориты остались верны заветам Яна Гуса и предоставили людям других национальностей возможность и право пользоваться своим родным языком.

В манифесте христианскому миру, написанному в 1431 году, они заявляли в полемике с антигуситами: ошибаются те, которые не хотят, чтобы Священное писание переводили на

¹⁵ Статьи против таборитов. Вариант «С». А. С., III, стр. 218—225.

¹⁶ *Ibid.*, p. 223.

¹⁷ M. Jan Příbram. *Zivot knezi tábořských*. — В кн.: *Ktoz jsu bozi bojovníci*. Praha, 1951, str. 275.

¹⁸ *Ibid.*, str. 277.

¹⁹ *Stari letopisové cessti*, ed. Palacký F. W. Praha, 1829.

язык мирян, то есть на национальные языки. Ссылаясь на времена раннего христианства, радикальные гуситы писали, что в начале истории человечества Писание было на родном языке тех людей, для которых оно предназначалось. «Как же можно теперь не иметь его на немецком, итальянском, чешском и венгерском» языках? — восклицали они²⁰. На латинском языке идеологами таборитов были написаны лишь отдельные произведения. Якубек из Стржибра сообщал, что еретики пикарды написали трактаты на латинском и чешском языках против таинств, признаваемых католической церковью²¹. К такого рода произведениям относится и «Хроника таборитов» Микулаша из Пельгржимова, епископа таборитов, но она была написана уже после гуситских войн²².

* *
*

Исключительное значение гуситское движение имело для уничтожения особых привилегий чужеземцев, особенно немцев в чешских землях, ликвидации их огромных светских и церковных владений, политического влияния при королевском дворе, руководящей роли в жизни многих городов страны. Положительные итоги борьбы гуситов проявились прежде всего в экономике, социальных отношениях, в национальном составе городского населения.

В источниках того времени неоднократно отмечалось засилье немецких элементов в Чехии. На соборе в Констанце Иероним Пражский говорил о немецком засилье в Пражском университете, в магистрате чешской столицы, где в составе его из 18 членов было только два чеха. Руководители собора обвиняли Иеронима и Яна Гуса в том, что под их воздействием в магистрате Праги и в университете большинство получили чехи²³.

В сатирических произведениях Будишинской рукописи прямо указывалось на отрицательные последствия, которые приносило чехам засилье немцев. В «Жалобе чешской коро-

²⁰ Ktoz jsu bozi bojovnici. Praha. 1951, str. 233.

²¹ Jakoubek ze Strižbra. Vyklad..., d. 2, 1933, str. 19.

²² Joannis de Lukavecz et Nicolai de Pelhrzimov Chronicon Taboritarum, ed. Höfler K., Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, 1—3, «Fontes rerum Austriacarum. Scriptorum», I abt. 6 bd., 2 t., Wien, 1865.

²³ Fontes..., t. VIII. V Praze. 1932, p. 312.

ны» было записано, что «немцы способствовали тому, что чехи обеднели, а пришельцы завладели их богатствами»²⁴. В источниках сообщалось о засилье немцев в Яромирже, Кутной Горе, Мосте, Кадане и других городах страны. Привилегированному положению немцев в чешском королевстве противопоставлялось отношение к чехам в Германии. «Когда и где, в какой стране увидите, что немцы возвысили чеха или приняли на свою службу, поставили в совете, посадили в городе»²⁵, — спрашивал автор. Сатиры призывали покончить с засильем немцев в Чехии.

В сатирах излишне сгущены краски и обвинения предъявлены всем немцам²⁶. Оговоримся сразу же, что умеренные гуситы (автор или авторы сатир принадлежали именно к этому направлению гусизма) все же различали немцев — единомышленников гуситов и немцев — сторонников феодально-католического, антигуситского лагеря. Еще более четко это различие проводилось таборитами. В то же время можно полагать, что резкий тон Будишинских сатир объясняется и тем, что они создавались в обстановке крестовых походов против гуситской Чехии, страшных насилий крестоносцев над чешским населением.

Наличие ярко выраженных национальных мотивов в движении гуситов отмечается и в других источниках. В хронике о Яне Жижке сообщалось, что после восстания 30 июля 1419 г. в Праге население столицы особенно решительно выступало против священников, монахов и немцев, изгоняя их из города. Иные сами убегали из него. Хронист сообщал, что в те времена в магистрате постоянно были немцы, как и на других городских должностях²⁷.

О немецком засилье в Праге ко времени гуситских войн писал позднее Эней Сильвий, занимавший в целом враждеб-

²⁴ Husitské sklady Budysinského rukopisu. Praha. 1952, str. 78. (Далее — Husitské sklady).

²⁵ Ibid., str. 77.

²⁶ Ibid., str. 77. О Будишинских сатирах см. статьи: R. Urbanek. Satirická skládání Budysinského rukopisu. M. Vavrinec z Brezové z r. 1420 v rámci ostatní jeho činnosti literární. — Vestník Královské České Společnosti nauk. Trída filosoficko-historicko-filologická. Ročník 1951. Praha. 1953;

А. И. Озолин. Гуситские сочинения Будишинской рукописи как источник для изучения социально-политических требований и тактики буржуазной оппозиции. — «Славянский сборник». М., 1961.

²⁷ «В Праге разгневались против монахов и немцев и изгоняли их, а другие бежали вон сами. Обычно в то время немцы были в совете города и на других должностях» (Kronika velmi pěkná o Janovi Zizkovi celedinu krále Václava, V Praze, 1923, str. 12).

ную позицию в отношении чешского реформационного движения²⁸. В духе его высказываний чешский хронист XVI века отмечал, что «причиной тех волнений (то есть гуситского движения. — А. О.) и всех последующих войн в Чехии были не кто иные, как те же немцы, которые очень усилились в стране»²⁹.

Ликвидация чужеземного засилья была теснейшим образом связана с конфискацией имущества, монастырских и иных церковных богатств в Праге и по всей стране³⁰. Гуситы, особенно табориты, отбирали также владения всех светских магнатов, активных участников феодально-католического лагеря. В городах это вылилось в конфискацию владений патрициата, процесс, который также распространился на всю страну. В Старых чешских летописях сообщалось, что после летнего восстания 1419 г. в Праге горожане разрушили или сожгли много монастырей. В такой обстановке «...каноники, монахи, купцы и многие богатые горожане из-за страха бежали из Праги» и их владения были у них отобраны³¹. Неоднократно упоминаются о бегстве городских богачей, особенно немцев, из столицы в хронике Вавржинца из Бржезовой, в городских книгах о конфискации имущества эмигрантов.

Конфискация владений патрициата, бегство или изгнание его из городов повлекли за собою резкое ослабление немецких элементов в составе городского населения, о чем писали известные буржуазные гуситологи. Ф. Палацкий считал, что из Старой Праги эмигрировало более 700 семей и примерно столько же из Новой, в числе которых были многочисленные богатые немцы³². В. В. Томек писал, что «богачейшие из горожан, главным образом немцы, с женами и детьми покинули город... Некоторые старопражские консулы бежали таким же образом»³³. Б. Мендл полагал, что Ян Желивский

²⁸ Kronyky Dwe Martina Kuthena y Энеассе Sylvia. V Praze. 1585, str. 129.

²⁹ Kronyky o zalozeny zemie Czeske a prwných obyvatelijch gegich. Praha, 1539, str. 93.

³⁰ См. А. И. Озолин. Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении. — «Ученые записки института славяноведения». Т. 28. М., 1964.

³¹ Stari letopisy ceské z rukopisy Krizovnického. Praha, 1959, str. 53.

³² F. Palacký. Geschichte von Böhmen, bd. 3, t. 2, s. 92—93, Prag, 1851.

³³ V. V. Tomek. Dejepis mesta Prahy, díl IV, v Praze, 1879, str. 66.

изгнал из Праги более 1400 семей немецкого патрициата³⁴.

Большие изменения произошли в национальном составе населения и в других королевских городах Чехии. В Кутной Горе, крупнейшем после Праги городе Чехии, известном своей горной промышленностью — добычей серебра, — большинство населения до гуситских войн составляли немцы. Немецкий патрициат управлял городом³⁵ и возглавлял в нем борьбу против гуситов. Однако после поражения крестоносцев в 1420—1421 гг. пражане захватили этот центр в свои руки. Многие богатые горожане перешли в лагерь сторонников Сигизмунда и примкнули к нему³⁶. Владения эмигрантов были розданы сторонникам гусизма. Город стал чешским по основной массе его населения³⁷.

В июне 1428 г. гетманы таборитов и сирот подтвердили прежнее изъятие собственности у горожан эмигрантов, изменников и передачу ее в руки новых владельцев. Вновь указывалось, что эта собственность не будет возвращена беглым горожанам и врагам гусизма³⁸. Несомненно, что значительная часть этих эмигрантов, вероятнее всего даже большая, принадлежала к немецкому патрициату и привилегированному духовенству. В 1433 г. магистрат Кутной Горы вынес решение о возможности принимать чужеземцев в состав горожан. Упоминались и бежавшие кутногорцы, которые могли быть приняты обратно в состав горожан.

Однако осталось в силе прежнее решение, что чужеземцы не могут занимать должностей в городе. В решениях 1434 и 1435 гг. земского правителя Алеши из Ризенбурка признавалось право горожан принимать бежавших из города в числе горожан в порядке исключения³⁹.

В городе Жатце еще до народного восстания чехи начали проникать в магистрат, хотя подавляющее большинство в нем составляли немцы⁴⁰. В 1405 г. из 12 членов магистрата было

³⁴ B. Mendl. Sociální krize a zápsy ve mestech ctrnáctého veku. — С. С. Н. Praha, 1926; его же. Hospodarské a socialní pomery v mestech prazských v l. 1378—1434. — С. С. Н. XII. Praha, 1906.

³⁵ J. Kejr. Právní život v husitské Kutné Hore. V Praze. 1958, str. 15.

³⁶ Fontes..., t. V., p. 481.

³⁷ J. Kejr. Ibid., str. 157.

³⁸ А. С., t. 6, str. 420.

³⁹ J. Kejr. Ibid., str. 152—153.

⁴⁰ Schlesinger. Saaz in der Husitenzeit bis zum Mittheilungen des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen. Prag—Leipzig—Wien. 1888, s. 103.

2 чеха, в 1407 — 3 чеха⁴¹. Влияние гуситских идей в Жатце было весьма значительным, и в годы гуситских войн город стал центром гусизма в Западной Чехии, важным оплотом плебейско-крестьянского лагеря. В это время магистрат стал чешским по его национальному составу. В 1422, 1426 гг. в его составе встречаются также имена немцев, но это были гуситы. Жатец дал таких видных сторонников гусизма, как Иоанн Немец из Жатца, священник Петр Немец и др. В составе магистрата 1438 г. уже не было немецких имен⁴².

В городе Чаславе в догуситское время было немецкое засилье. В ходе событий Часлав добровольно примкнул к гуситской Праге. Немецких консулов горожане заменили чешскими⁴³.

Из всех королевских городов страны только три сохранились за магнатами феодально-католического лагеря. Материальная база старого, прежнего патрициата была разрушена, что привело, естественно, к существенным изменениям в социальной структуре чешского города. Если мы напомним, что городской патрициат являлся в Чехии по своему составу преимущественно немецким, то станет понятным, что и в национальном составе населения городов произошли крупные изменения.

Наряду с ликвидацией засилья немецкого патрициата в городах шел активный процесс их чехизации и за счет притока чехов из сельских местностей. Не случайно З. Винтер утверждал, что после пражского восстания 1419 г. «почти все города сразу стали чешскими»⁴⁴.

Бюргерская оппозиция сыграла существенную положительную роль в ликвидации засилья немецкого патрициата в королевских городах, но важнейшие результаты и в этой области были достигнуты радикальными гуситами. Вожди таборитов нередко прямо призывали чешский народ на борьбу с засильем иностранцев в стране. 26 марта 1423 г. Ян Жижка приглашал гуситов из Малого Табора принять участие в походе на город Немецкий Брод против неверных врагов божьих «домашних и чужеземцев»⁴⁵.

⁴¹ Ibid., s. 104.

⁴² Ibid., s. 105.

⁴³ A. Sedláček. Deje mesta Caslave. V Praze. 1874, str. 71—72.

⁴⁴ Z. Winter. Dejiny remesel a obchodu v Cechach, v XIV. a XV. stol. Praha, 1906, str. 393, 573.

⁴⁵ A. C., d. 3, str. 302.

Для дальнейших судеб чешского города очень большое значение имел вопрос о немецком праве. Как известно, немецкое право нашло широкое распространение в предгуситской Чехии, в частности, в жизни городов⁴⁶. В 12 статьях, предъявленных таборитскими общинами 5 августа 1420 г. пражанам, было выдвинуто требование уничтожить, то есть отменить «право языческое и немецкое», которое, как писали табориты, не согласуется с заповедями божьими. Вместо этого прежнего права будет установлено «божье право»⁴⁷. Под «немецким» правом разумелось, по-видимому, право магдебургское и нюрнбергское, которым пользовались к началу XV века многие чешские и моравские города. Нам думается, что табориты имели в виду те значительные привилегии, которыми обладали немецкие колонисты-переселенцы и их потомки в чешских землях, особенно богатые горожане и дворянство. Требование отмены «немецкого» права носило таким образом ярко выраженный национальный характер. И все же главное в нем — это его социальная направленность. Под «немецким» правом радикальные гуситы разумели тогда обычно феодальное право вообще.

Следовательно, табориты имели в виду ликвидацию феодального права в целом, как немецкого, так и чешского, и выступали также против «языческого», то есть римского права. Установление «божьего» права означало в их понимании решительную демократизацию общественных отношений, уничтожение сословной структуры общества и установление правового равенства всех слоев населения, ликвидацию деления всех людей на господ и подчиненных, на зависимых и панов.

Не следует в то же время недооценивать и национальных мотивов требования об уничтожении старого права. Отменить «немецкое» право в таборитском толковании означало также ликвидировать немецкое засилье в стране вообще. Как очевидно из рассматриваемой статьи, плебейско-крестьянский лагерь был и в данном случае гораздо последовательнее умеренных гуситов и национальные вопросы ставил также острее и радикальнее, чем умеренные гуситы.

⁴⁶ I. Cellačkovský. O vývoji stredovekeveho zřízení radního v městech Pražských. — «Sborník příspěvků k dějinám Hlav. města Prahy». Díl I. Ses. 2. V Praze, 1920; B. Mendl. Tak receně Norimberské právo v Čechách. V Praze, 1938.

⁴⁷ В настоящей статье мы не останавливаемся на социально-политическом значении требования отмены немецкого права. Оно было чрезвычайно многосторонним и весьма далеко идущим.

Иначе сложилась обстановка в Моравии. В городах Моравии в догуситское время засилье немецких элементов в городских учреждениях было весьма велико. Патрициат состоял там в большинстве также из немцев. Особенно остро это проявилось в г. Брно, бывшем тогда центром маркграфства⁴⁸. Однако в Моравии гуситам не удалось добиться преобладания и отнять, хотя бы на время, власть у светских феодалов, прелатов, патрициата. Патрициат сумел удержать ее в своих руках в годы гуситских войн⁴⁹. К сожалению, в литературе о гуситском движении не исследуются изменения, происшедшие в национальных отношениях в Моравии в первой половине XV века. В исследованиях А. Нейманна⁵⁰ приведены интересные сведения о распространении гусизма среди шляхты, панов, седлаков маркграфства. По его мнению, гуситство не получило в городах крепкой опоры. Однако автор не рассматривал такой специфической черты моравских городов, как засилье в них немецкого патрициата. Современные чехословацкие ученые полагают, что в моравских городах национальный вопрос так и не был разрешен в годы гуситских войн⁵¹.

Чешское бюргерство в гуситских городах, то есть почти на всей территории Чехии, предприняло серьезные шаги для упрочения своей победы над патрициатом. Мощный удар по материальной базе последнего закреплял целым рядом решений городских общин право собственности за новыми ее владельцами. Кроме того, предельно ограничивались возможности возвращения патрициев в города, из которых они бежали или были изгнаны.

Прага показала другим городам страны пример того, как нужно справляться с врагами гуситов. Община действовала решительно в отношении сторонников феодально-католического лагеря, что было также связано на первом решающем этапе с большим влиянием в ней радикальных гуситов. 26 июля 1420 г. она конфисковала имущество горожан, бежавших из столицы во время вторжения крестоносцев⁵², то есть тех,

⁴⁸ I. Mezník. Brněnský patriciát a boje o vládu města ve 14. a 15. století. — «Brno v minulosti a dnes». IV. Brno, 1962, str. 291.

⁴⁹ Vyběr rozprav a studií Václava Vojtiska. Praha, 1953, str. 444.

⁵⁰ A. Neumann. K dějinám husitství na Moravě. V Olomouci. 1939; str. 55.

⁵¹ I. Mezník. Ibid., str. 259.

⁵² A. C., d. III. V Praze, 1846, str. 356.

кто в труднейший для страны момент оказался по существу изменником и перешел на сторону врагов гусизма или побоялся борьбы с магнатами и прелатами. Специальным решением от 30 января 1421 г. община прекратила выплату долгов с имущества эмигрантов⁵³. К тому времени конфискации подверглись 160 имений, замков, деревень в окрестностях Праги, множество виноградников и незастроенных земель в столице. В решении от 13 марта 1421 г. пражане объявили о продаже конфискованной собственности горожан-эмигрантов и церкви⁵⁴. Были конфискованы в то время также 182 дома врагов гуситов в Праге. Такого рода процесс шел и в других королевских городах страны.

Социально-экономические противоречия в городах по-прежнему переплетались с национальными. Совершенно отчетливо они прослеживаются и в решениях пражской общины, связанных с конфискацией владений патрициата столицы. Стремясь закрепить за собою захваченные богатства и не допустить возвращения беглых патрициев и иных врагов гусизма, пражане постановили 5 апреля 1421 г., что ни один немец не может наследовать имущество и быть его постоянным владельцем в Праге. Исключением являлись те немцы, которые вместе с чешскими гуситами боролись и продолжают бороться против феодально-католического лагеря: «Кроме тех немцев, которые до настоящего времени постоянно находятся с нами в правдах божьих», то есть в гуситском учении и лагере гуситов. Немцы, родившиеся в Праге, могут жить в ней на основе гостинного права и обычая⁵⁵. Там же значилось, что ни один горожанин, бежавший из столицы вопреки своей прежней присяги верности общине, никогда не будет принят ею обратно. Все права теряют и их потомки, так как беглецы рассматривались как бесчестные изменники⁵⁶. И в данном случае имелись в виду не только горожане чешского происхождения, но и немецкие жители.

Ликвидация засилья немецкого патрициата в Праге осуществлялась как в период полного господства в ней бюргерской оппозиции, так, и особенно энергично, во время преобладания в руководстве города радикальных гуситов во главе с Яном Желивским. Положительному решению этого чрезвы-

⁵³ A. C., d. 4. V Praze, 1846, str. 382.

⁵⁴ Основные данные об этом см. в 26, 28 томах Чешского Архива: Archiv Cesky, d. 26, Praha, 1909 d. 28, Praha, 1912.

⁵⁵ A. C., t. 4, str. 382.

⁵⁶ Ibid., str. 383.

чайно важного для Чехии вопроса весьма способствовало пребывание в столице во время осады ее крестоносцами войск таборитского лагеря, влияние таборитской идеологии, деятельность самого пражского плебса. Однако нельзя не видеть, что и бюргерская оппозиция сыграла объективно в этом процессе положительную роль, хотя она имела в виду прежде всего свои корыстные цели.

С большой силой национальные мотивы прозвучали при обсуждении кандидатуры Сигизмунда в качестве претендента на чешскую корону. Сигизмунд, младший брат умершего чешского короля Вацлава IV, являлся тогда императором Германии, королем Венгрии. Чехам он был известен как организатор варварской расправы с Яном Гусом и Иеронимом Пражским, как убежденный сторонник Римской курии и враг гуситского движения. Спор вокруг его кандидатуры на чешский трон был теснейшим образом связан с задачей ликвидации чужеземного засилья в чешских землях. Ведь Сигизмунд принадлежал к династии немецких князей Люксембургов, органически связанных с Германией, при которой чешские земли были в той или иной мере связаны с Германией. Национально-освободительная и антифеодалная направленность гуситского движения были глубоко чужды и враждебны немецким князьям и прелатам, да и патрициату городов. Они стремились любыми средствами не допустить упрочения Чехии как суверенного, крепкого национального государства. Его предшественники — Иоганн Люксембург, Карл I — покровительствовали немецким элементам и многое сделали для упрочения их влияния и роста их богатства в Чехии.

В 1419 г., после смерти Вацлава IV, магнаты, умеренные гуситы вели переговоры с Сигизмундом по поводу его притязаний на чешскую корону. Уже тогда в пожеланиях, предъявленных бюргерской оппозицией, нашли отражение и национальные требования. В них прямо говорилось о том, чтобы впредь не запрещалось читать в церкви Писание на родном языке или петь на нем духовные песни. Однако указанное выше требование было сформулировано в весьма умеренном тоне. О латыни и ее месте в богослужении не упоминалось, но молчаливо признавалось (что подтверждает и практика пражан в те годы), что она сохранится и в дальнейшем, но уже наряду с национальным чешским языком.

Важнейшая претензия заключалась в том, чтобы Сигизмунд согласился предоставить *только чехам* право занимать

государственные должности и получать с них доходы, «чтобы чужеземцы светские и духовные не были допущены ни к каким должностям или званиям — достоинствам или государственным оброкам или доходам»⁵⁷. Указывалось далее на необходимость применения *только национального* чешского языка в суде: «Чтобы впредь суды и жалобы в них писались и велись только на чешском языке». В требованиях специально оговаривались права городов, что свидетельствует о весьма большом их удельном весе в гуситском движении, в политической жизни страны: «Особенно, чтобы в городах Немцы не были назначаемы на должности, которые могли бы и умели вести Чехи». В итоге подчеркивалось, чтобы впредь «...чехи повсюду в королевстве и в городах имели первый голос». Само содержание требований говорит о том, что умеренные гуситы вовсе не имели в виду полную ликвидацию возможности для чужеземцев занимать государственные и городские должности. Речь шла о *главном направлении*: чехи должны были в своей стране занимать первое место.

Умеренность рассматриваемого документа объясняется, с одной стороны, тем, что он был представлен от имени всех сословий, то есть трех сословий, которые сложились еще прежде в феодальной Чехии. Плебейско-крестьянские интересы здесь не имелись в виду. Значительное место занимали требования магнатов, часть из которых, в силу различных обстоятельств, примкнула на время к умеренным гуситам, принимала еще участие в работе сеймов, в политической жизни столицы и страны в целом. С другой стороны, эта умеренность была свойственна бюргерству и дворянству как специфической социальной категории населения, в чем проявилась их классовая ограниченность. Дворяне и бюргеры, как и магнаты, имели в виду, главным образом, свои корыстные интересы, стремились занять важнейшие позиции в государственной жизни страны. Отметим, что при всей ограниченности их требований к Сигизмунду объективно в них заключалась идея упрочения и полного оформления централизованного национального государства, отражавшая, хотя и неполностью, национальные чаяния всего чешского народа.

Вопрос о кандидатуре Сигизмунда на чешский престол стал рассматриваться иначе после того, как папа Мартин V провозгласил 1 марта 1420 г. крестовый поход против гусит-

⁵⁷ А. С., т. III, стр. 207.

ской Чехии и Сигизмунд во главе полчищ крестоносцев вторгся в чешские земли и попытался, хотя и неудачно, огнем и мечом подавить движение гуситов.

Господствующий феодальный класс Германии никак не желал примириться с независимостью чешского королевства. Для феодалов Германии крестовые походы в гуситскую Чехию являлись продолжением их давней тактики — осуществления Дранг нах Остен, о чем красноречиво свидетельствуют решения имперских рейхстагов 20—30 годов XV в., материалы церковных синодов, переписка Сигизмунда, хроники немецких городов.

Так, в письме Сигизмунда от 30 декабря 1420 г. имперским городам по поводу предстоящего рейхстага в Нюрнберге указывалось, что земля чешской короны — это составная часть империи⁵⁸. В связи со съездом князей империи в Везеле шесть курфюрстов в обращении от 19 июня 1422 г. сообщали о дальнейшем распространении гуситской ереси в Чехии и вновь подчеркивали, что победа гуситов в чешских землях повлечет за собою потерю над ними власти империи⁵⁹. Не случайно в адрес Римской курии и Сигизмунда не только радикальными, но и умеренными гуситами были высказаны самые резкие критические замечания. Они неизменно присутствуют в гуситских воззваниях-манифестах, в сатирах.

В манифесте от начала апреля 1420 г. умеренные гуситы указывали, что Римская курия организовала против чехов «...повсюду...прирожденных наших врагов — немцев, которые притесняют чешский язык» (имелось в виду население, говорящее на чешском языке. — А. О.) и вне Чехии «по Рейну, Мишне (Мейссен), Пруссии, где его изгнали». Авторы манифеста жаловались, что немцы «так же думают и с нами сделать»⁶⁰. Речь шла о той националистической, античешской пропаганде, которая развертывалась прелатами и Сигизмундом, светскими магнатами Германии, Венгрии против гуситов.

⁵⁸ «Sintdemmal solche sachen die gegenn cristenheyt anruret und auch das heilige riche und wirdig die crone zu Behem die eyn merklich und wirdig glid des heiligen richs ist...» (Deutsche Reichstagakten unter kaiser Sigmund. 2 abt. 1421—1426. Herausgeg. von D. Kerler. Gotha, 1883, t. 8, s. 7).

⁵⁹ Князья, рыцари, города Германии должны бороться за истинное христианство и за то, «...das gepante land zu Behem dem heiligen riche mit enezogen und empfremdet werde...» (Ibid., s. 126).

⁶⁰ А. С., d. 3, str. 210.

Гуситский манифест от 20 апреля 1420 г. был направлен прежде всего против Сигизмунда⁶¹ как организатора крестового похода против Чехии, покушавшегося на государственную и национальную независимость страны. Отвергая кандидатуру Сигизмунда в качестве чешского короля, умеренные гуситы прямо называли его жесточайшим врагом «королевства и языка чешского».

Это важнейшее обвинение мы встретим и в других гуситских источниках того времени, например, в манифесте от 10 июля 1420 г.⁶², а также в сочинениях Будишинской рукописи. Последние содержали много критических замечаний в адрес Сигизмунда. В «Жалобе чешской короны» указывалось, что он хочет искоренить чешское племя, то есть чешский народ. В «Упреке чешской короны» его обвиняли в том, что он организовал кровавый крестовый поход против гуситов⁶³, а также в том, что он захватил чешскую корону несправедливо, не принеся присягу сословиям, что делалось обычно на сейме. Новый король Чехии должен присягнуть в том, что он не будет отчуждать чешских владений — замков и городов, отдавать их чужеземцам⁶⁴.

В ряде других уцелевших источников прямо говорится, что император добивается того, чтобы «в Чешской земле не было ни одного Чеха». В то же время он дает иностранцам всякого рода обещания, «покровительствует немцам и венграм, самым жестоким притеснителям и врагам нашего языка» (то есть населения, говорящего на чешском языке. — А. О.)⁶⁵. Немецкий хронист Э. Виндек привел в своем сочинении текст письма горожан Кадана, в котором жители этого чешского города также обвиняли Сигизмунда в том, что он стремится уничтожить чехов, творит насилия в чешских землях, старается усилить в них влияние чужеземцев⁶⁶.

Указанные выше обвинения и требования бюргерской оппозиции, в значительной мере отвечавшие и стремлениям оппозиции плебейско-крестьянской, наиболее полно были вы-

⁶¹ Ibid., str. 212—213.

⁶² F. M. Bartos. Manifesty mesta Prahy z doby husitské. — Sbornik prispevku k dejinám Hlavního mesta Prahy, díl VII, v Praze, 1933.

⁶³ Husitské skladby... str. 38, 47, 63.

⁶⁴ Husitské skladby... str. 39.

⁶⁵ А. С., t. 3, стр. 217—218. См. также «Гуситскую хронику», стр. 161.

⁶⁶ E. Windeckes. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds, ed. Altman W., Berlin, 1893. Текст письма приведен на стр. 136—138. Копия его сохранилась в архиве Нюрнберга.

ражены к концу первого периода гуситских войн на Чаславском сейме в июне 1421 года⁶⁷. Императора обвиняли в том, что он явился инициатором и организатором крестовых походов против чехов и поднял против них окрестные страны, привел в Чехию полчища крестоносцев со всей католической Европы. Он ограбил страну, увез из нее чешскую корону и другие драгоценности казны, святыни из монастырей и церквей. Как отмечалось в Старых чешских летописях, за полгода он роздал солдатам и чужеземцам то, что король Вацлав IV накопил за многие годы⁶⁸. Участники сейма потребовали от Сигизмунда прекращения крестовых походов в чешские земли и гонений против чехов. Его обязывали вернуть в состав владений чешской короны земли, которые он отдал чужеземцам без согласия сословий, корону, земские доски, увезенные из Чехии (государственные книги, в которые записывались важнейшие решения, акты. — А. О.).

Следовательно, в претензиях гуситской оппозиции, в ее требованиях к Сигизмунду совершенно четко была выражена идея территориальной, государственной целостности страны, что бесспорно отвечало национальным интересам чешского государства. Протест чешского народа против крестовых походов отражал не только антицерковные, но и национальные его стремления. Национальные требования гуситов, как это показывают материалы Чаславского сейма и другие вышеназванные источники, объективно отражали чаяния не только дворянства и бюргерства, но и плебса городов и массы крестьянства.

1 марта 1420 г. папа Мартин V провозгласил крестовый поход против гуситской Чехии⁶⁹. Важнейшей задачей для всех гуситов Чехии становилась защита отечества, сохранение ее независимости. Эта была принципиально новая задача, придавшая всему движению гуситов специфическую окраску. Именно поэтому национальные мотивы в те годы, особенно в 1420—1421 гг., приобрели важнейшее значение, гораздо большее, чем на всем протяжении гуситских войн. Необходимость защиты родины способствовала на первом этапе движения

⁶⁷ А. С., т. 3, стр. 230—231.

⁶⁸ Stari letopisy..., 1959, стр. 63.

⁶⁹ Текст буллы опубликован Ф. Палацким в Urkundliche Beiträge, Bd. 1,

консолидации различных социальных группировок. Наряду с идеей секуляризации богатств церкви, задача борьбы за национальную независимость привела к временному объединению радикальных и умеренных гуситов и в начале движения привлекла в число последних даже отдельных крупных феодалов.

Не следует, однако, забывать, что подлинной основой гуситской идеологии оставалось по-прежнему её антифеодалное содержание. Оно было определяющим и в расстановке социальных сил. Когда в ходе событий переплетались и сталкивались между собою экономические, политические, социальные, религиозные и национальные мотивы, то главную роль обычно играли мотивы социальные, экономические. В критические моменты они оттесняли национальные требования и желания.

В начале апреля 1420 г. умеренные гуситы опубликовали первый манифест, в заключительной части которого содержался горячий призыв ко всему чешскому народу встать единодушно на защиту своей Родины⁷⁰. Полчища крестоносцев вторглись тогда в чешские земли, сжигали сотни мирных чешских селений, разрушали и опустошали, подвергали беспощадному ограблению чешские города. По призыву пражан на помощь Праге из Тора и других районов страны направились тысячи вооруженных крестьян и плебеев для борьбы с крестоносцами. Последовательно революционная тактика таборитов сыграла существенную роль в переходе умеренных гуситов к активной борьбе с феодально-католическим лагерем. Она наталкивала их на более решительные действия против врагов гуситов.

10 июля 1420 г. в совместном обращении к венецианцам умеренные и радикальные гуситы поясняли, что они борются за независимость своей страны, и призывали к беззаветной борьбе с крестоносцами весь чешский народ. «Все люди благородного образа мыслей искони любили свою Родину, — писали они, — и в почетной борьбе отдадут за Родину, как за самое дорогое, свое достояние, свою жизнь и кровь»⁷¹.

Ссылаясь на лучшие страницы древней истории чехов, гуситы прославляли тех чешских патриотов, которые еще в далекие времена с честью защищали свою родину. Их имена долгие годы сохраняются в памяти потомков. «И, наоборот,

⁷⁰ А. С., д. III, стр. 212—213.

⁷¹ F. M. Bartos. Manifesty..., приложение II.

те, кто отечеством пренебрегают», гибнут бесславно и имена их умирают вместе с ними. В заключительной части манифеста вновь подтверждалось стремление гуситов к независимости страны, чтобы «королевство Чехия сохранялось в прежней, древней и своей прирожденной славе».

Высокие патриотические чувства пронизывают и произведения Будишинской рукописи. В «Жалобе чешской короны» содержался пламенный призыв к единству, объединению против Сигизмунда, крестоносцев. «Поэтому, честные Чехи, встаньте все против него, своего явного погубителя, изгоните его из этой страны, (и) это злостное немецкое племя...»⁷². Патриотические идеи — идея защиты Родины прежде всего — со всей очевидностью выступают и в некоторых других гуситских источниках этих трудных и героических лет, в том числе и в письмах Яна Жижки к чешскому населению. В одном из них, обращенном к общине города Домажлицы⁷³, напоминалось о том зле, которое принес с собою постоянный натиск немцев на чехов и как чехи еще в давние времена мужественно боролись «за божью и за свою правду». Жижка писал об успешной борьбе чешского народа в первом столкновении с крестоносцами, призывал всех от мала до велика подняться «не только против отечественных врагов, но и против чужеземцев».

Все гуситы, как умеренного, так и радикального направлений, с оружием в руках выступили против полчищ крестоносцев, с которыми объединились и чешские магнаты, прелаты, патрициат городов, все враги гусизма. Для руководства обороной Праги и страны в целом были избраны 12 гетманов — по 4 человека от Старой и Новой Праги и 4 от всех остальных гуситских общин, от таборитов, пришедших на помощь столице. Общее военное руководство было доверено Яну Жижке.

Следовательно, умеренные гуситы в критический для родины момент отказались на время от мирной тактики и насилие ответили насилием, что было тогда полностью оправдано ходом событий. Напомним, что идеологи раннего гусизма современники Яна Гуса и сам Ян Гус писали о войнах «справедливых» и «несправедливых» и к «справедливым»

⁷² Husitské skladby..., str. 74.

⁷³ Vybór z literatury české, ed. K. I. Erben, d. 2, v Praze, 1857/1868, str. 280.

войнам относили как раз войны оборонительные, в защиту своего отечества⁷⁴. Идеологи умеренных гуситов Ян Пршибрам, Христиан из Прахатиц признавали, хотя и с оговорками, право народа на ведение вооруженной борьбы, войны в защиту закона божьего, как говорили тогда⁷⁵.

В процессе борьбы с крестоносцами и феодальной реакцией внутри страны гуситское бюргерство и дворянство, так же как и Табор, создали свои вооруженные силы. Дворянский патриотизм, патриотизм бюргерства сыграл тогда также весьма положительную роль. В ходе борьбы с крестоносцами чужеземным войскам был нанесен жестокий удар.

Однако первое и весьма тяжелое поражение крестоносцев еще не привело феодально-католический лагерь к отказу от насильственных методов борьбы с гусизмом. В последующие годы были осуществлены новые крестовые походы в гуситскую Чехию. Борьба за независимость родины оставалась по-прежнему жизненно необходимой. Гуситы всех направлений и оттенков, радикальные и умеренные, по-прежнему с оружием в руках боролись за свободу и целостность своей страны.

В конце августа 1421 г. крестоносцы-немцы из Мейссена вновь вторглись в чешские земли, жгли села и города, убивали мужчин и женщин⁷⁶. По просьбе пражан на помощь им пришли войска таборитов во главе с Жижкой. 2 января 1422 г. Жижка разбил войска Сигизмунда у Кутной Горы. Непосредственное участие и в этой битве приняли как войска таборитов, так и отряды умеренных гуситов. Узнав о подготовке нового крестового похода в июне 1422 г., Зигмунд Корибут, ставший тогда правителем Чехии, собрал людей со всех концов страны для отпора врагам. Новые вторжения крестоносцев и в последующие годы закончились их поражением.

Несмотря на растущие противоречия в самом лагере гуситов между бюргерской и плебейско-крестьянской оппозицией, во время всякого рода переговоров между ними, каждый раз подтверждалось, что защита отечества — дело общее, в котором должны принимать активное участие все гуситы. В итоге Ждицких переговоров 1424 г. было записано,

⁷⁴ V. V. Tomek. Ibid., d. 4, str. 67.

⁷⁵ О самой дискуссии см. из новейших работ: F. Seibt. Husitica. Zur Struktur einer Revolution. — Beihefte zum Archiv für Kulturgeschichte. Heft 8. Köln—Graz. 1965.

⁷⁶ V. V. Tomek. Ibid., s. 203.

что, если чужеземцы или кто-либо другой (имелись в виду также внутренние враги) нарушат мир, все участники переговоров, то есть оба направления гуситов, и все добровольцы любого лагеря могут привлекаться для борьбы с ними⁷⁷. Внутренние раздоры в такое суровое время должны отойти на задний план. В 1427 году феодальным войскам был нанесен жестокий удар в битве при Тахове. И в этих сражениях, несмотря на многие внутренние противоречия и расхождения, участвовали как табориты, так и умеренные гуситы.

Войска таборитов и умеренных гуситов в свою очередь совместными силами предприняли походы в соседние страны, главным образом в Германию, имея целью поднять и там антифеодальные силы на борьбу с католической церковью, засильем Римской курии, против светских магнатов и патрициата имперских городов.

На последнем этапе гуситских войн наиболее крупным событием в борьбе за независимость Чехии явилось столкновение с крестоносцами в 1431 году.

1 августа 1431 г. огромное крестоносное войско перешло западную чешскую границу. С севера вторглись другие орды чужеземцев. Альбрехт Австрийский вторгся тогда в Моравию.

Магистр Вавржинец из Бржезовей, умеренный гусит по своим убеждениям, написал в то время «Песню о битве при Домажлицах», являвшуюся вершиной патриотизма умеренных гуситов, их своеобразной лебединой песней⁷⁸. Он отметил, что крестоносцы бежали тогда из Чехии в страшной панике. Они побросали пушки, возы с оружием и продовольствием, с награбленным имуществом, свой лагерь, одежду⁷⁹. Какой позор для врагов? Сломлена их гордость, — с воодушевлением восклицал Вавржинец. «Для война было бы честнее, почетнее умереть, чем бежать», — заключал он. Многие крестоносцы — паны, князья, епископы, графы и др. — перебиты или захвачены в плен чешскими крестьянами. *Холопы* побили врагов и выгнали их из Чехии, писал хронист⁸⁰. Весьма важно, что Вавржинец, несмотря на то, что он принадлежал к умеренным гуситам, в данном случае был вынужден прославлять именно крестьян, основную массу войска и лагеря таборитов. Против крестоносцев собрался бед-

⁷⁷ А. С., d. 3, str. 250.

⁷⁸ Písen o vítězství u Domazlie od Vavřince z Brezové. Praha. 1951.

⁷⁹ Ibid., str. 49.

⁸⁰ Ibid., str. 75, 85, 87.

ный крестьянский люд, писал он⁸¹. Побили чужеземцев — насильников те самые чешские холопы крестьянского корня (то есть происхождения. — А. О.), которые стояли у власти в лагере таборитов, над чем так потешался император Сигизмунд⁸². Вавржинец, указывая, что гуситы победили своих врагов с божьей помощью⁸³, то есть подчеркивал, что бог стоит на стороне гуситов, а не официальной католической партии. Он призывал Бога: «О царь небесный! Взгляни милостиво на свой чешский народ. Защити и сохрани его!»⁸⁴ и с гордостью восклицал: «Ныне, ты прославился перед господом, мой чешский народ...»⁸⁵.

* * *

После битвы у Домажлиц и позорного бегства крестоносцев из Чехии римская курия и Сигизмунд, феодально-католический лагерь в целом были вынуждены согласиться на присутствие гуситов в Базеле и публичное заслушивание их выступлений в защиту четырех пражских статей на соборе. К этому времени в лагере гуситов произошли крупнейшие изменения (1431 год). Умеренное крыло их — бюргерская оппозиция — в ходе событий настолько эволюционировало вправо, что было готово к соглашению с врагами на выгодных для нее условиях. Ее совершенно не устраивали, особенно на данном этапе, далеко идущие планы таборитов и их революционная тактика. Был исчерпан и патриотизм бюргерской оппозиции. Эта ограниченность дворянского патриотизма и патриотизма бюргеров нашла свое выражение в предательстве умеренных гуситов при Липанах, где они, вместе с феодально-католическим лагерем, нанесли тяжелое поражение своим недавним соратникам (30 мая 1434 г.). Бюргерская оппозиция пошла на сделку с Сигизмундом. Социально-экономические и политические ее интересы оказались выше интересов национальных.

Для гуситской бюргерской оппозиции главное заключалось теперь в том, чтобы закрепить за собой путем компромисса с папской курией и императором все то, чего она смогла достичь прежде в ходе гуситских войн, то есть захваченные ею богатства церкви и патрициата, резко возросшее

⁸¹ Ibid., str. 81, 83, 85.

⁸² Ibid., str. 91.

⁸³ Ibid., str. 69.

⁸⁴ Ibid., str. 131, 133.

⁸⁵ Ibid., str. 131.

политическое влияние, господствующие позиции в городах страны и соответствующее место в сейме при решении государственных вопросов, изменения в области религиозных отношений. Эти ее стремления и нашли отражение в пражских компактатах.

После выступлений гуситов в Базеле и ответных речей представителей официальной церкви, в Прагу было послано от имени и по поручению собора посольство для ведения переговоров с гуситами. В 1433 г. на Святомартинском сейме в Чехии были приняты первые компактаты, в основу которых легли четыре пражские статьи. Компактаты были записаны на латинском и чешском языках⁸⁶. Табориты решительно не согласились с ними. В записях сейма говорилось о верности четырем пражским статьям. Как мы уже отмечали выше, национальные требования были наиболее полно выражены в первой статье. В первом тексте компактатов статья о свободной проповеди христианского учения стояла на третьем месте в следующей формулировке: «Чтобы слово божье верными божьими священниками и дьяконами свободно и правильно проповедовалось»⁸⁷. Однако там ничего не было сказано прямо о проповеди на родном чешском языке. В выступлениях членов посольства Базельского собора по поводу компактатов — Филиберта, епископа Констанцкого и других — также нет ни единого слова о проповеди христианского учения на чешском языке⁸⁸. В отличие от источников более раннего времени, в компактатах не говорится также о применении чешского языка в суде, в государственном аппарате, тем более в светской литературе. Умеренные гуситы постарались обеспечить свои экономические интересы и молчаливо отказались от требования широкого применения национального чешского языка.

Как же обстояло дело с национальными требованиями умеренных гуситов при урегулировании их отношений с представителями светской власти? Нашли ли они свое отражение в итоге переговоров с Сигизмундом об условиях его признания государем Чешского королевства? Во время переговоров с представителями Сигизмунда и с ним самим умеренные гуситы выдвинули ряд требований, касавшихся и национальных интересов бюргеров и дворян-гуситов. Так, еще на сейме

⁸⁶ А. С., *dil.* 3. На страницах 398—405 приведен текст компактатов.

⁸⁷ *Ibid.*, str. 413.

⁸⁸ *Ibid.*, str. 409—410.

23 мая 1429 г. в Праге гуситы записали, что, если Альбрехт Австрийский хочет также перемирия с ними, то он должен признать, что чужеземец не может занимать государственные должности в Моравии. Управление Моравией король должен поручить какому-либо пану или князю чеху или моравянину⁸⁹. В марте 1435 года, то есть уже после поражения таборитов при Липанах и открытого предательства дворянства и бюргерства, паны и бюргеры записали ряд своих требований от имени чешских сословий. В них довольно последовательно панами проводился курс на почти полное вытеснение чужеземцев, главным образом немцев, из государственного аппарата управления. Речь шла прежде всего о важнейшем государственном органе, игравшем большую роль в политической и экономической жизни страны — о королевском совете. В документе было записано: «Третье, ни один Чех или Моравянин, и ни какой-либо чужеземец, не принимающий тела и крови под обоими видами, не должен быть в совете государя императора или в земском суде»⁹⁰. Следовательно, только гуситы должны были входить в состав важнейших государственных органов, в том числе и гуситы не чешской национальности. Специальная статья гласила, что в случае отсутствия короля заменять его в управлении страной *мог только чех и гусит*: «...если бы император (речь шла о Сигизмунде, который являлся тогда императором Германии, отсюда и употребление этого титула, хотя имелась в виду королевская чешская корона. — А. О.) выехал из страны, чтобы землю не поручал чужеземцу, а единственно только Чеху, который находится с нами в нашем споре»⁹¹ и причащается под обоими видами, то есть, если он гусит. Практически это отражало интересы магнатов, так как эта должность занималась всегда лишь светскими или церковными магнатами. В годы до народного восстания ближайшим помощником и заместителем короля во время его выездов из страны был пражский архиепископ, обычно чужеземец. Несмотря на большую ограниченность указанного требования, представлявшего прежде всего классовые интересы магнатов, нельзя не видеть, что объективно оно имело положительное значение для страны в целом, ограничивая влияние иностранцев.

В письме магистра Прокопа Пльзенского чехам в декабре

⁸⁹ А. С., t. VI, s. 421—422.

⁹⁰ А. С., d. 3, str. 419.

⁹¹ А. С., d. 3, str. 420.

1435 г. указывалось на две главные причины, из-за которых, по его мнению, шла война с Сигизмундом. «...Первая, чтобы мы были свободны как государство»⁹². В то же время чешские магнаты и масса дворянства стремились не допустить немцев и иных иностранцев к богатствам своей страны. Они хотели полностью удержать в своих руках все, что имели прежде и что смогли захватить благодаря активной борьбе народа, таборитов против феодально-католического лагеря и, особенно, против католической церкви, то есть церковные богатства и владения патрициата городов. Поэтому в отдельной статье было прямо сказано, что немцы и чужеземцы вообще не должны быть держателями замков и поместий или являться государственными чиновниками: «Ни один Немец или иной чужеземец не должен быть служащим, не должен занимать государственной должности или быть держателем какого-либо замка или владения»⁹³. Имелись в виду поместья и замки короны и иные, которые прежде нередко держались магнатами и другими дворянами на правах лена. Совершенно очевидно здесь выражено стремление подорвать материальную базу чужеземцев, что сделало бы невозможным в дальнейшем сохранение за ними различных привилегий в чешских землях.

О национальном языке и его применении паны в своих требованиях королю ничего не писали, в чем и сказалась эгоистическая, классовая позиция крупных феодалов. Именно они меньше всего могли выражать и представлять общенациональные интересы чехов.

Одна из статей относилась к вопросу о территориальной целостности и единстве земель чешской короны. Паны, так же как и горожане, ставили вопрос о том, что Моравия должна быть полностью объединена с Чехией⁹⁴. Однако и здесь одно и то же требование имело различную направленность у панов и у горожан. Чешским магнатам это упрочение территориального единства нужно было главным образом для того, чтобы увеличить свои богатства и упрочить политическое влияние, занять в Моравии важные должности и получить в лен от короны возможно больше держаний — замков, городов, поместий. Для чешских городов, для бюргерства осуществление указанного их требования означало бы воз-

⁹² A. C., t. 3, str. 439.

⁹³ Ibid., str. 419.

⁹⁴ Ibid., str. 420.

можности расширения торговли и иных экономических связей с Моравией и, вместе с тем, рост их экономического и политического влияния в моравских городах. Чешское бюргерство было непрочь подчинить себе моравские крупные города, поставить их от себя в зависимость. В целом же, положение о том, что Моравия должна быть полностью объединена с Чехией, объективно было направлено против весьма еще сильной тенденции сепаратизма, что ярко проявилось во время феодального мятежа магнатов в конце XIV — начале XV вв., да и позднее в годы гуситских войн.

Требования горожан к Сигизмунду отражали специфические интересы городов. Чешское бюргерство, вытеснившее патрициат из королевских городов благодаря героической борьбе плебса и крестьянства, стремилось присвоить себе и в этой области все положительные результаты народного движения. Оно старалось закрепить за собою политическое господство в городах удержать в своих руках управление городами. «Ни один Немец, — читаем мы в этих требованиях, — не принимавший тела и крови божьей (то есть не гусит. — А. О.), да не будет консулом или должностным лицом»⁹⁵. Стало быть, у горожан, как и у панов, допускалось исключение для немцев и чужеземцев вообще в том случае, если они сами принадлежали к гуситам. Эти оговорки небезынтересны. Они свидетельствуют против реакционной историографии, оценивавшей прежде, да и в наши дни, гуситское движение как борьбу всех чехов против всех немцев. Даже умеренные гуситы по-разному относились к немцам, чужеземцам-гуситам и негуситам.

Национальные требования и у горожан нередко переплетались с требованиями экономическими. В специальной статье они настаивали на том, чтобы в города не принимались обратно все те жители, которые сами ушли или бежали из них, или были изгнаны, даже в том случае, если они соглашались причащаться под двумя видами, то есть принять одно из прежних гуситских требований, вошедших в пражские компактаты. Этим эмигрантам не следовало и возвращать их владения, за исключением тех случаев, когда сама община примет положительное решение в отношении кого-либо из них⁹⁶. Чешское бюргерство заботилось в данном случае прежде всего о себе. Именно в его руки попала значительная часть богатств бе-

⁹⁵ A. C., d. 3, str. 420.

⁹⁶ Ibid.

жавшего и изгнанного патрициата⁹⁷. Оно не желало расставаться с ним и стремилось во что бы то ни стало получить от будущего государя прочную гарантию на удержание этих владений в своей собственности. С точки зрения объективных результатов и это требование мы можем оценить положительно. Осуществление данной статьи пожеланий Сигизмунду означало бы невозможность восстановления экономического и политического могущества прежнего патрициата и являлось существенным положительным итогом в борьбе различных социальных групп городского населения, хотя и не тем оптимальным, к которому стремилась городская беднота. Если же мы вспомним, что городской патрициат в чешских королевских городах в предгуситское время был в значительной, а зачастую, в преобладающей мере немецким по своему национальному составу, то станет очевидным, что выполнение такого рода требования привело бы к упрочению в городах национальных чешских элементов, означало их чехизацию, то есть имело бы весьма положительное значение в развитии национального чешского государства в целом.

Сигизмунд стремился во что бы то ни стало получить чешскую корону и готов был с этой целью дать любые обещания. В ответ на требования чешских сословий не допускать иностранцев на государственные и иные должности он взял обязательство не раздавать церковные должности и звания *только чужеземцам*, но все же оговорился, что окончательное право назначения в этих случаях он сохраняет за короной⁹⁸. В отдельной статье пояснялось, что пражский архиепископ, епископы страны, суффраганы «чтобы были избираемы чешскими панями, шляхтичами, Прагой и иными городами»⁹⁹. Таким образом, казалось, что внешне все обстоит благополучно и требования сословий как будто принимались. В отдельном обязательстве пражанам, принятом Сигизмундом в 1435 г. в Брно, подтверждалось их требование об управлении городом. Пункт 7-й гласил: «Ни один чужеземец, который не хотел бы причащаться под двумя видами, чтобы не был в городе коншелом, присяжным или должностным лицом»¹⁰⁰. Следовательно, в городах у власти должны были находиться только гуситы. В

⁹⁷ Более подробно сказано об этом в статье А. И. Озолина «Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении». — «УЗИС», т. 28, М., 1964.

⁹⁸ А. С., d. 3, str. 428.

⁹⁹ Ibid., str. 429.

¹⁰⁰ Ibid., str. 433.

целях восстановления и повышения авторитета Пражского университета ему было обещано вернуть имущество коллегий. Магистрам университета и иным причащающимся под двумя видами чужеземцам, покинувшим прежде столицу, теперь решено было вернуться в Прагу¹⁰¹.

В процессе дальнейших переговоров 20 июля 1436 г. Сигизмунд подписал в Йиглаве по требованию сословий развернутые обязательства по отношению к чехам. Подтверждался пункт о возвращении владений коллегий университета (пункт 7). Король обязался вернуть в страну всякого рода святыни, государственные ценности, грамоты, вывезенные прежде по его приказу (пункт 8)¹⁰².

Среди национальных требований весьма большое место занимали статьи 12 и 21. Подтверждалось требование дворян и горожан о том, что государственные должности будут впредь занимать только чехами. «12. Далее, хотим, чтобы в Чехии ни один чужеземец не занимал должности, а только Чех»¹⁰³. Однако и в этот вопрос внесено было существенное дополнение. Указывалось, что речь идет в данном случае о собственно Чехии, а в других землях чешской короны сохранятся в этом отношении порядки, установленные прежними чешскими государями. Этим самым признавалось, что в других областях королевства могут назначаться на государственные должности и иноземцы. В состав владений чешской короны тогда входили и не чешские земли, часть силезских владений, Бранденбург. Однако имелись в виду, по-видимому, не только эти территории, на которые чехи и не могли претендовать, а земли Моравские, маркграфство Моравия. Мы уже напомнили, что для дворянства, особенно магнатов этой области, весьма характерен был сепаратизм. Оговорка Сигизмунда свидетельствовала о том, что в отношении Моравии он не согласился с требованием сословий.

В статье 21 речь шла о заместителе короля в случае его отъезда за границу и признавалось, что им не может быть чужеземец. «21. Далее, об отъезде нашем из чешской земли (то есть из Чехии. — А. О.), как просят, чтобы страну не поручал чужеземцу»¹⁰⁴.

Сигизмунд подтвердил пожелание городов о том, что их не будут принуждать принимать назад в число городских жи-

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid., str. 447.

¹⁰³ Ibid., str. 448.

¹⁰⁴ Ibid.

телей светских и духовных лиц, бежавших оттуда в годы гуситских войн¹⁰⁵.

Однако от обязательства Сигизмунда до их выполнения было, как вскоре показали события, весьма далеко. От 1437 г. сохранились жалобы сословий чешского государства на Сигизмунда в связи с самым грубым нарушением с его стороны принятых им обязательств. Не выполнялось обязательство не назначать чужеземцев на государственные и иные должности в королевстве. Вопреки этому чужеземцы держат в своих руках государственные должности и суды, управляют чешским архиепископством, «к великому ущербу чешского языка» (то есть людей, говорящих на чешском языке, чехов. — А. О.)¹⁰⁶.

Король не вернул чехам государственные грамоты, святыни чехов, не возвратил владений коллегий Пражского университета. Не выполнялось обязательство и в отношении церковных должностей и доходов, которые и теперь, как жаловались чехи, продолжают попадать в руки чужеземцев¹⁰⁷.

После смерти Сигизмунда в конце 1437 г. чешские сословия предъявили свои требования новому претенденту на чешскую корону — Альбрехту Австрийскому. В них мы встречаем вновь те пожелания, которые высказывались уже Сигизмунду. Вновь говорилось о том, что Моравия должна быть возвращена чешской короне и должна быть ее органической составной частью (одно время она была передана Сигизмундом Альбрехту Австрийскому за поддержку, которую он оказал императору в годы гуситских войн). Король должен был вернуть Чехии все ее земли, замки и иные владения, несправедливо отнятые в годы восстания. На государственные должности должны были назначаться только чехи¹⁰⁸. Все эти требования Альбрехт Австрийский также подтвердил¹⁰⁹. На реализации их мы не будем останавливаться, поскольку это выходит за рамки нашей статьи.

* * *

В годы массового народного восстания (1419—1437) стала возможной и необходимой попытка практического осуществления, воплощения в повседневной жизни важнейших выводов,

¹⁰⁵ А. С., d. 3, str. 449—450.

¹⁰⁶ Ibid., str. 457.

¹⁰⁷ Ibid., str. 458—459.

¹⁰⁸ Ibid., str. 459.

¹⁰⁹ Ibid., str. 460—461.

сформулированных идеологами гусизма. В полной мере это относится и к национальным стремлениям чешского населения.

В то же время в годы гуситских войн шел активный процесс окончательного оформления гуситской идеологии, ее значительного углубления и расширения путем включения в нее нового круга вопросов. В сфере национальных отношений существенно по-иному, в сравнении с периодом до восстания 1419 г., стал вопрос о национальном суверенитете страны. Необходимость защиты независимости родины на время объединила самые различные социальные категории жителей Чехии. Она влила новые дополнительные силы в гуситское движение в целом.

Только в годы массового движения народа, когда степень его активности достигла исключительной высоты, стали возможными дальнейшие крупные успехи в развитии национального чешского языка. Он стал ведущим, определяющим языком не только в народном творчестве — сатирах, народных песнях, сказаниях, но и в юридической, политической, художественной литературе тех лет. Чешский язык успешно внедрялся в решениях сеймов, в документацию государственного аппарата, в городские книги.

Глубочайшие изменения произошли в эти годы в феодально-католическом лагере и среди самих гуситов. Эти изменения оказали большое влияние на решение национального вопроса. Небольшая часть временных попутчиков гуситов постепенно полностью осмыслила антифеодальную направленность таборитства и, за исключением буквально единиц, оказалась вскоре в едином антигуситском лагере. Идея защиты родины от чужеземцев, надежды на захват всей полноты политической власти в стране в свои руки, то есть в руки только чешских магнатов, а не чужеземцев, отступила теперь на задний план перед классовыми интересами панов. Защита всех своих богатств, политического господства от антифеодальных выступлений чешского народа стала теперь для них главной, определяющей задачей.

Такого же рода закономерность — преобладание классовых интересов над национальными — прослеживается и в деятельности дворянства Чехии. Дворянский патриотизм играл весьма заметную положительную роль в Чехии второй половины XIV и начала XV вв. Многие земаны и панюши — средние и мелкие дворяне — вместе с бюргерством и, нередко, даже совместно с таборитами, принимали непосредственное участие в борьбе с крестоносцами, помогали сохранить само-

стоятельность родины. Однако уже тогда, в 1421—1422 гг., часть среднего и низшего дворянства пошла на службу к Сигизмунду и вместе с чужеземными наемниками разрушала города и села, опустошала и грабила чешские земли, безжалостно уничтожала население страны. В дальнейшем уцелевшие элементы дворянского патриотизма все более выветривались, и чешское дворянство в массе своей пошло на сделку с феодально-католическим лагерем внутри Чехии, на соглашение с Римской курией и императором Сигизмундом.

Следовательно, к концу гуситского движения дворянство перестало представлять национальные интересы чехов и пошло на прямое их предательство.

Сложную эволюцию пережило в эти годы бюргерство. Именно бюргерство выдвинуло крупнейших идеологов зарождавшегося гусизма. Ян Милич, Матей из Янова, Ян Гус и его соратники сформулировали важнейшие положения гуситской идеологии, в том числе и их требования в национальном вопросе. В годы до вооруженного восстания именно бюргерство наиболее полно выражало национальные стремления чехов.

В годы народного восстания гуситов бюргерство представляло и защищало национальные интересы страны, с оружием в руках боролось против крестоносцев, сыграв тогда весьма положительную роль. Вместе с таборитами оно приняло известное участие и в гуситских походах за границу, в соседние феодальные страны. Эти походы, как неоднократно отмечалось в литературе, способствовали оживлению и усилению антифеодального и, в частности, национально-освободительного движения других европейских народов, в том числе и славянских. Национальные мотивы особенно сильно и четко проявились в Польше, в ее борьбе с Тевтонским орденом.

Однако ведущая роль бюргерства и его идеологов в ходе народного движения все более оттеснялась на второй план таборитами. Идеологи, вожди таборитов заняли наиболее радикальные позиции в антифеодальной борьбе чешского народа. Они явились и наиболее последовательными и решительными выразителями и защитниками национальных интересов чехов. Именно табориты явились надежными союзниками поляков в борьбе с Орденом и вместе с польскими отрядами приняли непосредственное участие в войне с тевтонскими рыцарями, в походе против них в 1433 г. Они не пошли на компромисс с Римской курией и императором Сигизмундом. В отличие от бюргерской оппозиции, табориты отвергли эти позорные, предательские соглашения. Следовательно, именно

плебейско-крестьянская оппозиция на этом этапе явилась подлинным выразителем национальных интересов чешского народа.

Однако в тех исторических условиях еще не было необходимых предпосылок для победы широких масс народа над феодалами, что и привело в конечном счете к поражению таборитов и гуситского движения в целом. Героическая борьба чешского народа, в том числе и защита им национальных интересов своей страны, явилась и в последующие столетия важнейшим источником славных революционных и национально-освободительных традиций чешского народа.

М. М. Яброва

Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации

Пути формирования английской буржуазии (как и сам состав этого класса) были многообразны и изучены крайне недостаточно.

И хотя о консолидации этого класса мы можем с уверенностью говорить только со второй половины XVI века, а точнее после разгрома испанской «Непобедимой Армады», зарождение английской буржуазии уходит в глубь XIV века.

Английский город XIV—XV вв., невзирая на его корпоративную замкнутость, был благоприятной почвой для зарождения новых экономических отношений. Здесь накапливались первые капиталы, которых требовал широкий торговый обмен. Появлялась возможность подчинения мелких производителей крупным торговым воротилам. Это в первую очередь относится к Лондону, крупнейшему торгово-промышленному центру страны.

Именно в Лондоне, в силу исторически благоприятно сложившихся обстоятельств, буржуазия возникла раньше, чем в каком-либо другом пункте Англии. Одним из каналов ее формирования явились так называемые ливрейные компании, корпорации, в которых доминирующую роль играл крупный торговый капитал¹.

¹ Появление термина «ливрея» в торгово-ремесленных корпорациях относится ко времени правления Эдуарда I. В середине XIV века появились различия в ливрее для каждой компании.

Из довольно большого количества ливрейных компаний XV — начала XVI века особенно выделялись 12 Больших Лондонских компаний, наиболее богатых и значительных, сосредоточивших в своих руках все городское самоуправление². Это в первую очередь мерсеры (торговцы предметами роскоши или торговцы шелком и бархатом). За ними шли бакалейщики, галантерейщики, суконщики, сукноделы, рыботорговцы, ювелиры, купцы-портные, торговцы жестяными изделиями, скорняки, торговцы солью, виноторговцы.

Интерес к различным сторонам деятельности лондонских ливрейных компаний у советских историков стал проявляться только в последнее десятилетие. Известное внимание к роли лондонских ливрейных компаний в развитии торговли и промышленности можно видеть в монографиях В. В. Штокмар³. Историей одной из старейших и богатейших лондонских ливрейных компаний — торговцев предметами роскоши специально занимался Е. В. Кузнецов⁴.

Но вполне естественно, что целый ряд вопросов остался за пределами внимания названных авторов. Где надо искать истоки этих компаний? Какова их социально-экономическая структура? В какой мере ливрейные компании были связаны с такими новыми формами производства, как простая кооперация и мануфактура? Существовала ли связь ливрейных компаний с такими крупными торговыми объединениями, как компании Левантйская, Восточная, Московская, Ост-Индская и др.? Источники, которыми мы располагаем, далеко не всегда дают возможность ответить на эти и ряд других вопросов, да и сам объем статьи не позволяет этого сделать. Наша задача значительно скромнее: попытаться выяснить истоки ливрейных компаний, пути их становления, реальное экономическое содержание процессов, вызвавших их к жизни.

Английские и американские буржуазные историки генезисом ливрейных компаний занимались только попутно, поэтому крайне бегло, хотя уже в начале XX века в исторической ли-

² Городское самоуправление было в руках богатейшей части компаний. Для того чтобы стать олдерменом, надо было иметь капитал не менее 1000 ф. стерлингов (см. М. А. Dobb. *Studies in the Development of Capitalism*. London, 1954, p. 106).

³ В. В. Штокмар. *Очерки истории Англии XVI века*. Изд-во Ленинградского ун-та, 1957; ее же, *Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета*. Изд-во Ленинградского ун-та, 1962.

⁴ Е. В. Кузнецов. *Лондонская гильдия торговцев тканями*. — «Средние века», вып. 31, М., «Наука», 1968.

тературе появился даже специальный термин для обозначения этого процесса — амальгамация⁵, то есть слияние, объединение. Имеется в виду объединение нескольких гильдий в одну и возникновение в результате этого качественно нового явления — ливрейной компании.

Дословный перевод этого термина не совсем точно передает суть происходивших процессов и принять его можно только с оговорками. Дело в том, что в отдельных исследованиях он применяется с излишней прямолинейностью. Это в первую очередь относится к работе американской исследовательницы Стеллы Крэймер, которая склонна иногда (даже вопреки фактам, ею же приводимым) трактовать сложный процесс возникновения ливрейных компаний как результат простого механического слияния ремесленных и торговых гильдий⁶.

Значительно точнее применяет термин «амальгамация» Дж. Анвин, который справедливо полагает, что в основе происхождения ливрейных компаний стоит не простое соединение ремесел, а подчинение одной гильдии другой, в результате чего, как пишет Анвин, ряд мелких цехов «был поглощен более удачливыми соперниками»⁷.

Даже в тех случаях, когда, казалось бы, происходило простое механическое слияние отдельных гильдий, профессионально родственных или чуждых, оно было продиктовано необходимостью дать отпор наступающему купеческому капиталу, стремлением таким путем сохранить свою независимость.

Как же происходил этот процесс? Каковы его истоки? Нам представляется, что возникновение ливрейных компаний тесно связано с проникновением купеческого капитала в цехи, подчинением им мелкого ремесла и торговли. Это проявлялось двояко: в поглощении или подчинении одних корпораций дру-

⁵ Этим термином уже достаточно широко пользуется Дж. Анвин. См. G. Unwin. *Industrial Organization in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Oxford, 1904.

⁶ Подчинение седельными мастерами плотников, художников, веревочников (cordmakers) в Ковентри Стелла Крэймер считает простым слиянием, а их борьбу против этого «слияния» квалифицирует как несогласие, которое «нарушило их союз». Крэймер считает, что достаточно было простого вмешательства мэра, чтобы восстановить мир (см. Stella Kramer M. A. *Craft Guilds and the Government*. N. Y., 1905, p. 116—117).

⁷ G. Unwin. *The Gilds and Companies of London*. L., 1908, p. 167—168.

гими или же в подчинении мелких товаропроизводителей и мелких розничных торговцев купцами в пределах своей гильдии. Эти процессы переплетались и шли в значительной мере параллельно.

Амальгамация — процесс, шедший в Англии на протяжении ряда столетий. Мы наблюдаем его проявления в XIV, XV и даже в XVI веке. Так, компания лондонских бакалейщиков возникает в XIV веке, купцов, торгующих предметами роскоши, — примерно в то же время, а компания сукноделов — только в XVI веке.

Процесс амальгамации был длительным не только в целом, но и для каждой компании отдельно. Около шести десятков лет потребовалось для образования компании продавцов кож. В течение многих десятилетий формировалась компания суконщиков. Немало времени потребовалось для образования компании бакалейщиков. Уже сам факт длительности процесса позволяет судить о его сложности, о той жестокой борьбе, которая шла внутри каждой гильдии и между отдельными ремесленными и торговыми объединениями.

Длительность процесса амальгамации не снимает его интенсивности. Любопытно, что в XV веке поясник Роберт Лоуренс счел необходимым в завещании специально оговорить, что оставляет 4 ф. годовой ренты поясникам Лондона «лишь до тех пор, пока они не превратятся в какую-нибудь другую компанию»⁸.

Общим для ряда амальгамированных корпораций является присвоение названия «компания» вместо прежнего «гильдия». Видимо, это должно было подчеркнуть в какой-то мере преобладание здесь купеческого капитала, его определяющую роль, тогда как гильдия в средневековой Англии обозначала прежде всего ремесленный цех⁹.

В борьбе, которая предшествовала окончательному акту поглощения, соперничающие гильдии пользовались методами,

⁸ *Calendar of wills, proved and enrolled in court of Husting*. London, 1258—1688, ed. R. Charpe, L., 1890, p. 671.

⁹ Это очень хорошо видно на истории возникновения экзетерской компании купцов, торгующих готовым платьем. В конце XIV века богатые мастера, которые контролировали гильдию портных, пожелали иметь статус купцов-портных и продавать свои изделия непосредственно иноземным купцам. Они не ограничились своим фактическим влиянием и возможностями, а купили у короля право статуса компании (см. M. A. Dobb. *Studies in Development in capitalism*. London, 1954, p. 109).

которые являются порождением всего предшествующего развития.

Весьма существенную роль в этой борьбе играло средневековое право надзора, за которое дрались настойчиво, не жалея средств и сил.

Право надзора — старый метод, которым широко пользовались цехи для поддержания своей монополии. И все же рассматриваемый период внес кое-что новое в этот обычай. Прежде право надзора могло распространяться только на членов своего цеха, гильдии и, следовательно, в пределах городской округи. С конца XIV века среди лондонских гильдий совершенно отчетливо намечается тенденция выйти за узкие территориальные рамки (Лондон и окрестности, или даже в пределах всей страны) и расширить само содержание права надзора, распространяя его на смежные профессии. Таким образом, старая форма покрывала новое содержание. В таком расширенном и качественно ином виде право надзора могло явиться мощным орудием в руках крупных торговцев.

Борьба за право надзора шла чаще всего между профессионально близкими гильдиями, особенно ярко она проявилась в сукноделии. В этом, самом развитом в Англии ремесле, очень рано выделились различные профессии, объединенные в самостоятельные гильдии; ткачи, сукновалы, стригали, валяльщики, красильщики и другие. Но в XIV веке самыми значительными гильдиями стали портные и суконщики. При этом, как выясняется, и те и другие меньше всего участвовали непосредственно в производстве. Купеческий капитал к рассматриваемому периоду завоевал здесь достаточно прочные позиции, особенно у суконщиков. И это неудивительно, ибо первоначально суконщиков, как ремесленной гильдии, вовсе не существовало. Это с самого начала нечто принципиально новое — союз купцов.

В XV веке суконщики смогли уже далеко обойти своих основных соперников-портных в их давней борьбе за право надзора. В первой половине XV века они добились его в весьма расширенном варианте. Кроме наблюдения на трех основных ярмарках Англии: в Вестминстере, Смитфилде и Саутварке, суконщики получили право проверки качества сукна в лавках Сити¹⁰. Портные сохранили только свое право надзора на ярмарках наряду с суконщиками и в домах членов своей гиль-

¹⁰ A. H. Johnson, *The History of the worshipful company of Drapers of London*, Oxford, 1914, v. 1, p. 119.

дии¹¹. Иными словами, возможность портных оказывать свое влияние и давление на членов других гильдий, имеющих отношение к производству сукон, была существенно урезана по сравнению с суконщиками. Еще более солидную победу суконщики одержали к 1447 году, когда, согласно указу короля, им было дано право надзора «над всеми жителями вышеназванного города (то есть Лондона. — М. Я.), продающими шерстяные сукна в пределах городских вольностей»¹². Однако подчинить портных суконщикам не удалось. В 1502 году портные также получили королевскую хартию и стали называться купцами-портными (что точнее отражало деятельность и сущность данной компании). Это совершилось несмотря на хлопоты и изрядные затраты суконщиков, которые возражали против учреждения компании портных¹³.

Но соперников помельче суконщики попытались поглотить. Благодаря усиленным хлопотам суконщиков и портных, забывших на время взаимную конкуренцию, еще в 1479 году был издан указ Эдуарда IV, запрещавший стригалям иметь свою корпорацию¹⁴. Затем ордонансом 1505 года суконщики обязали всех сукновалов, вязальщиков, стригалей и изготовителей одежды (garments) платить за каждого своего ученика по 2 шиллинга в год суконщикам (in Drapery hall)¹⁵. Но, видимо, даже росчерком королевской подписи так просто ликвидировать цех стригалей не удалось. Уже в 1507 году стригали вновь добились права самостоятельной гильдии, а в 1528 году они объединились с сукновалами в компанию сукноделов и смогли противостоять нажиму со стороны суконщиков. Видимо, в процессе наступления на стригалей и сукновалов суконщикам удалось поглотить только часть их, богатая верхушка гильдий смогла противостоять этому натиску, а впоследствии, с получением статуса компании, оказывать определенное противодействие.

Торговцы кожами, располагая правом надзора, смогли поставить в зависимость от себя ряд гильдий, работавших с кожей: перчаточников, изготовителей кошельков и сумок, шорников (whittawyers). И, несмотря на то, что в 1498 году изготовители кошельков и перчаточники, с согласия мэра и олдер-

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. Appendix, p. 207.

¹³ Ibid. Суконщики затратили на подкуп различных лиц 25 ф. 8 ш.,

4 п.

¹⁴ Ibid, p. 235—236.

¹⁵ Ibid., p. 280.

мена, объединились, чтобы как-то усилить свое противодействие надвигающейся опасности, в том же году они жаловались, что «теряют людей и товары»¹⁶, а спустя всего четыре года они вынуждены были влиться в компанию торговцев кожами; в 1517 году к ним присоединились и изготовители сумок¹⁷.

Очень широко смогла распространить свое право надзора компания оловянщиков. Они получили право проверять изделия оловянщиков по всей стране (тогда как права даже такой компании, как суконщики, ограничивались Лондоном и пригородами). И осуществляли они его довольно строго. В отчетах компании от 1474—1475 годов содержится запись о том, что право надзора было осуществлено в Западной Англии, Йоркшире, Соммерсетшире, Дерби. С нарушителей предписаний компании там взяли штраф в 15 ф. 7 ш. 3 п.¹⁸ Такое широкое право надзора дало впоследствии возможность оловянщикам Лондона подчинить себе всю добычу олова в стране.

За право надзора в XV веке шла борьба между тремя родственными ремеслами: изготовителями ножен и клинков, с одной стороны, и ножовщиками — с другой. Из ордонанса 1408 года мы узнаем, что конечную победу одержали ножовщики (cutlers), ибо, как говорится в преамбуле, среди этих трех связанных между собой ремесел в конечном итоге за все ответственны ножовщики¹⁹. Это можно понимать только в одном смысле: видимо, к рассматриваемому периоду ножовщики сбывали изделия не только свои, но и двух других гильдий, то есть только они были непосредственно связаны с рынком.

Бакалейщики в 1450 году получили право участвовать в сортировке пряностей, то есть смотреть за тем, чтобы в пряностях не было каких-либо примесей. Это право распространялось не только на Лондон, но и на другие города: Саутгемптон, Сэндвич и «другие места внутри королевства»²⁰.

Право надзора было настолько важным, что при получении статуса корпорации компании стремились оградить себя от вмешательства извне, то есть в какой-то мере обезопасить-

¹⁶ G. Unwin. The Gilds and Companies of London, p. 167.

¹⁷ Ibid., p. 168.

¹⁸ Ch. Welch. History of the worshipful Company of Pewterers of the City of London based upon their records. London, 1902, v. I, p. 43.

¹⁹ H. T. Riley. Memorials of London in the XIII, XIV and XV centuries. L., 1868, p. 567.

²⁰ W. Herbert. The History of the twelve Great Livery Companies of London. L., 1837, v. I, p. 311.

Галантерейщики специально позаботились, чтобы в статуте об основании их компании от 1448 года было оговорено, что никто не может осуществлять у них права надзора, «за исключением четырех старшин вышеназванного ремесла»²¹, то есть исключался надзор со стороны какой-нибудь другой компании.

Теснейшим образом с правом надзора связана борьба гильдий, компаний за те должности, через которые можно было бы реализовать его; в сукноделии это были должностные лица общегородского масштаба.

Большой победой суконщиков можно считать захват ими должности олниджера (aulnager). Олниджер — это должностное лицо, которое должно было следить за тем, чтобы ширина и длина куска сукна соответствовала заданному размеру. Без его печати сукно нельзя было ни продать, ни купить. Если сукно не удовлетворяло стандартам, его конфисковывали, половина шла в пользу данного должностного лица. Это уже само по себе было выгодно. Но для суконщиков это имело и другое значение: они по существу могли контролировать все сукно, выставленное для продажи, и цены на него. Трудно сказать точно, когда они впервые захватили эту должность, но в 1439 году в этом качестве мы видим двух суконщиков: Роберта Ширборна и Джона Дерби²². Они взяли данную должность в аренду на 10 лет за 35 ф. 6 ш. 8 п. ежегодно, кроме того полагалось платить к празднику Св. Михаила и к Пасхе²³ по 4 ф. 13 ш. 4 п.²⁴. Бывшие олниджеры были тоже из суконщиков²⁵. В условиях аренды есть любопытное место, которое указывает на чрезвычайную выгодность этой должности: «Если кто-нибудь без мошенничества и злого умысла в течение года со дня заключения арендного договора даст за аренду больше, то вышеназванные Роберт и Джон должны платить столько, сколько было предложено, если они намерены продолжать этот договор»²⁶.

Купеческий капитал в своем наступлении на мелкое ремесло и торговлю широко использовал и старые обычаи города Лондона.

Согласно старому лондонскому обычаю, за каждым фриме-

²¹ Tudor Economic Documents. Ed. by R. H. Tawney and E. Power. London, 1951, v. II, p. 147.

²² A. H. Johnson, v. I. Appendix, p. 220.

²³ Св. Михаил — 29 сентября. Пасха — между 22 марта и 25 апреля.

²⁴ A. H. Johnson, v. I, p. 219.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid., p. 220.

ном признавалось право переменить свою профессию²⁷. Кроме того, не существовало и запрета торговать самыми разнообразными товарами. Этот обычай настолько укоренился, что когда в 1363 году вышел королевский ордонанс, запрещающий купцам торговать несколькими видами товаров, он вызвал такой протест, что уже в следующем, 1364 году, его пришлось отменить²⁸.

Ордонанс 1363 года не только запрещал торговать различными товарами, но устанавливал, что ремесленник «должен придерживаться только одной профессии»²⁹. За нарушение этого постановления — тюрьма или штраф. И все же, как мы убедимся, и эта часть ордонанса не выполнялась. Право торговли различными товарами открывало возможности для проникновения в профессионально чуждую корпорацию, для широкой конкуренции. В конечном итоге это приводило к разорению части ремесленников и розничных торговцев и к последующему подчинению их купеческим капиталом. Этот обычай был широко использован бурно развивавшимся торговым капиталом, искавшим новых сфер приложения. К середине XV века рыботорговец мог торговать сукном, бакалейщик — шелком, галантерейщик — сельдью и т. д.³⁰

Вильям Ковентри, торговец предметами роскоши, импортировал шляпы, зеркала, мыло, рыбу, железо³¹. Алан Джонсон, бакалейщик, он же купец-стапельщик, владелец корабля, помимо основных товаров, торговал вином, посылал ежегодно по два корабля в Исландию за грузом трески³². В то же время рыботорговец Стефен Фостер покупал у венецианцев шелк, пряности, продавал им олово³³, Филип Мэллс, суконщик, тор-

²⁷ У. Кеннингем. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. 1904, стр. 216—217.

²⁸ A. H. Johnson, v. I, Appendix, p. 202.

²⁹ Ibid., p. 203.

³⁰ Торговля разнообразными товарами, не связанными с основной профессией данного лица, характерна и для Амстердама, правда, более позднего периода. Интересные данные по этому вопросу приведены в статье М. М. Громыко «Промышленность северных городов Нидерландов в XVI веке». — «Средние века», вып. 10, стр. 191.

³¹ Studies in English Trade in the fifteenth century. Ed. by E. Power and M. M. Postan, N. Y., 1933, p. 284. (Мы ссылаемся теперь и в дальнейшем на гл. VI «The Grocers of London. A study of Distributive Trade», написанную С. Трап).

³² Ibid.

³³ Ibid.

говал пряностями, вином, оловом³⁴. Дэвид Вэйхам, торговец предметами роскоши, вел оптовую торговлю сельдью³⁵.

В 1491 году Вильям Эткинс, галантерейщик, продал группе лондонских горожан ряд товаров, в том числе ювелирных изделий (серебряные блюда ювелирной работы, ложки для соли) весом в 411 $\frac{2}{3}$ унций³⁶. В данном случае зафиксирована сделка крупного оптового купца, сумма, которую он получил за товары, весьма значительна (564 ф. 10 ш. 5 п.)³⁷. Но важно, что торговал он всем, не было строго очерченной группы галантерейных товаров, так же как не было строгой регламентации и в других компаниях.

О том же свидетельствуют очень любопытные страницы из бухгалтерской книги богатейшего члена компании суконщиков Томаса Хауэлла³⁸. Помимо прочих интересных сведений, в ней содержится перечень товаров, которые ввозил и вывозил Хауэлл. В 1522 году он закупил в Испании (а также и в Южной Франции) дамаск и черный сатин, квасцы, растительное масло, мыло, железо, вайду, главным образом тулузскую, оливковое масло из Бильбао, рошельское вино, изюм, муку (gram powder), зерно. Все это он привез в Англию, где перепродал различным лицам. Квасцы он продал красильщику, некоему Томасу Хаксу, бакалейщикам и некоторым другим. Выручил он за квасцы довольно большую сумму — 124 ф. 19 ш. 6 п.³⁹, мыло он продал бакалейщикам, продавцам свеч и др. Вайду и часть квасцов обменял на сукно⁴⁰. Правда, все это являлось для него в какой-то мере подсобным источником обогащения, ибо основные доходы он получал от продажи сукна (в том же 1522 году он экспортировал сукно на сумму в 229 ф., а в 1519 — на 1024 ф. 13 ш.)⁴¹. Но важен сам факт возможности свободно покупать и продавать любой ассортимент товаров.

21 января 1475 года Ричард Стоук, торговец солью, он же купец-стапельщик, подтвердил документ о продаже им различным лицам 5 000 фунтов польского воска, 8 мешков шерс-

³⁴ Ibid.

³⁵ Calendar of Close Rolls. London, 1963, v. II, p. 20—21, N 66.

³⁶ Ibid. v. I, L. 1955, p. 154, N 545.

³⁷ Ibid.

³⁸ A. H. Johnson, v. II, Appendix, p. 252—254.

³⁹ Ibid., p. 254.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid., p. 253.

ти, красителей, 20 кусков льняного полотна и других товаров⁴².

Таким продуктом, как пиво, торговали представители почти всех профессий. В завещаниях XIV—XV веков среди прочих владений оставляют своим наследникам пивоварни (или ренту от них): суконщик, портной, торговец предметами роскоши, перчаточник, ювелир, торговец шерстью, рыботорговец и представители множества других профессий⁴³.

Подобное вторжение в чужую сферу ремесла и торговли могло явиться основой и для дальнейшего роста капиталов, и для разорения членов конкурирующей гильдии или компании. Недаром члены небольших гильдий настаивали на строгой регламентации торговли, желая как-то защитить себя от натиска купеческого капитала. Оловянщики в XVI веке пытались на деле осуществить свою монополию на торговлю оловянными изделиями: в 1571 году они конфисковали в лавке галантерейщика изделия из олова⁴⁴.

Торговля неограниченным ассортиментом товаров в конечном итоге могла привести к членству в нескольких компаниях. Конечно, это явление не могло быть массовым, так как требовало больших капиталов. Только очень богатый купец имел возможность, помимо своей основной компании, стать членом какой-нибудь другой. И тем не менее с начала XV века в источниках немало упоминаний о членстве в двух компаниях.

В начале XV века бакалейщик Вильям Кэмбридж участвует одновременно в торговле жестянщиков⁴⁵. Джон Оттали в одном из своих двух завещаний, датированном 1404, называет себя фрименом и бакалейщиком, а в другом — фрименом «торговцем предметами роскоши»⁴⁶. Джон Биллесдон называет себя бакалейщиком, однако есть основания полагать, если внимательно прочитать его завещание, что он в

⁴² Calendar of Plea and memoranda Rolls (1458—1482). Ed. Ph. E. Jones, Cambridge, 1951, p. 89.

⁴³ Calendar of wills, p. 215, 269, 376, 377, 381, 419, 445, 451.

⁴⁴ Ch. Welch, p. 271. Такие ограничения возможны были и в крупных компаниях. В 1510 году одному из членов ювелирной компании позволено было оставаться в ливрее при условии, что его жена не будет больше продавать эль (см. Herbert, v. II, p. 190). Любопытный факт о петиции 14 ремесел в 1571 г. с просьбой ограничить деятельность компании одной специальностью приводит В. В. Штокмар (см. В. В. Штокмар. Экономическая политика..., стр. 32). Но сами по себе эти ограничения, да еще в XVI в., свидетельствуют о том, насколько часто их обходили.

⁴⁵ Studies in English Trade, p. 285.

⁴⁶ Ibid.

равной степени был близок компании купцов-портных⁴⁷. Не всегда о таких вещах говорится прямо, но вряд ли случайно рыботорговец Генри Джордан в завещании (1470) оставляет равные суммы на бедняков — как рыботорговцев, так и литейщиков⁴⁸.

Имя Даунтона содержится в списках компании оловянщиков (середина XV в.), он один из самых богатых ее членов, у него учеников больше, чем у всех прочих, но он числится также и торговцем предметами роскоши и действительно является одновременно членом и этой компании⁴⁹.

В 1416 году мэр и олдермены Лондона разбирали дело олдермена Ричарда Мерлоу⁵⁰, который одновременно являлся членом двух ливрейных компаний: жестянщиков и рыботорговцев⁵¹. В конечном итоге ему пришлось остаться членом только компании рыботорговцев, ибо в Лондоне действовал запрет мэрам, олдерменам, шерифам и другим должностным лицам участвовать в деятельности нескольких компаний⁵². Кстати, сам этот запрет, касающийся только должностных лиц, свидетельствует о широкой распространенности данного явления.

В гильдиях и компаниях появляется немало лиц, которые профессионально ничего общего с ними не имеют. В мемориалах компании ювелиров от середины XVI века содержится интересная запись относительно некоего Вильяма Ингрема. Он освобождался от посещения тех собраний, на которых зачитывали ордонансы, так как хотя и являлся членом компании, но не был ювелиром по профессии⁵³. Здесь же содержится замечание о том, что это относится ко всем, кто находится в подобном положении⁵⁴. Таким образом, есть основания считать, что это явление было в достаточной степени распространенным.

Только в условиях, когда в компанию проникали люди, далекие от профессии, возможен был такой поистине курьезный случай, который приводит С. Трап, когда Саймон Эйр (в

⁴⁷ Calendar of wills..., p. 635—636.

⁴⁸ Ibid., p. 543.

⁴⁹ Ch. Welch, p. 25.

⁵⁰ Ричард Мерлоу был мэром в 1409 и 1417 гг.

⁵¹ H. T. Riley. Memorials..., p. 629.

⁵² Ibid.

⁵³ Memorials of the Goldsmiths' Company, being cleaning from their Records between the years 1335 and 1815 with an introduction and notes written and compiled by Sir Walter Sherburne Prideaux. L., 1896, v. 1, p. 59.

⁵⁴ Ibid.

будущем один из крупнейших членов компании суконщиков, в 1446 году мэром Лондона) в течение семи лет пробыл учеником и только потом обнаружил, что его хозяин не суконщик, а обивщик мебели⁵⁵. В самом начале XVI века суконщик М-р Рисс был оштрафован своей компанией за то, что держал лавку на паях с портным и вместе с ним держал ученика⁵⁶.

Членство в нескольких компаниях возможно было только при господстве в них чисто торговых элементов, полностью оторванных от непосредственного производства, в силу владения значительным капиталом.

Рост купеческого капитала, начало подчинения им мелкого производства сделали возможным изменение самой системы поступления в компанию. Ученичество и даже длительный срок его (семь лет) остаются в силе и в XVI веке. Но наряду с этим уже в XIV веке появляется возможность обойти традиционную систему ученичества и поступить в гильдию или компанию, уплатив определенный взнос, так называемый выкуп (redemption). Пункт XII ордонанса ножовщиков от 1379 года гласит: «... никто не может быть принят в указанное ремесло через выкуп, за исключением тех случаев, когда шесть почтенных лиц ремесла засвидетельствуют его способности»⁵⁷. Это наиболее раннее упоминание о выкупе, которое нам удалось найти. Здесь нет категорического запрета входить в гильдию таким путем. Само упоминание термина «выкуп» говорит о его некоторой распространенности, хотя полное развитие этого пути пополнения гильдий, а затем и компаний относится к XV веку.

Примечательно, что поступление через выкуп имело совершенно отчетливую тенденцию к расширению. Очень интересные данные приводит Джонсон. С 1475 по 1493 год в компанию суконщиков через выкуп было принято 27 человек, за последующие пятнадцать лет — 127⁵⁸. Причем, до 1493—1494 годов из тех, кого приняли таким путем, только пятеро никак не были связаны с профессией суконщиков, в последующие же годы таких лиц было не меньше сорока⁵⁹.

Сумма выкупа не была четко определена для всех компаний, да и в одной и той же компании она могла колебаться весьма существенно. Любопытен случай, который разбирался

⁵⁵ Studies in English Trade, p. 287.

⁵⁶ A. H. Johnson, v. I, p. 163.

⁵⁷ H. T. Riley. Memorials..., p. 441.

⁵⁸ A. H. Johnson, v. I, p. 159.

⁵⁹ Ibid.

на собрании компании оловянщиков. В 1585 г. в эту компанию пожелал вступить некий Исаак Тэйкер, который пользовался поддержкой самого Уолтера Рэли, как известно, человека весьма влиятельного при королевском дворе⁶⁰. Он ходатайствовал перед компанией за своего протеже. Компания решила удовлетворить это ходатайство, но с условием уплаты вступительного взноса в 20 ф.⁶¹. Потребовалось вторичное вмешательство Рэли для того, чтобы сумма была снижена вдвое, до 10 ф.⁶². Такую же сумму уплатил в 1572 г. некий Николас Джорден, перешедший к оловянщикам из компании купцов-портных⁶³. В компании суконщиков выкуп был ниже, Джонсон считает, что в среднем он составлял 4 ф.⁶⁴. Это довольно крупная сумма, доступная немногим, если учесть, что обычный вступительный взнос в большинстве компаний составлял, примерно, 6 ш. 8 п.⁶⁵.

Проникновение в компанию путем выкупа требовало, кроме денег, определенной поддержки (как мы это видели в случае с ходатайством Уолтера Рэли), поручительства (см. уже упомянутый ордонанс ножовщиков), а иногда вмешательства мэра и олдерменов, как это произошло в 1402 году с пивоваром Томасом Дафхаузом. Этот пивовар выступил перед мэром и олдерменами с просьбой разрешить ему вступить в компанию рыботорговцев на том основании, что он уже в течение длительного времени фактически занимается рыботорговлей. Это подтвердили и старшины компании рыботорговцев⁶⁶. Томас Дафхауз получил разрешение на вступление в компанию после уплаты выкупа⁶⁷.

И все же самым главным являлось обладание определенным капиталом, тем более что выкуп становился с течением времени для ряда компаний обычным делом. Прежде для приема нового члена требовалось согласие основной части.

⁶⁰ Речь идет об Уолтере Рэли, придворном поэте, известном покровителе различных колониальных предприятий, совершившем лично путешествие в Гвиану.

⁶¹ Ch. Welch, p. 295.

⁶² Ibid, p. 296.

⁶³ Ibid., p. 276.

⁶⁴ A. H. Johnson, v. I, p. 159.

⁶⁵ О том, что даже 6 ш. 8 п. было суммой весьма значительной, можно судить по тому, что жалование лондонского плотника в первой четверти XV века составляло 8 пенсов в день. Это высший уровень. Штукатуры, стекольщики, кровельщики получали 5—6 пенсов. В провинциальных городах жалование было еще ниже (см. R. J. Mitchell and M. D. Leys. A History of London Life, 1958, p. 60).

⁶⁶ H. T. Riley. Memorials..., p. 555—556.

⁶⁷ Ch. Welch, p. 295.

компании. Но уже ордонанс компании суконщиков от 1576 года гласит: «...Мастера и старосты могут принять любого мужчину после уплаты им выкупа, не согласовывая это предварительно с другими членами корпорации»⁶⁸. Сумму выкупа тоже устанавливали должностные лица⁶⁹.

Проникновение крупного купеческого капитала в гильдию не могло пройти бесследно для нее, оно существенно изменяло ее изнутри. Удельный вес купеческого капитала увеличивался, создавались дополнительные возможности как для подчинения мелких ремесленников и торговцев внутри своей корпорации, так и для наступления на родственные и даже профессионально чуждые объединения.

В какой-то мере это свободное расширение корпораций, а следовательно, и качественное их видоизменение объективно санкционировалось и королевской властью. В 1448 году галантерейщики Лондона указом короля получили право корпорации. В нескольких местах этого указа содержится фактическое разрешение присоединять к себе лиц из различных профессий. «...Они (галантерейщики. — М. Я.) могут создать гильдию или братство в честь указанной Девы⁷⁰ из людей вышеназванного ремесла, а также из других»⁷¹, — и дальше еще более определенно: «и они, и их преемники могут увеличивать и приращивать указанную гильдию, или братство, из названного ремесла галантерейщиков или лиц, которых они захотят принять в братство»⁷². В патенте, данном суконщикам в 1438 году, содержится следующая формулировка: «И они могут увеличивать и присоединять к этой гильдии или братству новых членов так часто и когда они это сочтут необходимым»⁷³.

В отдельных случаях в процессе проникновения купеческого капитала в другие гильдии не исключены были и вооруженные столкновения. В правление Эдуарда III между седельными мастерами, с одной стороны, и изготовителями шпор и удил (Logimers) — с другой, произошла серьезная стычка. Седельные мастера намеревались заставить вышеназванные профессии продавать свои изделия только им. Встретив серьезное сопротивление, седельные мастера выступили с оружием в руках⁷⁴.

⁶⁸ A. H. Johnson, v. II, Appendix, p. 319.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Покровительницей галантерейщиков считалась св. Екатерина.

⁷¹ Tudor Economic Documents..., v. II, p. 144.

⁷² Ibid.

⁷³ A. H. Johnson, v. I, Appendix, p. 214.

⁷⁴ H. T. Riley, Memorials..., p. 159.

Очень большую разлагающую роль в гильдиях играло ростовщичество. Оно проникало в глубь корпорации, разъедало ее изнутри и тем самым способствовало последующему поглощению корпорации целиком или отдельных ее членов. С ростом товарооборота система кредита стала еще более распространенной⁷⁵.

В качестве ростовщиков в XIV—XV веках выступали люди самых разнообразных профессий. Крайне редко корпорация в целом выступала как ростовщик. В источниках мы находим только несколько таких случаев. В финансовых отчетах старшин компании суконщиков за 1508—1509 годы сохранилась расписка некоего Уолтера Прайса в том, что он внес часть платежа в погашение займа в 20 ф. (ссуда была выдана под залог дома)⁷⁶.

В середине XV века компания бакалейщиков дала несколько займов как членам компании, так и посторонним: три купца-стапельщика взяли займы 477 ф. из расчета 8 1/2%; восемь купцов-стапельщиков (среди них было и несколько бакалейщиков) взяли займы 300 ф. из расчета 12% годовых⁷⁷. Но даже в тех случаях, когда корпорация выступает как коллективный займодавец, за этим скрываются суммы, которые давали отдельные лица.

В роли такого коллективного кредитора компания или гильдия чаще всего выступали, когда займы требовались королю. В 1336 году 12 суконщиков внесли по 30 ф. в счет займа королю, в 1339 году 11 суконщиков дали суммы от 5 до 40 ф. каждый⁷⁸. Проценты делились соответственно внесенной сумме⁷⁹.

⁷⁵ В 1545 году вместе с отменой статута против взимания процентов было установлено, что максимальный уровень процента не должен превышать 10. Это само по себе свидетельствует, что обычно процент был выше. Липсон считает, что в ряде случаев он доходил до 20. Такой высокий процент приводил зачастую к банкротству. Оставшийся неизвестным автор письма, датированного 1555 годом, отмечал: «Здесь, в Лондоне, много купцов-банкротов; я полагаю, что моя тетушка не должна больше доверять ни одному купцу» (E. Lipson, The Economic History of England, 1939, v. III, p. 214, 222).

⁷⁶ A. H. Johnson, v. I, Appendix, p. 370.

⁷⁷ Studies in English Trade..., p. 253. Поражает низкий процент. Видимо, это было связано с какими-то взаимными услугами в торговле.

⁷⁸ A. H. Johnson, v. I, p. 88.

⁷⁹ Условия, на которых давались займы монархам, известны: какое-нибудь обеспечение (например, коронные драгоценности) и 12% годовых. Купцы, дающие займы королю, часто получали за это ряд торговых привилегий: иногда это было право экспорта шерсти без таможенных пошлин, в иных случаях право самим собирать таможенные пошлины (см. A. H. Johnson, v. I, Appendix, p. 193).

Займы гарантировались имуществом. В источниках мы сталкиваемся с многочисленными немотивированными передачами имущества, причем, как в качестве так называемых «дарителей», так и в качестве получающих этот «дар» выступают лица самого различного профессионального и социального статуса. Установить какую-нибудь закономерность в данном случае почти невозможно, особенно если учесть, что далеко не все случаи «дарений» фиксировались. Эти «дарения» скрыты за стандартной формулой: «Вильям Кокс, горожанин и скорняк Лондона, Вильяму Боулду, тоже скорняку Лондона, его правопреемникам и душеприказчикам. Дар всего имущества и движимости в городе Лондоне и повсеместно внутри королевства»⁸⁰. Иногда имеются отклонения от этой формулы, но очень значительные, но они вносят некоторую ясность в те процессы, которые, судя по обилию материалов, были весьма частыми в Лондоне.

В некоторых случаях имущество передается или дарится родственникам (брату, матери), но, как правило, они выступают как деловые партнеры, ничем не отличаясь от чужих. Так, бакалейщик Роберт Фостер в 1478 году дает в дар своей матери Агнессе Фостер владения, так как задолжал ей большие суммы денег⁸¹. В большинстве грамот речь идет о передаче всего движимого и недвижимого имущества внутри королевства, а в отдельных случаях и за пределами его. Только в некоторых грамотах «дарится» часть имущества (в подавляющем большинстве случаев грани намечены, если речь идет о земельных владениях). В отдельных грамотах указана и причина таких «дарений»: задолженность.

Особенно любопытна грамота, по которой купец из Бордо (и его жена Елизавета) передают свои права на земли и владения в Ипсвиче и в его окрестностях и «повсеместно в Сэффолке» лондонскому торговцу предметами роскоши Эдварду Грину⁸² (эти земли Елизавета унаследовала от своего отца). Данная грамота интересна не только тем, что в ней указана причина передачи (задолженность), но и указана величина долга. Вышеназванная супружеская пара должна была Эдварду Грину 25 ф. 2 ш. 4 п. Земли, которые он получил, стоили больше названной суммы, поэтому Грин обязывался уплатить другие долги купца из Бордо, в грамоте точно перечислено какие: Ричарду Хаукинсу, суконщику — 4 ф. 8 ш., Вильяму

⁸⁰ Calendar of Close Rolls. L. 1955, v. I, p. 103, N 370.

⁸¹ Calendar of Plea and Memoranda Rolls..., p. 175.

⁸² Calendar of Close Rolls..., v. I, p. 254, N 867.

Бортери, торговцу предметами роскоши — 38 ш., Симону Хоугану, суконщику — 56 ш. 8 п. и Джону Идричу, портному — 6 ш. 8 п.⁸³. Это очень редкий случай столь скрупулезной конкретизации, в большинстве займы гарантировались имуществом в целом. В случае неуплаты долга имущество, видимо, меняло своего владельца, то есть шел совершенно очевидный процесс разорения массы ремесленников и торговцев.

17 июня 1474 года Роберт Дэви, суконщик, подал лорд-мэру и олдерменам г. Лондона жалобу на суконщика Вильяма Брея, обвиняя последнего в том, что он не желает возвращать семь жилых домов, которые получил еще от отца истца как залог за 30 ф., взятых займы⁸⁴.

О том же говорит передача Генри Балстроудом, торговцем предметами роскоши, и его женой годовой ренты в 3 ф. 6 ш. 8 п. от земель в Лондоне в пользу также торговца предметами роскоши Вильяма Эндрюса. Дело в том, что Вильям Эндрюс приобрел 5 долговых расписок вышеназванного Генри Болстроуда на сумму в 93 ф. 4 ш. 9 п.⁸⁵. Видимо, в данном случае мы имеем дело с учреждением ренты несостоятельным должником.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что очень часто имущество передавалось не одному лицу, а нескольким, то есть в роли кредитора выступает какое-то объединение. Часто это лица либо одной профессии, либо очень близких, смежных. В 1487 году Вильям Уайт и Ричард Бэт, суконщики, получили имущество от суконщика же Джорджа Балстрода; Роберт Уэйли и Вильям Хэнлин, торговцы сальными свечами, получили имущество от Уолтера Уилли, торговца солью⁸⁶. Совместно в роли ростовщика выступают два торговца шляпами и галантерейщик⁸⁷ и т. д. Не исключено, что в этих и подобных случаях деньги займы давали партнеры по торговле. Это тем более вероятно, что внутри ливрейных компаний были такие мелкие торговые объединения, владеющие общим имуществом⁸⁸.

Но еще чаще в объединение кредиторов входят лица различных профессий. В таком «содружестве» могли выступать

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Calendar of Plea and Memoranda Rolls..., p. 93—94.

⁸⁵ Ibid., p. 147.

⁸⁶ Calendar of Close Rolls, v. I, p. 36, N 197.

⁸⁷ Ibid., p. 70, N 257.

⁸⁸ В 1486 году три пивовара из Вестминстера вынуждены были передать свое имущество Ричарду Уайту, лондонскому суконщику (Cal. of Close Rolls, v. I, p. 52, N 182).

два пивовара и пекарь⁸⁹, торговец грубыми сортами сукон, булочник, виноторговец, художник, маклер («corser») ⁹⁰, торговец шерстью, три портных, седельный мастер ⁹¹ и т. д. Вернее всего, названные кредиторы на какой-то период выступали как вполне конкретное объединение, не исключено, что они даже владели общим имуществом, например, кораблем, где совладельцами могли выступать люди самых разнообразных профессий ⁹². Да и обычаи Лондона не препятствовали для какой-нибудь торговой или ростовщической операции объединиться ювелиру, пивовару и булочнику, суконщику и рыботорговцу и т. д. Тем более легко было это сделать людям одной профессии. Видимо, именно такое торгово-ростовщическое объединение из трех торговцев предметами роскоши выступало в 1470 году в суде против жестянщика Вильяма Роуза, предъявив ему долговое обязательство на 42 фунта ⁹³.

Вероятнее всего, в XV веке эти соглашения были крайне непрочными, заключавшимися для одной сделки. Во всяком случае нам не удалось обнаружить среди многочисленных грамот дважды одно и то же объединение. Недаром имя John Shaa, крупного ювелира Лондона, в 1486 году мы находим в компании с ювелиром же Бартоломео Ридом, четырьмя лицами, обозначенными просто как джентльмены (их профессиональный статус установить не удалось), и сэром Вильямом Хьюзи, главным юстициарием королевской палаты ⁹⁴, а в 1493 году он выступает в содружестве с совсем другими лицами (два торговца предметами роскоши, один джентльмен и одно лицо без обозначения социального или профессионального статуса) ⁹⁵.

Ростовщичество, разоряя одну часть ремесленников и тор-

⁸⁹ Ibid., p. 51, N 174.

⁹⁰ Ibid., p. 54, N 190.

⁹¹ Ibid., p. 61, N 226.

⁹² В 1478 году в качестве покупателей корабля выступили четыре лица: суконщик, джентльмен, рыботорговец и виноторговец (Cal. of Plea, p. 117). Это вовсе не значит, что у всех совладельцев был одинаковый имущественный статус. Некоторые из них могли иметь ряд таких долей корабля. Так, суконщик, участвовавший в вышеназванной покупке корабля, в том же 1478 году купил еще один корабль совместно с олддерменом Робертом Коулвич (Ibid., p. 123).

⁹³ Ibid., p. 69.

⁹⁴ Cal. of Close Rolls..., v. I, p. 34, N 124.

⁹⁵ Ibid., p. 210, N 719.

говцев и соответственно обогащая другую, способствовало потере первыми самостоятельности, их подчинению ⁹⁶.

Несомненно, что и в сфере ростовщичества первенствующую роль играли купцы.

Купеческий капитал, не связанный цеховой регламентацией, был в то время, по определению К. Маркса, «единственной свободной формой капитала, противостоящей цехам» ⁹⁷. Реально только эта форма капитала могла вести наступление, вторгаться в сферу мелкого ремесленного производства и торговли. Но купца «терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла» ⁹⁸. Однако и это открывало перед ними довольно широкие возможности. Скупщики, проникая в ту или иную гильдию, подчиняли ее изнутри.

Источники говорят, что уже в XIV веке лондонские гильдии стремятся как-то оградить себя от вторжения внешних сил. Ордонанс лондонских ворсовщиков от 1350 года гласит: «...никто из фрименов не должен брать чужеземца ⁹⁹ в компанию, чтобы держать лавку совместно с ним под вывеской своей полноправности» ¹⁰⁰. Само издание такого ордонанса заставляет полагать, что проникновение в гильдию извне было явлением достаточно распространенным. И вернее всего речь в данном случае идет о проникновении в чужую гильдию торговца, а не ремесленника («чтобы держать лавку совместно с ним»).

Оно было тем легче, что к XIV веку внутри целого ряда лондонских гильдий розничная торговля была отделена от ремесла. Этот факт очень четко засвидетельствован в уставе ножовщиков от 1344 года. Речь идет о праве надзора, которое осуществляют специально назначенные лица из гильдии. Они должны осматривать «все виды ножей, которые они найдут, как в руках изготовителей (workman), так и в руках розничных торговцев (dealers), без различия у богатого или бедного» ¹⁰¹.

Вероятно, в данном случае можно говорить о начавшемся

⁹⁶ В ордонансе 1463 года, относящемся к бакалейщикам, довольно странно определены причины разорения части членов этой корпорации: «из-за морской стихии, или из-за меняющихся цен на товары, из-за долгов, ростовщичества и других неудач...» (см. Herbert, v. I, p. 49).

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 371.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Здесь, как и в последующих случаях, под чужеземцем имеется в виду не-лондонец.

¹⁰⁰ H. T. Riley. Memorials, p. 247.

¹⁰¹ Ibid., p. 218.

систематическом отрыве ремесленников от сферы торговли, которая целиком переходит в руки торгового капитала.

Вторжение торгового капитала могло идти как со стороны чужеземцев, то есть не-лондонцев, так и со стороны столичных фрименов, чаще всего, однако, одна гильдия подчиняла другую без всякого вмешательства нелондонского капитала.

Ордонанс сыромятников (lawyers) от 1365 года позволяет сделать вывод о том, что к этому времени они уже были в зависимости от скорняков (pelters). Согласно этому ордонансу сыромятники лишаются права продавать свои изделия кому бы то ни было, за исключением «людей, которые являются скорняками, фрименами Лондона»¹⁰², то есть они по существу были отрезаны от рынка сбыта, особенно если учесть, что тот же ордонанс строго регламентирует продажные цены: «никто из сыромятников не должен брать за свою работу больше, нежели это было установлено Томасом Леги, когда он был мэром»¹⁰³. Не ограничиваясь этим общим замечанием, авторы ордонанса с величайшей скрупулезностью перечисляют цены за обработку различных шкур. За нарушение ордонанса на выделывателей шкур налагался высокий штраф, и они должны были подвергнуться тюремному заключению на 10—14 дней. Это же наказание полагалось и за «незаконную торговлю скорняжными изделиями и за посредничество в каких-либо торговых сделках»¹⁰⁴. Таким образом, возможности сыромятников как-то связаться с рынком все больше и больше ограничивались. Видимо, этот ордонанс стал возможен лишь потому, что сыромятники фактически оказались уже подчинены скупщикам-скорняками. Их включение в компанию купцов-скорняков — лишь завершение этого процесса и организационное закрепление их подчинения.

Скупкой готовых изделий в XV веке, вернее всего, занимались и оловянщики, когда они осуществляли право надзора в различных графствах Англии. К началу XVI века скупка готовых изделий стала у них настолько обычным делом, что зафиксирована в королевском статуте. В статуте от 1504 года указано, что в случае, если контролеры-оловянщики обнаружат изделия плохого качества, то «те лица, которые забирают новые товары у оловянщиков, чтобы продать их», должны кон-

¹⁰² Ibid., p. 330—331.

¹⁰³ Ibid. Томас Леги (т. е. Томас Длинноногий), скорняк, был мэром Лондона с 1348 по 1355 год (см. W. Herbert, v. II, p. 318).

¹⁰⁴ H. T. Riley. Memorials..., p. 331.

фисковать эти товары (половина должна была пойти королю, половина тем, кто осуществлял это право надзора)¹⁰⁵. Здесь, кстати, содержится и указание на то, что право надзора осуществляли купцы, а не квалифицированные ремесленники.

Суконщики, начиная с XIV века, прилагали огромные усилия, чтобы отделать другие гильдии, имеющие дело с сукном, от рынка сбыта (а отсюда всего один шаг, чтобы стать для них раздатчиками сырья).

К началу 60-х годов XIV века им удалось добиться довольно значительных привилегий. По патенту Эдуарда III от 1364 года они получили преимущественное право на розничную торговлю сукном. Такие гильдии, как ткачи, красильщики, сукновалы, должны были продавать сукно оптом «только им и никому больше»¹⁰⁶, то есть уже во второй половине XIV века они смогли отрезать ряд гильдий от рынка сбыта, что само по себе явилось важным этапом в дальнейшем наступлении на их самостоятельность.

Суконщики получили разрешение избирать ежегодно четырех человек, которые наблюдали бы за выполнением этого патента, прибегая в случае необходимости к помощи мэра и шерифов¹⁰⁷. Таким образом, богатые купцы-суконщики смогли обеспечить себе поддержку королевской администрации. Об идентичных процессах свидетельствуют и другие источники. Мы уже имели возможность убедиться, что в борьбе за право надзора одерживали победу купеческие элементы, которые стали между непосредственным производителем и рынком, как это было в споре между ножовщиками, с одной стороны, изготовителями ножен и изготовителями клинков — с другой. Но параллельно шел процесс глубокого внутреннего разложения внутри каждой из названных гильдий.

Сохранилась объединенная петиция ножовщиков и изготовителей клинков от 1408 года. Она свидетельствует о том, что отдельные лица из этих ремесел уже в значительной мере оторвались от непосредственного производства и занимались тем, что скупали ножи и клинки, выделанные за пределами данной гильдии (а возможно, являлись в какой-то мере раздатчиками сырья для многочисленных ремесленников, живущих вне Лондона). Авторы петиции, представляющие интересы мелких товаропроизводителей этих ремесел, жалуются на то, что чужа-

¹⁰⁵ Ch. Welch..., p. 101.

¹⁰⁶ A. H. Johnson, v. I, Appendix, p. 207.

¹⁰⁷ Ibid.

ки из различных частей Англии продают ножовщикам из Сити ножи и клинки с маркой, сходной с маркой лондонских изготовителей клинков. Они просят приказать, чтобы «никто из указанного ремесла ножовщиков не покупал впредь ножи и клинки, сделанные в деревне»¹⁰⁸.

Интересно, что петиционеры просят принять меры не непосредственно против деревенских ремесленников, а против скупщиков из своих же гильдий, то есть явно купцов, скрывавшихся за именем ремесленников, понимая, видимо, их руководящую роль в этом.

Скупка готовых изделий теснейшим образом переплеталась с раздачей сырья. Выше уже шла речь о возможности раздачи сырья богатыми скупщиками-ножовщиками изготовителям клинков, ножен.

По решению городского совета от 1438 года старшины лондонских оловянщиков могли скупать четвертую часть олова, привозимого на продажу в Лондон. Представляется несомненным, что его раздавали ремесленникам¹⁰⁹.

В XIV—XV веках в лондонском ремесле уже наблюдаются зародыши новых капиталистических форм производства, правда, в самом зачаточном состоянии.

Очень любопытен ордонанс перчаточников от 1349 года: «...некоторые лица, которые не являются членами данного ремесла, берут себе слуг из людей этого ремесла и сажают их тайно работать в своих домах, чтобы делать перчатки из гнилой и плохой кожи для продажи оптом иногородним розничным торговцам, прибывающим в Сити, во вред жителям и к большому соблазну для добрых людей указанного ремесла»¹¹⁰. Видимо, речь идет о попытках организации капиталистической простой кооперации. Инициаторами этого процесса в данном случае были не члены гильдии («которые не являются членами данного ремесла»), вернее всего — купцы. Этот процесс прослеживается и в других источниках.

Галантерейщик Сэр Роберт Биллисан в завещании, составленном в 1492 году, оставил 5 ф. «прядильщикам шерсти и вязальщикам шляп, которые служили ему»¹¹¹. Суконщик Генри Айбертон в завещании от 1490 года, наряду с целым рядом земель и строений, особо упоминает сад, к которому примыкал

¹⁰⁸ H. T. Riley. Memorials..., p. 568.

¹⁰⁹ Ch. Welch..., p. 13.

¹¹⁰ H. T. Riley. Memorials..., p. 246.

¹¹¹ S. Thrupp. The Merchant class of medieval London in XV century, 1962, p. 11.

участок для ширильной рамы¹¹², необходимой на завершающих этапах производства сукон. Эта отделка вернее всего совершалась руками наемных рабочих.

Скупка готовых изделий, раздача сырья, то есть вторжение купеческого капитала в гильдии и явилось началом их подчинения.

Чаще всего подчинение, а затем и поглощение, то есть амальгамация возможна была между объединениями профессионально родственными. Так, лондонские виноторговцы, импортировавшие вино из Гаскони, в XV веке подчинили себе держателей таверн¹¹³. Торговцы кожами уже со второй половины XIV века стали подчинять себе ремесленников, имеющих дело с обработкой и выделкой кож¹¹⁴. В течение XV века формируются компании рыботорговцев, торговцев жестяными изделиями, скорняков, пекарей и другие.

Но родственность профессий далеко не всегда являлась обязательным условием амальгамации. Это легко проследить на примере основания компании лондонских бакалейщиков. В 1345 году объединилась группа лондонских купцов, торгующих перцем, в действительности — вообще пряностями. Очень быстро разбогатев, они смогли поставить в зависимость от себя, а затем и поглотить аптекарей¹¹⁵. Спустя очень недолгое время они подчинили себе и канатчиков¹¹⁶. Если аптекари в какой-то мере родственны продавцам пряностей, то канатчики в профессиональном смысле весьма далеки от них.

На протяжении XV—XVI веков в одну компанию попадали люди столь разнородных профессий, как обойщики, лудильщики и продавцы письменных принадлежностей¹¹⁷. И если в Лондоне, где сфера приложения капитала была несравненно шире, чем во всех прочих английских городах, шло все же в основном подчинение родственных компаний, то в провинции профессиональный принцип зачастую вовсе исчезал. Очень показателен в этом смысле пример Гулля (Халла), где в 1598 году компания ювелиров подчинила себе музыкантов, паяльщи-

¹¹² Calendar of wills..., p. 602.

¹¹³ У. Кеннингген. Рост английской промышленности и торговли, стр. 328.

¹¹⁴ G. Unwin. Industrial Organization..., p. 20.

¹¹⁵ Studies in English trade..., p. 248.

¹¹⁶ Ibid., p. 249.

¹¹⁷ У. Эшли. Экономическая история в связи с экономической теорией, 1897, стр. 428.

ков, изготовителей корзин¹¹⁸. Примерно то же происходило и в г. Рай. В 1575 году пекари этого города обратились с петицией к городскому муниципалитету. Они просят принять меры против пивоваров, которые вторгаются в их торговлю и захватывают ее «к величайшему обеднению пекарей этого города, их жен, детей, семей, что противно справедливости и совести»¹¹⁹. Очевидно, разбогатевшие пивовары, не имея широкой сферы для приложения своих капиталов, стремились подчинить себе другие профессии.

Как мы уже отмечали, зачинателями этого процесса в подавляющем большинстве случаев выступали представители купеческого капитала. У бакалейщиков это были торговцы пряностями, в сукноделии — суконщики, богатые купцы, занимавшиеся скупкой и продажей сукна. Для них это было проще и естественней, чем, допустим, для ткачей, валяльщиков, красильщиков и других профессий¹²⁰.

Амальгамация — это одна из форм концентрации капиталов на ранних стадиях развития капитализма. Итогом ее являлось возникновение ливрейных компаний.

Возникнув в связи с быстрым ростом капиталов, ищущих себе приложение, ливрейные компании отражали все противоречия своей эпохи.

Выросшие из средневековых корпораций, сохранив старую феодальную вывеску, они старые формы заполняли новым содержанием. Раздача сырья, сосредоточение всех прав на сбыт готовой продукции в руках очень немногих является несомненным отражением новых моментов в развитии английской промышленности в этот период.

В какой-то мере мы можем говорить и о возникновении простой кооперации в пределах ливрейных компаний, хотя это еще не является самым главным для той эпохи. Ливрейные компании давали возможность наиболее богатым заправилам — купцам, прикрываясь вывеской членства в корпора-

¹¹⁸ Sir John Clapham. A Concise Economic History of Britain from the Earliest Times to A. D. 1750. Cambridge, 1949, p. 255.

¹¹⁹ English Economic History. Select Documents. Ed. A. E. Bland, B. A. Brown, R. S. Tawney, L., 1913, p. 294. В последней четверти XVI века серия таких подчинений и слияний произошла в г. Ипсвиче (С. Clapham, p. 225). В провинции эти процессы происходили позже, чем в Лондоне.

¹²⁰ Очень тонко и точно выразил суть этих процессов К. Маркс: «На пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, ч. I, стр. 363).

ции, вырваться за ее пределы в своей торговой деятельности. И не удивительно, что уже с конца XV века, а тем более в XVI веке, члены крупных лондонских ливрейных компаний участвовали в таких торговых объединениях, как компания Купцов-авантюристов, Московская компания, Восточная, Левантийская, а в XVII веке и в такой, как Ост-Индская. В большинстве это были крупные оптовики из компании торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, скорняков, галантерейщиков и др. Ведь для того, чтобы стать членом компании Купцов-авантюристов (если не было предшествующего стажа ученичества или же родителей — членов данной торговой компании), надо было внести так называемый выкуп, суммой в 200 ф.¹²¹, что доступно было очень немногим¹²². Вступительный взнос в Восточной компании был значительно меньше: самый высший — 40 марок¹²³ (те купцы, которые торговали прежде с Испанией и Португалией, или же купцы-авантюристы платили только 10 ф.)¹²⁴. Но здесь, как и во всех остальных компаниях этого типа, наблюдается строго олигархическая тенденция: в Хартии Восточной компании строго оговаривается, что ни один ремесленник или розничный торговец не может стать членом компании¹²⁵.

Итак, ливрейные компании открывали некоторые новые возможности для приложения капитала. Не следует, однако, это новое абсолютизировать. Возникнув на базе цехового строя, ливрейные компании, даже самые значительные из них, носили еще черты корпоративной замкнутости, цеховой ограниченности. Даже само название «ливрея» корнями своими уходит в средневековье¹²⁶. Правда, в данном случае это чисто внешнее сходство. В компании ливрея — это наиболее богатая, влиятельная ее часть. В противовес ливрее в компаниях выделялись так называемые йоманри, включавшие массу ремеслен-

¹²¹ В. Стоклицкая-Терешкович. Страница из истории «Merchant-Adventurers» РАНИОН. — Уч. записки т. II, М., 1927, стр. 88.

¹²² По подсчетам американской исследовательницы С. Трап, $\frac{1}{3}$ ливреи (т. е. наиболее богатой части) компании бакалейщиков в XV веке имела доход меньше 100 ф. стерлингов (S. Thrupp. The merchant class..., p. 100).

¹²³ 26 ф. 13 ш. 4 п.

¹²⁴ The Arts and Ordinances in the Eastland Company. Ed. by M. Sellers, L., 1906, p. 148.

¹²⁵ Ibid., p. 144—145.

¹²⁶ Ливрея, как известно, носили слуги лордов, баронов и т. д.

ников и мелких розничных торговцев¹²⁷. Деление на эти две четко разграниченные части является результатом амальгамации: есть все основания полагать, что в йоманри в основном входили подчиненные, поглощенные гильдии (верхушка их, разумеется, могла слиться с ливреей). Все эти сложные явления должны явиться предметом особого изучения, можно только отметить, что ливрея в XVI веке во многих компаниях замыкается¹²⁸.

Соотношение старого и нового в различных ливрейных компаниях было неодинаково. Происхождение, характер деятельности компании имели в данном случае немалое значение. Компания ювелиров, например, была более консервативна, чем компания бакалейщиков или галантерейщиков. Торговля ювелирными изделиями в большинстве случаев была все же связана с их производством, и в XVI веке ювелир чаще всего был и производителем и продавцом своих изделий. Само производство здесь требовало больше навыков и еще в конце XV века срок ученичества в компании ювелиров составлял 9 лет, а после указа от 1478 года, предписавшего штрафовать мастера, который держит ученика, не умеющего читать и писать, и того больше¹²⁹. Здесь в полной мере сохранилось положение о шедевре¹³⁰, в конце XV века еще очень строго штрафовали за разглашение секретов ремесла¹³¹, за вечернюю работу¹³² и т. д. Но даже у ювелиров мы уже наблюдали возможность поступления без предварительного ученичества, выделение чисто торговых элементов, не связанных с самим производством. Именно в компании ювелиров, где так строго следили за сохранением секретов ремесла, некий Джон Кирк, которого об-

¹²⁷ Представляется интересной мысль Понтифкса, который термин *youngermen* выводит из *youngermen*, указывая тем самым не столько на возраст, сколько на социальное положение йоманри в компаниях (В. Pontifex. *The City London Liver Companies, L., 1939, p. 11*).

¹²⁸ Ливрея тоже была неоднородной. Анвин приводит любопытный факт из истории компании бакалейщиков: в 1430 году у них 55 человек носили ливреи полностью, 17 — только капюшоны (G. Unwin. *Gilds and Companies, p. 191*). К сожалению, мы не можем пока точно выяснить, в какой зависимости от этого обстоятельства изменялись права членов ливреи.

¹²⁹ В мемориалах компании ювелиров от 1494 года мы находим запись о том, что ученик согласился служить своему мастеру не 9, а 10 лет, при условии, что мастер будет посылать его в течение года учиться писать (Memorials of the Goldsmiths' Company..., p. 31).

¹³⁰ Ibid., p. 78.

¹³¹ Ibid., p. 62. i

¹³² Ibid., p. 26.

винили в разглашении этих тайн, не побоялся заявить, что он должен учить других и будет делать это за деньги и впредь¹³³. Правда, этот инцидент относится уже к 1560 году, но ведь и компания ювелиров строже, чем многие другие, придерживалась старых цеховых норм и ограничений.

Форма ливрейных компаний, это своеобразное приспособление цеховой системы к социально-экономическим сдвигам, происходившим в Англии, не успевала за темпами экономического развития, быстро дряхла и устаревала, превращаясь в тормозящий фактор. И уже в XVI веке наиболее дальновидные представители растущей буржуазии выражают свое недовольство этими ветшающими формами.

Член компании бакалейщиков Колмли в 1553 году пишет трактат «Просьба и ходатайство честного англичанина»¹³⁴, где наряду с позитивной программой, которая сводится к требованию заменить торговлю грубыми сукнами торговлей сукнами обработанными, подвергает критике ливрейные компании. Он обвиняет их в узости взглядов, ограниченности интересов только гильдейскими делами¹³⁵. Колмли убежден, что все было бы по-другому, если бы суконщики, красильщики, сукноделы интересовались общими делами (имеются в виду общегосударственные дела) в такой же мере, в какой они заинтересованы в организации празднеств при избрании должностных лиц, общих трапез¹³⁶ и т. д.

Однако не следует забывать, что это произведение писалось в середине XVI века, в то время, когда в Англии не только налицо были основные условия для развития капиталистического производства, но и сами новые формы производства получили значительное распространение. Совсем иное дело XIV—XV века. В тот период ливрейные компании были явлением несомненно прогрессивным, открывавшим новые возможности для дальнейшей концентрации и приложения капиталов.

¹³³ Ibid., p. 62.

¹³⁴ *The Request and Suite of a True Hearted Englishmen written by William Cholmely. Londoner in the year 1553. Ed. by Thomas F.*

¹³⁵ Ibid., p. 3, 13.

¹³⁶ Ibid., p. 16.

В. В. Штокмар

Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI веке

В исследованиях по экономической и социальной истории Англии XVI века основное внимание обычно привлекает проблема генезиса капиталистических отношений, ростки нового способа производства. И если проблема огораживаний и разложения феодальной деревни нашла многочисленных исследователей, то явления упадка старых цеховых центров, хотя достаточно известные историкам, все же не стали объектом столь же пристального внимания.

Между тем примечательно, что упадок старых городов беспокоил тюдоровских законодателей, особенно в первой половине XVI века, не меньше, чем огораживания и депопуляция.

По мнению большинства историков¹, явление упадка находилось в прямой связи с ростом новой, мануфактурной, особенно развитой в сельских местностях промышленности, успешно конкурировавшей со старым цеховым ремеслом городов.

Современники объясняли упадок городов рядом обстоятельств², среди которых они в первую очередь указывали на рост конкуренции внецеховой промышленности и на губительную для провинциальных портов роль Лондона, ставшего крупнейшим центром мировой торговли, и лондонских торговых компаний, нарушавших привилегии провинциальных кор-

¹ S. Kramer. The English craft guilds and the government. N-Y., 1905; R. Ehrenberg. Hamburg und England im Zeitalter d. Königin Elizabeth. Jena, 1896; G. Unwin. Studies in Economic History. L., 1927; E. F. Heckscher. Mercantilism. L., 1935.

² J. Stow. Apologie of London (Survey of London, v. II, Oxf., 1908);

пораций. Иногда, если речь шла о небольших городах, живущих производством хлеба, указывалось и на роль огораживаний, приведших к обезлюдению и запустению их.

Общеизвестно, что упадок старых центров отнюдь не означал падения английского города вообще, так как одновременно с этим упадком возникали и быстро развивались новые города, связанные с мануфактурным производством.

Цель настоящего небольшого обзора — проследить некоторые направления тюдоровского законодательства, связанного с проблемой упадка провинциальных городов.

Для первой половины XVI века, в частности для правления Генриха VIII, характерно обилие идущих в полном соответствии с законами против огораживаний статуты о необходимости восстановления пришедших в упадок местечек и городов.

С середины XVI века статуты этого рода уступают место законам о поддержании падающего цехового ремесла в провинциальных городах³. Законы эти стремятся защитить цеховое ремесло от конкуренции сельской промышленности мануфактурного типа. Но с каждым новым законом все больше делается исключений из правил, ограничивающих развитие мануфактуры. Исключения делаются для районов наиболее интенсивного развития производства нового типа⁴.

С другой стороны, во второй половине XVI века все чаще (хотя частично это делалось и раньше) в статутах о сборе субсидий появляются пункты о скидках и освобождениях для обедневших городов. В то же время со страниц английского законодательства в этот период исчезают общие постановления об обязательном восстановлении разрушенных домов в провинциальных городах.

Рассмотрим группу законов первой половины XVI века, трактующих об упадке городов.

В упадке ряда городов, по мнению законодателей начала XVI века, виновны огораживания. Статут 1514/15 года говорит о возрастающих неудобствах, вызываемых запустением и разрушением домов и городов и тем, что обращаются в пастбища земли, население которых обычно занималось хлебопашеством.

³ Statutes of the Realm of England, ed. by A. Luders, T. E. Tomlins. 11 vols. London, 1810—1828; vol. III—IV: 25 Henr. VIII, c. 18; 4 & 5 Ph. & M., c. 5; 1 Eliz., c. 14 etc.

⁴ В. В. Штокмар. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета, гл. II, Л., 1962.

При этом в статуте отмечается, что «города и рыночные города приходят в великое разорение и упадок»⁵.

В данном случае позволительно думать, что речь идет в первую очередь о городах, живущих земледельческими занятиями или являющихся центрами земледельческих округов, в которых развернулись интенсивные огораживания, приведшие к полному перевороту во всех отношениях. Результатом этого переворота было общее сокращение населения и отток торгово-ремесленных элементов из опустевших районов.

В тридцатые годы XVI века парламент уже более настойчиво возвращается к вопросу о приходящих в упадок городах. Так, в акте 1531 года о городе Саутгемптоне⁶ в качестве причины ухудшения положения горожан, наряду с непосильностью фирмы, которую город платит королю, указывается уменьшение торговых пошлин с иностранных купцов и сокращение торговли.

Аналогичный мотив выдвигается и в акте об отмене привилегии, выданной корпорации города Кингстон-на-Гулле⁷. В июне 1533 года горожане этого города получили от Генриха VIII привилегию, по которой иностранным купцам и купцам из других городов Англии запрещалось покупать и продавать товары в Кингстоне. Делать это могли только купцы, принадлежавшие к корпорации этого города. От этой привилегии, по словам закона того же года, несут большой ущерб города Линкольн, Беверли, Ньюкасл, Ноттингем и Йорк, для которых Кингстон⁸ являлся портом. Если это продлится, то неизбежно разорение и упадок вышеуказанных городов. Учитывая все это, король и парламент отменяют привилегии, ранее выданные Кингстону-на-Гулле.

Из этого статута становится совершенно ясной причина разорения и упадка ряда северных городов: это выдача правительством городу-конкуренту привилегии, ущемляющей интересы указанных городов.

В 1535 г. издается акт о застройке пустырей в городе Нориче⁹. В нем говорится, что за двадцать пять лет до этого, во время большого пожара, сгорели многие дома и образовалось много пустырей там, где до пожара стояли большие и богатые жилые постройки. Для характеристики жизни в Нориче

⁵ 6 Henr. VIII, с. 5.

⁶ 22 Henr. VIII, с. 19, 20.

⁷ 24 Henr. VIII, с. 15.

⁸ Kingston-upon-Hull.

⁹ 26 Henr. VIII, с. 8.

очень важно, что и в 1535 г., по словам статута, эти пустыри остаются незастроенными. Они не только не застроены, но заброшены, а развалины необитаемы. Полные грязи и нечистот, многие из них примыкают к большой дороге, что ведет к большому вреду для горожан и других проезжающих там королевских подданных.

Для того чтобы исправить это зло, статут приказывает владельцам сгоревших домов отстроить их за два года. Если они этого не выполнят, то в следующие два года дома должны быть отстроены городской корпорацией. А если и тогда распоряжение не будет выполнено, то развалины и пустыри снова возвращаются к прежним владельцам. Иными словами, законодатели как бы заранее расписываются в своем бессилии, а закон имеет смысл лишь постольку, поскольку он показывает озабоченность правительства существующим положением.

Тогда же был издан статут о застройке пустырей в городе Линне, в Норфолке¹⁰. В этом акте говорится, что многие некогда застроенные городские участки уже в течение ряда лет находятся в большом упадке и запустении. Приливы и ярость морских волн, подступающих к городу и обрушивающихся во время бурь на эти заброшенные участки, грозят бедой в ряде районов этого города, к великому вреду и ущербу как самого города, так и разных лиц, имеющих владения по соседству с этими опустевшими участками. Владельцы же опустевших участков не хотят восстанавливать и отстраивать эти усадьбы и держания, дабы укрепиться и защититься от ярости моря. Если прилегающие к морю участки не будут восстановлены, то городу грозит еще большее запустение. Далее статут предписывает владельцам разоренных участков восстановить усадьбы в течение года. В противном случае эта обязанность падает на лордов этих держаний. А если и тогда ничего не будет сделано, то на городскую корпорацию. Акт заканчивается указанием, что если и городская корпорация ничего не делает, то обязанность восстановления вновь возлагается на владельцев разоренных усадеб.

Снова законодательство оказывается в заколдованном кругу.

Наконец, в 1536 г. был издан общий статут об отстройке различных городов в королевстве¹¹. Этот акт, прежде всего, констатирует разорение таких городов, как Ноттингем, Шрус-

¹⁰ 26 Henr. VIII, с. 9.

¹¹ 27 Henr. VIII, с. 1.

бери, Ладлоу, Бриджпорт, Квинборо, Норгемптон и Глостер. Далее в нем говорится, что в упомянутых городах многие дома, усадьбы и некогда населенные держания уже давно находятся в великом разорении и упадке, особенно же на главных улицах, где в прошлые времена были прекрасные жилые дома со многими обитателями. Теперь большая часть их заброшена: это пустыри с ямами, погребами и подвалами, неогороженными и очень опасными для людей, проходящих там ночью с риском для жизни. Статут повелевает владельцам восстановить в течение трех лет разоренные дома. Если владельцы этого не сделают, то восстанавливать дома должны лорды, от которых они держат свои участки. В случае, если лорды ничего не сделают, должны взяться за дело мэры и городские корпорации. По истечении всех сроков, если ничего не будет сделано, то участки с развалинами возвращаются прежним владельцам.

В том же году был издан статут о сохранении и поддержании гаваней и портов в графствах Девон и Корнуолл¹². В нем говорится о большом вреде, причиняемом гаваням этих графств работами по отводу вод из оловянных рудников.

Аналогичен статут 1540 г.¹³, в котором уже прямо названы в качестве пострадавших порты Плимут, Дартмут, Тинмут, Фальмут и Фон.

Если эти статуты касаются более или менее частных вопросов и отдельных городов, то в 1541 году парламент принял два больших статута общего значения, являющихся самыми крупными из всех актов этого рода. Первый из них¹⁴ касается 36 английских городов (см. таблицу). В этом списке наряду с небольшими городами, впоследствии окончательно утратившими значение, встречаются такие, затем обретшие полнокровную жизнь, как Йорк, Линкольн, Бат, Бристоль, Портсмут, Саутгемптон, Большой Ярмут, Ньюкастл и другие. Перестройка и возрождение этих городов на новой основе произошли значительно позднее, а в указанный период они находились в упадке, — в связи с кризисом цехового строя, конкуренцией сельской мануфактуры и особенно мощных лондонских торговых компаний.

В акте 1541 г. говорится, что некогда в этих городах было множество прекрасных жилых домов, которые теперь обвет-

¹² 27 Henr. VIII, c. 23 (см. также 23 Henr. VIII, c. 8).

¹³ 31 Henr. VIII, c. 8.

¹⁴ 32 Henr. VIII, c. 18.

ГОРОДА, УПОМЯНУТЫЕ В АКТАХ О ВОССТАНОВЛЕНИИ И ОТСТРОЙКЕ ЗДАНИЙ

32 Генр. VIII, гл. 18

Йорк	Бэкингам	Шефтон	Шрусбери
Линкольн	Помфрет (Понте-фрак)	Шерборн	Честер
Кентербери	Грантем	Бирпорт	Ладлоу
Ковентри	Экзетер	Дорчестр	Хаверфорд Уэст
Бат	Ипсвич	Уэймут	Пемброк
Чичестер	Саутгемптон	Плимут	Тенби
Солсбери	Грейт-Ярмут	Баристапл	Кармартен
Уинчестер	Окфорд	Тавесток	Монитгомери
Бристоль	Грейтуникем	Дартмут	Карлифф
Скарборо	Гилфорд	Ланстон	Суонси
Герефорд	Истрофорд	Лискард	Каубридж
Кольчестер	Кингстон-на-Гулде	Лестутиел	Нью-Раднор
Рочестер	Ньюкастл-на-Тайне	Болмин	Престенд
Портсмут	Беверли	Труро	Брекнок
Пул	Бедфорд	Хелстон	Монмут
Лайм	Лейстер	Бриджуотер	Молдон (Эссекс)
Февершем	Баранк	Таунтон	
Вустер		Сомертон	
Стаффорд		Молдон (Эссекс)	
		Уорик	

32 Генр. VIII, гл. 19

Кентербери	Кентербери
Рочестер	Рочестер
Стемфорд	Грейт-Гримсби
Грейт-Гримсби	Кембридж
Кембридж	Дерби
Дерби	Гилфорд
Гилфорд	Дэнуч
Дэнуч	Льюнс
Льюнс	Бэкингам
Бэкингам	Пять портов:
Пять портов:	Дувр
Дувр	Хайт
Хайт	Ромни
Ромни	Сэндвич
Сэндвич	Гастингс
Гастингс	Рай
Рай	Сифорд
Сифорд	Уинчелси
Уинчелси	

33 Генр. VIII, гл. 32, гл. 36 35 Генр. VIII, гл. 4

Шрусбери	Шрусбери
Честер	Честер
Ладлоу	Ладлоу
Хаверфорд Уэст	Хаверфорд Уэст
Пемброк	Пемброк
Тенби	Тенби
Кармартен	Кармартен
Монитгомери	Монитгомери
Карлифф	Карлифф
Суонси	Суонси
Каубридж	Каубридж
Нью-Раднор	Нью-Раднор
Престенд	Престенд
Брекнок	Брекнок
Монмут	Монмут
Молдон (Эссекс)	Молдон (Эссекс)

шали и обрушились. Они стоят брошенными развалинами на пустых участках, примыкающих к большим проезжим дорогам. Эти разваливающиеся дома полны нечистот и грязи. Ямы, подвалы и погреба открыты и не огорожены: они представляют великую опасность для жителей этих городов и других проходящих мимо королевских подданных. Многие же дома настолько ветхи, что грозят обрушиться на прохожих. Меры для исправления этого зла предлагаются те же, что и в предыдущем статуте.

В дополнение тогда же был принят статут¹⁵, касающийся ряда городов в западных графствах Дорсет, Девон, Корнуол, Сомерсет, а также в Эссексе и Уорикшире. Всего в нем был перечислен 21 город (см. таблицу). Меры принимаются те же самые.

Далее в 1542 г. был принят акт о восстановлении Кентербери, Стамфорда и ряда других городов¹⁶. В нем перечислено всего десять городов, помимо конфедерации Пяти портов. Предлагаются аналогичные меры. И, наконец, в 1544 г. издается акт о восстановлении и отстройке разрушенных домов и жилых зданий в городах Англии и Уэльса¹⁷. В нем перечислены 24 города, терпящих бедствие (см. таблицу), и снова предлагаются прежние меры.

Практически правительство и парламент, издавая указанные статуты, ограничиваются констатацией факта разорения, и не делают ничего радикального для исправления зла. Не делают, ибо ничего и не могут сделать, так как предписания разорившимся собственникам домов, их лордам и городским корпорациям о восстановлении зданий никого ни к чему не обязывают. Сами законодатели готовы к тому, что если никто так и не отстроит разрушенных домов, то развалины по истечении определенного срока возвратятся к своим прежним владельцам.

Приведенные в статутах списки терпящих бедствие городов интересны с точки зрения общей характеристики картины городской жизни Англии этой эпохи.

Оставляя в стороне вопрос о правительственной политике поддержки цехового ремесла, приобретающей ярко выраженный характер в середине XVI века, остановимся на проблеме взимания субсидий с обедневших городов. Считаюсь с

¹⁵ 32 Henr. VIII, с. 19.

¹⁶ 33 Henr. VIII, с. 32, 36.

¹⁷ 35 Henr. VIII, с. 4.

бесспорным фактом оскудения ряда старых городов, правительство, начиная с 1541 года¹⁸, вводит в очередные акты о парламентских субсидиях оговорку о скидке для обедневших городов, с назначенной суммы субсидии. Эта оговорка в билле о субсидии 1541 года звучит так: «за исключением скидки в 24 000 фунтов, то есть по 6 000 фунтов с каждого из четырех полных сборов «пятнадцатых» и «десятых», для облегчения и помощи бедным городам и местечкам этого королевства, разоренным, обезлюдевшим, разрушенным, чрезмерно обедневшим или еще в каком-либо отношении слишком обремененным для уплаты этих «пятнадцатых» и «десятых»¹⁹.

Сопоставление этого закона со статутами этой же парламентской сессии о восстановлении обедневших городов позволяет прийти к определенному выводу о состоянии этих городов: очевидно, что собрать с них субсидию в полном объеме было немислимо.

Во второй половине XVI в. (после 1544 года) мы уже не имеем общих актов об отстройке домов в обедневших городах. Зато статуты о парламентских субсидиях систематически возвращаются к вопросу о скидках для обедневших городов с общей суммы субсидии.

Практика скидок, начатая в 1541 году, продолжается в течение всего XVI века. Большая часть актов о субсидиях вплоть до конца правления Елизаветы имеет лишь оговорку об исключении из числа плательщиков конфедерации Пяти портов и некоторых других специально поименованных пунктов и лиц²⁰. Однако отдельные статуты полностью повторяют положения закона 1541 г. о большой общей скидке для обедневших городов. Это акт 1546 г., дающий «бедным городам» скидку в 12 000 фунтов. Особенно следует отметить статуты о субсидии 1588/89 года и 1593 г., когда общая, крайне напряженная обстановка в стране (в первом случае — война, а во втором — голод) настоятельно требовала экстренных мер и неоспоримо свидетельствовала о невозможности собрать полную субсидию. В акте о субсидии 1588/89 года, устанавливавшем сбор четырех пятнадцатых и четырех десятых на срок в

¹⁸ 32 Henr. VIII, с. 50.

¹⁹ 32 Henr. VIII, с. 50.

²⁰ 2 & 3 Edw. VI, с. 36; 7 Edw. VI, с. 12; 29 Eliz., с. 8. Пять портов — это группа обладавших определенными привилегиями южноанглийских портов. Первоначально их было пять, а затем стало восемь: Дувр, Хайт, Ромни, Сэндвич, Гастингс, Рай, Сифорд, Уинчлси.

четыре года, имеется оговорка о скидке в 6 000 фунтов в год с суммы, которая шла с «бедных городов». Всего скидка составляла 24 000 фунтов и делалась в целях помощи и облегчения «бедным городам» и местечкам Англии, заброшенным, обезлюдившим, разрушенным или иным образом обедневшим²¹.

Аналогичная скидка (даже в более широком объеме) дается по акту о субсидии 1593 года²². В этом акте полностью повторяется формула о «бедных городах». Эта формула сама по себе очень любопытна: слова о том, что скидка дается ради помощи и облегчения обедневшим городам, прикрывают с очевидностью официальное признание факта оскудения этих городов и невозможности собрать с них полную сумму субсидии по традиционной раскладке.

Даже краткий обзор тюдоровских законов, касающихся вопроса об обедневших городах, позволяет в какой-то мере пополнить наше представление об экономической политике Тюдоров в отношении приходящих в упадок центров старого цехового ремесла и старых английских провинциальных портов, не выдерживающих конкуренции с мануфактурной промышленностью и с Лондоном.

И если в первой половине XVI века правительство лишь тщетно взывает к владельцам и городским корпорациям, требуя отстройки разрушенных зданий, то в последующий период оно вынуждено признать факт оскудения и довольствоваться получением меньших сумм при сборе субсидий с разоренных городов.

²¹ 31 Eliz., с. 15.

²² 35 Eliz., с. 13.

А. Н. Немилев

К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге

Средневековый Нюрнберг во многих отношениях представлял собою весьма специфическое явление среди немецких городов. Возникший в XI веке, он сразу стал пользоваться правами имперского города, и в сложной политической обстановке XIII—XIV вв. не примкнул ни к одной группировке городов, заботливо развивая в то же время свои торговые связи с самыми отдаленными центрами империи и с другими странами Европы. Единственная попытка цехового восстания в 1348—1349 гг. закончилась полной победой патрициата, и с этого времени олигархия городской знати прочно держит власть в своих руках, подавляя все попытки организации ремесленных цехов.

Общественную и политическую структуру Нюрнберга уже в середине XV в. сравнивали с государственным строем Венеции. Городские ремесла подчинялись Коллегии Пяти, состоящей из членов Малого Совета во главе с судебным исполнителем (pfender). Эти «Пятеро господ» осуществляли высший ремесленный суд, присваивали метризу, регистрировали учеников и т. д. Любые постановления, имеющие характер устава ремесел и регламентирующие их деятельность, выносились только Малым Советом по представлению «Пяти» и фиксировались в книге протоколов Совета. Низовыми служащими этой ремесленной администрации (rugsamt) были писари и «присяжные мастера», назначавшиеся из числа ремесленников и осуществлявшие всякого рода контроль за выполнением предписанных Советом уставных правил, клеймение продукции, визитацию, оценку шедевра и т. п.

Ремесла делились на «присяжные» (*geschworene handwerk*) и «свободные» (*freie handwerk, freie kunst*) — для первых существовали записанные правила, которые каждый допущенный к правам мастера под присягой обязывался выполнять, для вторых подобных ограничений не было. К началу XVII в. в Нюрнберге насчитывалось около 150 различных ремесел¹. Общей тенденцией их развития было стремление оформиться в цех — получить свой устав и права автономного избрания должностных лиц и осуществления низового суда. Эта тенденция проявилась отчетливо в эпоху Реформации, уже с конца XV века. По-видимому, можно считать закономерным, что борьба ремесленников-мастеров за утверждение цеховой организации происходила в теснейшей связи с возникновением в сфере производства форм раннего капитализма — с одной стороны, и с обострением классово-борьбы, выражавшейся в выступлениях подмастерьев и наемных рабочих, — с другой стороны. В конечном счете эта борьба привела к установлению в Нюрнберге цеховой системы уже к середине XVI в., но природа этих цехов, как и в других наиболее развитых городах Германии, была к этому времени иной, чем в XIV в. Опубликованные еще в XIX — начале XX вв. материалы из нюрнбергского архива дают возможность проследить некоторые моменты этой эволюции, в ходе которой формировались специфические черты раннекапиталистического производства².

Несколько своеобразный тип такой эволюции³ можно проследить на примере ремесла изготовителей пластинчатого оборонительного доспеха — платтнеров (*Plattner, Blatner, blatepaere*). Это ремесло возникает не ранее середины XIV в., когда подобный панцирь входит в употребление, но настоящая

¹ Подробнее о структуре нюрнбергских ремесел см.: E. Reicke. *Geschichte der Reichsstadt Nürnberg*. Nürnberg, 1896; E. Mummehoff. *Der Handwerker in der deutsche Vergangenheit*. Leipzig, 1901. Обе работы основаны на добросовестном изучении архивных материалов Нюрнберга.

² Такими изданиями послужили: J. F. Roth. *Geschichte des Nürnbergischen Handels*. Bd. I—IV, Leipzig, 1800—1802; J. Baader. *Nürnbergischer Polizeiordnungen aus dem 13 bis 15 Jh.* (Bibl. d. Litt. Ver. in Stuttgart, 63), Stuttgart, 1861; T. H. Hampe. *Nürnbergischer Ratsverlässe über Kunst und Künstler 1474—1618* (Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit, Bd. I), Wien—Leipzig, 1904.

³ Новейшей работой по вопросам организации раннекапиталистического производства в Нюрнберге является статья Н. Aubin «Formen und Verbreitung des Verlagswesens in der Altnürnbergischer Wirtschaft. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte Nürnbergs», Bd. I, Nürnberg, 1967.

слава нюрнбергских оружейников-платтнеров распространилась с созданием так называемого максимилиановского доспеха в последнем десятилетии XV века⁴. Квартал этих мастеров располагался на стороне св. Лаврентия, вокруг площади, получившей поэтому название Платтенмаркт. С 1478 г. платтнеры упоминаются в протоколах Совета города как «присяжное ремесло», имеющее свой устав (*ordnung und gesetz*)⁵. Именно с этого времени Совет все чаще занимается делами платтнеров, постоянно обращающихся с просьбами о внесении все новых ограничений в устав. С 1489 г. вводится многостепенный шедевр⁶, с 1497 г. — клеймо⁷. Одновременно устанавливается регламентация самого материала, из которого изготавливается панцирь.

К концу XV в. ремесло платтнеров, принадлежавшее, несомненно, к числу привилегированных, представляло собой следующую организацию. Всего имелось более ста мастеров⁸ — из этого числа несколько мастеров «полного доспеха» являлись «присяжными», то есть производили визитацию и клеймение готовой продукции. «Частичные мастера», то есть получившие право производить лишь часть доспеха, находились, естественно, в зависимости от «полных мастеров», производивших целый доспех, — значительная часть их поэтому работает в качестве «штюкверкеров» (*stückwerker*)⁹, то есть получает частичный заказ от того или иного «полного мастера». Каждый мастер-платтнер мог держать одного ученика, обязанного по истечении срока ученичества отработать два

⁴ Эволюция ремесла платтнеров посвящена диссертация Е. Scheibe «*Studien zur nürnbergischen Waffenindustrie 1450—1550*», Bonn, 1908. Шайбе основывается на публикациях Гампе и делает интересные выводы о разделении труда внутри ремесла платтнеров, но воздерживается от социального анализа.

⁵ Т. Н. Hampe, *op. cit.*, S. 120, N 142. Шайбе необоснованно считает, что платтнеры были «присяжным ремеслом» уже с середины XV в. (E. Scheibe, *op. cit.*, S. 19).

⁶ Т. Н. Hampe, *op. cit.*, S. 80, N 395. В качестве шедевра изготавливались кираса, поножи, наручни и шлем с забралом (позже добавился пятый вид — перчатки). Соответственно мастер мог быть «частичным» (по тому или другому виду) или «мастером полного доспеха».

⁷ Т. Н. Hampe, *op. cit.*, S. 80, N 543.

⁸ В городской хронике Тухера описывается церемония встречи императора Фридриха III в Нюрнберге. Его почетный эскорт составили 100 платтнеров в доспехах — подмастерья упоминаются особо (см. K. Hegel. *Chroniken der deutschen Städte*, Bd. XII, Leipzig 1882, S. 492).

⁹ Этот термин встречается постоянно и в применении к другим профессиям — например, медников, чеканщиков бронзы (см. Т. Н. Hampe, *op. cit.* N 13, 21 и т. д.).

года подмастерьем, и одного наемного рабочего (временами Совет разрешал держать двух рабочих). Кроме того, в зависимости от ремесла платтнеров находились полировщики (polierer), попытки которых получить самостоятельный устав и права «присяжного ремесла» решительно отвергаются Советом¹⁰. По-видимому, отношения с ними похожи на отношения мастера со «штюкверкером» — полировщики лишь выполняют заказ платтнера и получают от него оплату¹¹. Характерно, что никаких ограничений в использовании «штюкверкеров» (а также и полировщиков) не существовало — возможно, это объяснялось отчасти и тем, что доспех преимущественно изготовлялся на заказ.

В конце XV в., после бургундских войн, в Германии быстро растет наемничество. В армии ландскнехтов, которая формируется после Нюрнбергского рейхстага 1487 г., облегченный доспех, состоящий из кирасы («краба») и шлема, начинает заменять тяжелое вооружение с поножами и металлическими перчатками. В 1495 г. в Нюрнберге выполняется императорский заказ на 1000 «крабов»¹². Новая рыночная конъюнктура потребовала внесения изменений в технологический процесс: для расковки стальной пластины начинают применяться механические молоты, приводившиеся в движение силой воды¹³.

17 января 1498 г. Совет города предоставил платтнерам в коллективную аренду механический молот весом в три центнера (то есть около 150 кг) сроком на три года за арендную плату 50 гульденов в год. При этом все необходимые усовершенствования и приспособления молота для своих нужд ремесло брало на себя. Совет также предоставлял ремеслу в кредит с рассрочкой на полгода 100 центнеров стали (количество, достаточное для изготовления 300 полных доспехов). Это решение Совета включает также введение цеховой монополии и клейма, удостоверяющего качество материала и работы. Корпоративная организация ремесла получила, таким образом, могучий стимул к своему укреплению. Отныне моно-

¹⁰ Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 37, N 226, S. 38, N 277.

¹¹ Шайбе рассматривает это как процесс поглощения ремеслом платтнеров ремесла полировщиков. Но именно тот факт, что просьба полировщиков о предоставлении им особого устава сперва посылается Советом на согласование к платтнерам, а затем уже отвергается (упом. выше № 277), свидетельствует о подчинении, а не о поглощении ремесла полировщиков.

¹² Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 78, N 526—527.

¹³ Так, молот дляковки бронзы на ручье Тооз в предместье Нюрнберга, Фюрте, применялся уже в начале XV века (J. F. Roth, *Bd. II*, S. 276).

полия платтнеров обеспечивалась материальной заинтересованностью правящей патрицианской олигархии, выступающей в качестве коллективного собственника средств производства — молота и материала¹⁴. Но эта победа корпоративности привела самих членов цеха к тому, что они стали арендаторами, вынужденными делиться своими доходами с городским патрициатом.

Через год, в 1499 г., платтнеры получили еще один молот, в Лауффе¹⁵. В то же время Совет вновь подтверждает старый принцип подчиненности ремесла совету Пятерых господ («ругсамту»). Возможно, выражением недовольства этим положением или протеста против системы визитации и клеймения готовой продукции присяжными мастерами ремесла, явилась попытка забастовки наемных рабочих-платтнеров в 1507 г.¹⁶ Эта забастовка явно свидетельствовала о наступлении какого-то кризиса в деле производства доспехов. В феврале 1508 г. принимается решение о строгом ограничении числа наемных рабочих, о запрещении передавать заказ на сторону, то есть использовать «штюкверкеров»¹⁷. По-видимому, сокращение императорских заказов и увеличение заказов, исходящих от того или иного из князей, привело к постепенному переходу торговли готовой продукцией в руки купцов — *verleger*'ов¹⁸. При этом Совет строго карает попытки создания автономной цеховой организации мастеров-молотобойцев, ставя этих изготовителей полуфабриката для доспеха в такое же зависимое положение от платтнеров, как и полировщиков. Любопытно, что в то же время Совет вынужден принять специальное решение для прекращения случаев продажи мастерами-платтнерами полуфабриката на сторону¹⁹.

Контроль Совета над расходом полуфабриката

¹⁴ Наиболее ранний пример такой аренды — получение ремеслом кожевников *Hadermühle* (см. J. F. Roth, *op. cit.*, *Bd. III*, S. 148).

¹⁵ Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 83, N 565.

¹⁶ *Ibid.*, S. 116, N 775.

¹⁷ *Ibid.*, S. 116—117, N 778, разрешалось иметь не более четырех наемных рабочих и одного ученика.

¹⁸ Первые упоминания об этом см. Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 161—102. Речь идет о предоставлении права торговать доспехами Гундельфингеру и братьям фон Ала. Шайбе ошибочно считает первого из них мастером-платтнером, так как имя этого купца мы встречаем также у J. F. Roth, *op. cit.*, *Bd. I*, S. 326, *Bd. II*, S. 252.

¹⁹ Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 115, N 768.

(gewölbtes zeug)²⁰ был по существу также средством эксплуатации ремесла, так как система выдачи пластин, из которых платтнеры делали кирасу, предусматривала и строго регламентированную оценку материала и готового изделия²¹. Тщательно охраняется также монополия на производство вооружения из дамаскированной стали. В 1520—1521 гг. происходила тяжба между платтнерами Нюрнберга и платтнерами местечка Фюрт, входившего также в подчиненную Нюрнбергскому Совету территорию, но сохранявшего автономию. Платтнеры Фюрта также изготавливали максимилиановский доспех, но из простого железа, между тем как клеймо Фюрта было схоже с нюрнбергским. В конце концов было принято решение о снабжении нюрнбергских доспехов из дамаскированной стали дополнительным клеймом с буквой «N»²².

В годы Реформации политика Совета в отношении ремесел приобретает все более осторожный характер. Любопытным примером этого может служить относящееся к концу 1523 г. дело о наказании подмастерьев-платтнеров за незаконное создание своей организации. Записанное в протоколе решение Совета о наказании виновных было через некоторое время отменено ввиду протеста ремесла платтнеров²³. Вскоре после того, как в городе было формально принято евангелическое богослужение, то есть проведена реформация, сторонниками которой были в первую очередь бюргерские массы, новые реформы укрепили внутреннюю цеховую структуру ремесел, в том числе и платтнеров. В 1527 г. они получили право избрания присяжных мастеров, а в 1535—1538 гг. была предпринята кодификация уставов всех ремесел города Нюрнберга, фактически явившаяся признанием установившейся цеховой

²⁰ Этот термин применяется к стальному материалу, выкованному определенной пропорции железа и стали, о чем было принято специальное решение, как бы регламентирующее этот способ (см. Т. Н. Н а м п е, *op. cit.*, S. 83, N 562). Шайбе считает, что речь идет о форме, присущей максимилиановскому доспеху, поверхность которого покрыта как бы «волнами», но в таком случае необъяснимой является зависимость от пропорции содержания железа и стали, а также вся контроверза с мастерами из Фюрта. По-видимому, термин этот происходит именно от «волнистой структуры», свойственной дамаскированной стали, из которой действительно делался нюрнбергский доспех.

²¹ В 1504 г. «gewölbtes zeug» выдавался из городского Цейхгауза по оценке 4 гульд. за 1 центнер (ок. 50 кг, одна кираса весит 14—16 кг), а каждая кираса («краб») принималась от мастеров по оценке 6 гульд. (см. Т. Н. Н а м п е, *op. cit.*, S. 99, N 679).

²² Т. Н. Н а м п е, *op. cit.*, N 1195, 1206, 1279, 1325.

²³ Т. Н. Н а м п е, *op. cit.*, N 1410, 1411, 1418.

системы, хотя и под значительным контролем городского Совета²⁴. Устав платтнеров, датированный 1538 г., дает нам возможность установить отчетливо проявившуюся тенденцию сохранения мелкотоварного производства, с его средневековой организацией, наперекор попыткам создания централизованной капиталистической мануфактуры на основе использования механических молотов для изготовления стальных пластин. Верхушку ремесла составляют «мастера всех пяти шедевров», из числа которых только и исключительно могут избираться «присяжные мастера». К этой категории относятся, в частности, известные мастера-художники, как, например, Ганс Грюневальд и его наследник и зять Вильгельм Вормсский²⁵. Грюневальд был владельцем трех домов и собственной полировальной «мельницы» (которая в конце концов была, по требованию Совета, продана), он дает в приданое за своей дочерью 300 гульденов. Вильгельм Вормсский также владеет двумя домами, с 1527 г. он становится членом Большого Совета города. Другой представитель этой категории, Валентин Зибенбюргер, в 1548 г. продает доспехи в Кракове, то есть явно выступает в качестве ферлегера. Аналогичным образом поступает, но уже без разрешения Совета и за это платится штрафом, платтнер Михель Дорш, с помощью «чужих подмастерьев» изготовлявший доспехи, которые он затем отвозил на ярмарку в Страсбург²⁶.

Едва ли прав Шайбе, называя этих мастеров «капиталистами»²⁷ — элементы капиталистической эксплуатации и наживы здесь совмещаются еще с господствующим мелкотоварным производством, в котором высокое профессиональное мастерство и нередко художественное дарование подкрепляют привилегированное положение хозяина мастерской, но размах предпринимательской деятельности всегда ограничен условиями цехового устава. Своеобразная форма коллективной аренды членами «старшего цеха» средств производства лишь ускорила эволюцию ремесла по пути приспособления к условиям интенсивной, и все же ограниченной торговли, при которой рынок, а не индивидуальный заказ определяет цену товара.

²⁴ «Aller Handwerk Ordnung und Gesetz verneut 1535». Мы пользуемся текстом, приводимым Е. Scheibe, *op. cit.*, S. 15, 32, 93.

²⁵ Des Neudörfers Nachrichten von Künstlern und Werkleuten... hg. v. G. W. K. Lochner, Wien, 1875. (Quellenschr. f. Kunstgeschichte u. Kunsttechnik des Mittelalters u. der Renaissance, Bd. X), S. 54—55, 56—63.

²⁶ Т. Н. Н а м п е, *op. cit.*, N 3095, 3145.

²⁷ Е. Scheibe, *op. cit.*, S. 91—92.

Вместе с тем существует — и в достаточной степени — жесткая монополия производства, обеспечиваемая интересами городских властей.

Ремесло платтнеров с конца XVI века, по мере отмирания самого доспека, постепенно приходит в упадок. Но сходные черты внутренней эволюции ремесла можно обнаружить также в XVII веке в ряде художественных ремесел и в галантейном производстве, чем особенно славился Нюрнберг. Мурр в своих материалах по истории нюрнбергских ремесел дает несколько таких примеров — воспользуемся одним из них. Речь идет об изготовителях золотой и серебряной канители, которую в XVII в. в большом количестве вывозили на франкфуртские и лионские ярмарки. «Там было, — пишет Мурр, — очень много мастеров, которые вынуждены были работать поштучно на дому. Тогда то один, то другой стали давать им понемногу денег, чтобы они работали на них, но все с ведома благородного Совета, так что, наконец, купцы, которым очень хотелось заправлять этой выгодной работой, стали приобретать право на это за 300 гульденов. С тех пор стало 12 мастерских и сверх того появление их не допускается, они имеют четырех присяжных мастеров. Этим 12 стали называть ферлегерами (verleger), так как есть много еще других, но они — только штюкверкеры (stückwerker). Имеется также 12 торговцев золотом и серебром, которые имеют право отдавать сплющивать купленную у ферлегеров проволоку, наматывая ее на катушки или унции, и торговать ими здесь и на вывоз»²⁸. Совершенно аналогичную картину рисует Рот в отношении ремесла щеточников²⁹. Термин «ферлегер», таким образом, постепенно стал обозначать не только купца, но и мастера, выступающего как посредник между штюкверкерами и скупщиком. Так же точно среди различных ремесел, связанных с производством медных изделий, к XVII—XVIII вв. ферлегерами стали называться литейщики, так как они, приобретая от торговцев медью сырье, делали заказ формовщикам, а затем изготовленные отливки раздавали для обработки прокатчикам, токарям, изготовителям гирь, весов, колец, светильников и т. д.³⁰

Таким образом, в развитии системы ферлегерства следует

²⁸ Мурр, *op. cit.*, V, S. 88—89.

²⁹ J. F. Roth, *op. cit.*, Bd. III, S. 25.

³⁰ J. F. Roth, *op. cit.*, Bd. III, S. 173—174. Характерно, что уже в XVI в. литейщики меди выступают с требованием подчинения им всех изготовителей изделий из меди (ср. Т. Н. Намре, *op. cit.*, S. 26, № 188).

видеть один из важнейших путей внедрения раннекапиталистических отношений в Германии XVI в. — именно путь консервативного сохранения структуры цеха, даже создания совершенно искусственно этой структуры в интересах скрытой капиталистической эксплуатации. Воздерживаясь в данном случае от более глубоких выводов, мы ограничимся этим, поскольку именно ферлегерство оказало значительное воздействие на всю дальнейшую судьбу социально-экономического развития Германии вплоть до XIX века.

В. А. Якубский

К вопросу о методике определения численности городского населения в Польше XVI—XVII веков

Мимо вопроса об абсолютной и относительной численности городского населения в Польше XVI—XVII вв. не пройти полонисту, занимающемуся экономическими и социальными проблемами этой эпохи. Стало традицией при оценке происходивших в Речи Посполитой сдвигов оперировать сведениями о динамике городского, в первую очередь — ремесленного люда. Слишком важные аспекты общественной жизни феодально-крепостнического Польского государства зависели от удельного веса мещан в классовой структуре страны, от соотношения между различными социальными слоями внутри самого города и т. п., чтобы можно было здесь пренебречь демографией. Есть еще причина, которая заставляет отводить демографическим выкладкам почетное место при изучении истории города и страны: нехватка прямых сведений по некоторым вопросам (например, о потребности польского города в сельскохозяйственных продуктах, что немаловажно для дискуссии о примате внутреннего или внешнего рынка в фольварочной Польше) вынуждает прибегать к косвенным подсчетам, беря за исходные величины сведения о численности мещанства и его составных элементов.

Если на основе демографических данных делаются ответственные и широкие выводы, то естественно желание убедиться в том, насколько полны и достоверны наши представления о числе жителей в городах Речи Посполитой и насколько удачна принятая в исторической литературе методика обработки таких данных. Дополнительное основание для подобного обзора — пестрота приводимых историками цифр. В статье

сделана попытка выяснить, откуда, в каком объеме и, так сказать, какого качества идет наша основная информация о численности горожан. При этом мы ограничиваемся источниками и исследованиями, относящимися по преимуществу к Малой Польше, то есть к трем южным воеводствам, которые по населению составляли больше трети Польского королевства (без украинских земель).

Простейший показатель уровня урбанизации — количество городов, и такого рода подсчеты — локальные и общепольские — производились много раз, начиная с А. Павиньского¹. Интенсивный в XIII—XIV вв., процесс образования новых городов затем замедляется. В лучшем освоенных западных районах, на Краковщине, он закончился к середине XVI в. В 1564 г. Спытек Иордан из Закличина основал местечко Ильманову (Лиманову), но это осталось исключением. В прежде малонаселенных поветах Сandomирского и Люблинского воеводств локация продолжалась. Миколаем Реем в 1554 г. была заложена Окса; магнат Кшиштоф Глова в 1570 г. повелел раскорчевать лес и поставить на пересекавшем Сandomирскую пущу торговом тракте городок Гловув (название потом трансформировалось в Глогув) и т. д. Новые местечки — частновладельческие; королевских было всего несколько².

Под конец XVI в. на территории Малой Польши было около двухсот городов: в Краковском воеводстве — 75, Сandomирском — 100, Люблинском — 34 (деревень соответственно: 2206, 2586 и 663). За XVII—XVIII вв. их прибыло еще несколько десятков, и после первого раздела, отнявшего малопольские земли к югу от Кракова, их стало 157 (там, где в XVI в. насчитывалось 132 города).

В эпоху Возрождения в среднем один город приходился на 270 квадратных километров, то есть к нему примыкала округа радиусом в 9—10 километров³. В таких условиях, как отметил Я. Малецкий⁴, крестьянину было нетрудно успеть за день

¹ Polska XVI w. pod względem geograficzno-statystycznym, opisana przez A. Pawińskiego, t. 3, Warszawa, 1886—Wstęp, str. 20—22.

² Сигизмунд II Август превратил в город свою деревню Острув, приравляя к ней куски окрестных земель так, что городские власти потом уподоблялись владения Острува пласу нищего (Lustracja województwa lubelskiego, 1565, Wrocław, 1959, str. 77).

³ На самом деле большинство городов было собрано в долине Вислы. В лесах Люблинщины, в предгорьях они растянулись по нитям трактов, соединявших Польшу с Литвой и Венгрией, Германией и Русью.

⁴ J. Malecki. Studia nad gunkiem regionalnym Krakowa w XVI w. Warszawa, 1963, str. 63.

сездить на городской рынок и, продав свой товар и купив необходимое, вернуться домой.

Такие расчеты выразительны и, что немаловажно, технически просты. Но они построены по формальному признаку: было у селения городское право или нет. Заметных центров ремесла и торговли, которые бы *de iure* оставались деревнями, в XVI—XVII вв. не было. Зато многие слабые земледельческие поселки добились городского права, пользуясь в этом поддержкой своих владельцев, — метаморфоза не только щекотала самолюбие феодала, но и обещала, хотя бы в далеком будущем, доходы от торговли и промыслов. Ожидания не всегда оправдывались, и, к примеру, названный выше Гловув, даже обзаведясь в 1578 г. королевской грамотой, рос медленно и туго⁵.

Подсчеты осложняются тем, что современники порой не соблюдали точности в терминологии, а, может быть, и поневоле путались в ней. В люблинском податном реестре 1626 г. Правно названо местечком, хотя в других актах фигурировало как деревня; Лачухув же там считался деревней, тогда как в реестре 1628 г. он поименован городом⁶. Спорно зачисление в самостоятельные города пригородов. Выросшие под боком у Кракова Казимеж и Клепаж, издавна обособленные, сомнений не вызывают. Но как быть, например, с расположенным там же епископским предместьем-юридигой (селением, изъятым из-под городской юрисдикции) Бискупе? Не было единомыслия в источниках, и в ученых трудах Бискупе выступает то как отдельный город, то как часть Кракова.

Счет по городам, во всяком случае, остается вспомогательным средством, которое не может заменить собственно демографических выкладок. Прежде чем переходить к ним, стоит напомнить об обстоятельствах, затрудняющих работу историку даже тогда, когда налицо богатый цифровой материал. Во-первых, численность населения в средневековом городе — величина изменчивая, подверженная отливам и приливам. Если верить записи, сделанной на копии одного краковского цехового статута, в 1544 г. в столице погибло от мора 24 300 человек, не считая тех, кого хоронили тайком⁷. Сравнение этой

⁵ См.: F. Kotula. *Głowów renesansowe miasteczko*. «Biuletyn Historii Sztuki», 1954.

⁶ *Rejestr poborowy województwa lubelskiego*. Oprac. J. Kolasa i K. Szuster. Wrocław, 1957, str. 39, 92.

⁷ *Prawa, przywileje i statuta m. Krakowa*. Wyd. F. Piekosinski. t. I, Kraków, 1885, str. 420.

цифры, при всей ее условности, с новейшими данными, по которым в Кракове XVI в. было около 20 тысяч обитателей⁸, неплохо иллюстрирует амплитуду демографических колебаний. Во-вторых, наши сведения относятся по преимуществу к зажиточным горожанам. Лишенные недвижимости и сколько-нибудь значительного движимого имущества, не пользовавшиеся правами гражданства, городские низы редко и неполно учитывались источниками. В-третьих, города обрастали пригородами, ремесленными селами; в сами города проникали инородные тела — принадлежавшие феодалам дворы и целые селения, которые выпадали из-под ведения городских властей. Поэтому понятия «город» и «ремесленно-торговое поселение» могли совпадать не полностью: скопление ремесленников и торговцев в юридиках не означало роста города в узком значении слова.

XVI—XVII вв. несравненно богаче источниками, чем предшествовавшие столетия. Но если речь идет не о локальном исследовании, которое может опереться на чудом уцелевший, чуть ли не единственный в своем роде документ, то все равно демограф не располагает широкими возможностями выбора.

Будущее исторической демографии нередко видят в обработке метрических книг, содержащих записи о крещениях, венчаниях, похоронах. В Польше изыскания такого рода ведутся давно. Но состояние уцелевших метрик таково, что — по крайней мере, на сегодняшний день — затраты труда не вполне окупаются результатами⁹.

Люстрации (описи королевских имений), производившиеся периодически, начиная с 1565 г., охватывали только королевские города; в них не всегда есть нужные сведения о числе домов или количестве жителей. Описи церковных владений (визитации) обладают сходными недостатками. Сведения о населении в инвентарях частновладельческих городов — вовсе редкость. Объединить эти три вида источников, построенных по разным принципам и обычно несовместимых хронологически, — дело почти безнадежное.

Следовательно, остаются податные реестры — памятник, близкий по духу русским писцовым книгам. Они охватывали все — королевские, церковные, шляхетские — города (правда,

⁸ *Kraków. Studia nad rozwojem miasta*. Praca zbiorowa pod red. J. Dabrowskiego. Kraków, 1957, str. 203.

⁹ См.: I. Gieysztorowa. *Od metryk do szacunków ludności*. — «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej» (в дальнейшем сокращенно: КНKM), 1964, N 2, str. 283—298.

кроме тех, что были освобождены от подати из-за пожара или по другой причине) и фиксировали ряд показателей: размеры шоса (подати с внутригородской недвижимости), поступления с пригородных земель, от ремесленников и мелких торговцев, от плебса, а также от мельниц и пр.¹⁰

Общих данных о числе горожан в реестре нет, так как не было всеобщей подушной подати. Купцы со своих торговых операций платили особо и в реестрах лишь подразумеваются среди плательщиков шоса (ежели владели недвижимым имуществом). Порядок сбора самого шоса нам почти неизвестен. Сборщики в редких случаях раскрывали ход своих расчетов. 5 гривен 6 грошей сбросили они в 1581 г. на 14 погоревших домов в Прошовицах¹¹. В 1629 г., когда побор собирали в учетверенном размере, убыток казне от сгоревших в Усьце Сольном 38 домов составил по 24 гроша от здания¹². Люблинские сборщики 1626 г. в Быхаве взяли от 10 рыночных домов по 6 грошей, а от 18 уличных — по 4 гроша. В Клочковицах платили по тем же ставкам с 10 рыночных и 7 уличных домов, и, кроме того, было взято по 2 гроша с 8 домов, «пришедших в упадок»¹³. При обложении как-то учитывалось наличие огородов и их размеры¹⁴.

Не говоря уж о том, насколько полны указываемые в реестрах числа (а известно, что законные и незаконные освобождения от подати были в порядке вещей), ясно, что демографу здесь не обойтись без косвенных и комбинированных подсчетов. Какой из показателей податного реестра положить в основу?

«Едиственной меркой, которая способна дать некоторое понятие о городском населении, является цифра шоса», — утверждал почти сто лет назад основоположник историко-статистических исследований в Польше А. Павиньский, не доверяя сведениям реестров о ремесленниках и о земельных владе-

¹⁰ Для примера — одна из записей в краковском реестре 1629 г.: Новый Тарг — королевский. 8 мая новотаргский радник Миколай Петркович отдал учетверенный побор с этого местечка таким образом: шос с домов — 70 злотых 4 гроша, от 6 городских ланов — 24 зл., от 6 коморников — 4 зл. 24 гр., от 2 сапожников — 4 зл., от одного кузнеца — 2 зл., от 2 ремесленников — 4 зл., от 2 мясников — 4 зл. Сумма — 112 злотых 28 грошей» (Rejestr poborowy województwa krakowskiego z r. 1629. Oprac. W Dunin i in. Wrocław, 1956, str. 250).

¹¹ Polska XVI w. ..., str. 160.

¹² Rejestr poborowy... z r. 1629..., str. 248.

¹³ Rejestr poborowy w-wa lubelskiego..., str. 66, 108.

¹⁴ Там же, стр. 6.

ниях¹⁵. Используя отрывочные данные люстраций и другие материалы, он вывел соотношение между численностью горожан и размерами шоса: «Один злотый в среднем соответствовал 4—5 городским домам, на которые в свою очередь приходится около 24 душ». Исследователь, отдавая себе отчет в приблизительности коэффициентов, взял минимальные величины. Все городское население Малой Польши в конце XVI в. А. Павиньский исчислил в 172 тысячи человек¹⁶.

О попытке узнать размеры населения, умножая сумму шоса на 24, недвусмысленно высказался краковский статистик В. Черкавский: «Метод этот целиком неверен и разве что в виде исключения и случайно дает истинные результаты»¹⁷. Так начался спор, который длится поныне. Оппоненты А. Павиньского и его последователей приводят примеры, где не улавливается связи между числом жителей и шосом. Обращено внимание, что местами шос не менялся на протяжении десятилетий. Едва ли в Чхуве¹⁸ и других городах, где подать оказалась замороженной, все это время население — или хотя бы застройка — были целиком стабильны. Очевидно, шос кое-где приобрел характер фиксированного побора.

В. Куля, чей авторитет в области историко-демографических исследований общепризнан, критикуя метод А. Павиньского, тем не менее заключил: «Поскольку до сих пор у нас нет другой базы для оценки численности населения польских городов в конце XVI в., мы вынуждены, целиком сознавая произвольность подсчетов, опираться на сведения о взимании шоса»¹⁹. В своих конкретных исследованиях он лишь увеличил коэффициент на 50% (то есть принял, что за каждым злотым шоса стояла не 24 горожанина, а 36). У него получилось, что в городах Краковского воеводства жило 136 тысяч человек (30% всего населения), Сандомирского воеводства — 104,2 тысячи человек (21,4%), Люблинского воеводства — 18,2 тысячи человек (14,5)²⁰.

¹⁵ Polska XVI w., ... Wstep, str. 46.

¹⁶ Там же, стр. 48.

¹⁷ W. Czernkawski. Metoda badania zaludnienia Polski w XVI w. — «Sprawozdania z czynnosci i posiedzen Akademii Umietnosci», 1897, N 2, str. 10.

¹⁸ Ср.: Polska XVI w..., str. 154; Rejestr poborowy... z r. 1629..., str. 247; Rejestr poborowy województwa krakowskiego z r. 1680. Oprac. E. Trzyna i St. Zyga. Wrocław, 1959, str. 270.

¹⁹ W. Kula. Stan i potrzeby badan nad demografia historyczna dawnej Polski. «Roczniki Dziejow Spoecznych i Gospodarczych», t. 13, Poznan, 1951, str. 64.

²⁰ Там же, стр. 65, 66, 69, 104.

Цифры не притязали на точность — автор с подкупающей откровенностью говорит о «произвольности подсчетов». Ее, эту произвольность, не мог преодолеть и другой исследователь, Е. Фильрозе²¹. Понятно, насколько была привлекательна идея использовать, несмотря на категоричность предупреждений А. Павиньского и В. Кули, другие статьи обложения в податных реестрах. Спустя четыре года после появления статьи В. Кули это было сделано Ст. Жигой — на материале краковского реестра 1629 года²².

Отодвинув в сторону шос как показатель окостеневший и нереальный, Ст. Жига решил рассматривать население города как сумму трех порознь определяемых слагаемых: ремесленники + земледельцы + плебс. Численность торгово-ремесленного люда (вместе с семьями) узнавалась умножением соответствующих цифр реестра на 6. Для плебса был взят меньший коэффициент — 5: предполагалось, что семьи коморников и загородников были малочисленнее. Умножение числа принадлежавших городу ланов (лан = 16,8 га) на 17 призвано было дать информацию о количестве горожан-хлеборобов.

В 71 городе Краковщины, охваченном реестром, ученый насчитал торгово-ремесленного населения — 20 тысяч человек (около 3 300 плательщиков) плебса — менее 4 700 человек (930 плательщиков) и 9 200 земледельцев, сидевших на 541 лане. Итого — примерно 33 000 человек²³.

Те же приемы и те же коэффициенты применил при обработке краковского реестра 1581 г. (того, на котором базировался В. Куля) Я. Малецкий. Его результаты мало отличались от полученных Ст. Жигой: всего городских жителей учтено неполных 37 тысяч чел.²⁴

Обосновывая предпочтительность своей методики, оба автора — Ст. Жига и Я. Малецкий — ссылались на чешского ученого Ф. Кавку, немецкого историка Х. Йехта и др. Но они не заметили, что такой вариант выкладок еще в XIX в. попробовал применить все тот же А. Павиньский, но не пожелал его широко использовать, положившись на шос. Впрочем, выяснение генеалогии еще мало что говорит о достоинствах метода.

²¹ E. Wielrose. Ludność Polski od X do XVIII w. — КНKM, 1957, N 1.

²² Его работа, первоначально опубликованная в сборнике «Ze Skarbcza Kultury» (Wrocław, N 1/7), вошла в коллективное введение к публикации: Rejestr poborowy... z r. 1629...

²³ Там же, стр. LXVI—LXXV.

²⁴ J. Malecki. Studia and rynkiem..., str. 64—65.

Очевидным преимуществом подсчетов Ст. Жиги и Я. Малецкого является их дифференцированность. Они показывают профессиональную, правильнее даже сказать — социальную структуру городского населения. Появляется возможность классифицировать города по их профилю — преобладало там ремесленно-торговое население или земледельческое.

Ст. Жига предпринял такую классификацию и пришел к заключению, что в первой трети XVII в. земледелие оставалось главным занятием жителей в 48 городах Краковского воеводства. Только Краков с Бискупем, Казимеж, Клепаж, Хжанув, Олькуш, Новый Сонч и Беч он счел достойными названия подлинных ремесленно-торговых центров, отметив, что еще в 15 городах ремесленники преобладали над земледельцами. Отсюда вывод: «больше двух третей городов и местечек были городами только с юридической точки зрения»²⁵. У Я. Малецкого сложилось более благоприятное мнение: «большинство городов наверняка были городами с точки зрения не только формально-правовой, но также и хозяйственной»²⁶. Он нашел, что в 9 городах (Краков, Казимеж, Олькуш, Хжанув, Иорданув, Грибув, Дукля, Шекоцины) ремесленники и торговцы составляли свыше $\frac{3}{4}$ обывателей и только в 28 селениях земледельцы доминировали.

Откуда такая разница при сходных цифровых данных и одинаковых приемах подсчета? Оказывается, Ст. Жига все-таки не положился на предложенный им же принцип, так сказать, сортировки городов и скорректировал результаты с помощью дополнительных сведений. Потому Бендзин попал не в земледельческие местечки, хотя хлеборобов там было больше (408 против 402 ремесленников). Но Бендзин — исключение: он переведен в высшую группу из низшей. В десятках же случаев перевод совершался в обратном направлении, и такие пункты, как Иорданув, которым надлежало числиться ремесленными центрами (в Иордануве — полтора лана и 23 ремесленника), попали в самый низший разряд аграрных местечек.

Поправки не лишены смысла. Тот же Иорданув, который у Я. Малецкого стоит в одной группе с Краковым, представлял собой, как известно по ряду свидетельств, действительно захудалый городок. Но если поправки делаются в массовом по-

²⁵ Rejestr poborowy... z r. 1629..., str. LXXIII.

²⁶ J. Malecki. Studia nad rynkiem..., str. 67.

рядке, то что остается от отстаиваемой Ст. Жигой методики? Классификация попросту отрывается от податного реестра. У подсчетов и выводов Я. Малецкого то неоспоримое преимущество, что в них принцип выдержан до конца, хотя бы и в ущерб правдоподобию.

Оба исследователя не сомневались в том, что полученные ими величины минимальны, иногда будучи в несколько раз меньше действительных. Поэтому не так уж должна смущать громадная разница между цифрами В. Кули и Ст. Жиги — Я. Малецкого (там, где первый нашел 136 тысяч горожан, два противника расчетов по шосу насчитали меньше 40 тысяч). Выход из положения можно было бы найти в надлежащем увеличении коэффициентов семейности, таким образом нейтрализовав пропуск в реестрах многих цеховых мастеров, коморников и др. Для определения численности ремесленников и плебса такой путь стоило бы испробовать. Надежных результатов для каждого из селений ожидать, само собой разумеется, не следует, но глобальные величины будут более приемлемыми.

Зато слишком спорным и даже в своей основе неверным представляется исчисление земледельческого населения. Коэффициент 17 или поправки к нему трудно чем-нибудь подтвердить, потому что нужного здесь цифрового материала почти что нет. Коэффициент был получен путем увеличения в полтора раза аналогичного множителя А. Павиньского для деревни (который, как давно установлено, был занижен).

О порядках в городском землевладении известно очень мало. Но совершенно ясно, что отождествлять занятых сельским хозяйством горожан с людьми, сидящими на принадлежащих городу ланах, не следует. При использовании же методики Ст. Жиги — Я. Малецкого такое отождествление происходит.

Те ланы, с которых платилась в XVI—XVII вв. подать, являли собой наследие времен основания городов на так называемом немецком праве. Пожалованные локационной грамотой окрестные земли оставались у города на будущие времена, если только не вмешивались чрезвычайные обстоятельства — чаще всего прямые захваты соседними феодалами (жалобы на это в изобилии встречаются в источниках). Не случайно в податных реестрах число ланов чрезвычайно стабильно.

Получается, что один из основных демографических параметров XVI—XVII вв. был задан еще где-то в XIII—XV вв., а

поправки в него вносили феодалы, когда присваивали себе городские владения. Приходим к парадоксальному выводу: чем меньше мог городок постоять за себя, то есть чем слабее он был, тем лучше. Ведь зачисление города в разряд торговых-ремесленных центров, по классификации Ст. Жиги и Я. Малецкого, стоит в прямой зависимости от того, насколько успешно были расхвачены городские ланы соседними шляхтичами.

Не было ланов у местечка Яслиски, и это селение, с которого в 1581 г. брали всего-то 4 злотых 4 гроша шоса и поборы шести ремесленников и трех коморников²⁷, автоматически выдвигается в ряды городов с преобладанием ремесленного люда²⁸. Яслиска не была одинокой. Сборщики подати не пометили ланов ни в Кракове (потерявшем земли в наказание за бунт патрициата против князя Владислава Локотка в начале XIV в.), ни в Олькуше, ни в ряде других — больших и малых — городов. И вовсе не следует отсюда, что там не было мещан, кормившихся земледелием. Напротив, присутствие сельскохозяйственного населения документально засвидетельствовано даже в таком крупнейшем торгово-ремесленном центре Малой Польши, каким был Краков.

Если же смотреть не на внутреннюю структуру, а на общие размеры населения, то такой метод сразу возносит небольшой городок, владевший большими землями, в число многолюдных селений. В Липнице, например, при скромном шосе (38 злотых 12 грошей) заплатили подать 24 мастера и 27 коморников и загородников²⁹. По принятым переводным коэффициентам это соответствует 279 обывателям. Но Липница владела 43½ ланами, и это разительно меняет картину: 17 чел. × 43,5 = 740 человек землепашцев, что выводит городок по размерам населения, согласно таблице Я. Малецкого³⁰, на десятое место в Краковском воеводстве. Но можно ли так считать? Во-первых, на городских ланах зачастую стояли самые обычные (только зависевшие от городских властей) деревни, обитатели которых ни формально, ни по существу не были горожанами. Во-вторых, случалось и так, что часть локационных ланов оставалась нераспаханной и необжитой, хотя подать с нее платили.

²⁷ Polska XVI w. ..., str. 152.

²⁸ J. Malecki. Studia nad rynkiem..., str. 65.

²⁹ Polska XVI w. ..., str. 154.

³⁰ J. Malecki. Studia nad rynkiem..., str. 64—65.

Приходится сделать вывод, что в нашем случае счет по городским ланам ничего дать не способен.

Признание же беспочвенности подсчетов численности земледельческого населения в городе по податным реестрам равносильно отказу от той методики, какую ввели в обиход Ст. Жига и Я. Малецкий. Что тогда делать? Вернуться к шосу? В последние годы критицизм по отношению к «безнадежным» опытам с шосом усилился.³¹ Нисколько не веря построенным на суммах шоса выкладкам (и не выразив своего отношения к методу Ст. Жига — Я. Малецкого, возможно потому, что он не был приложен в общепольских масштабах), И. Гейшторова в обзоре историкодемографических исследований³², по-видимому по этой причине, не выделила рубеж XVI в., все варианты исчислений для которого, как известно, построены на податных реестрах.

Итак, или откладывание демографических подсчетов до тех пор, пока не найдется подходящая замена податным реестрам, или возврат к «произвольным подсчетам» (В. Куля) по шосу. С точки зрения потребностей современной исторической науки в демографическом материале большой разницы между этими двумя решениями нет.

Но, может быть, дела обстоят не так уж плохо. Стоит еще раз сопоставить величины шоса с другими заключенными в реестрах данными, используя возможности корреляционно-го метода.

В качестве примера возьмем податный реестр Люблинского и Ужендовского поветов Люблинского воеводства 1626 года³³. В этих поветах было 30 городов. Люблин из сопоставления придется изъять: по своим размерам он намного превосходил все прочие селения (его шос — не считая платежей с пригородов — составлял 192 злотых), и, как водилось в больших городах, налогообложение строилось здесь по-особому. Выпадают также Острув и Маркушув, но по другой причине: они незадолго до того пострадали от пожаров и потому пользовались льготами.

Если на глаз попарно сопоставить первый ряд (суммы шоса по 27 городам) со вторым (количество мастеров, которые в этих же городах были обложены податью) и первый ряд с третьим (размеры земельных владений у тех же городов), то

³¹ I. Gieysztorowa. *Badania nad historia zaludnienia Polski*. — КНҚМ, 1963, N 3—4, str. 539.

³² I. Gieysztorowa. *Research into the demogaphic history of Poland*. «Acta Poloniae Historica», t. 18, Wrocław, 1968.

³³ *Rejestr poborowy województwa lubelskiego...*, str. 3—155.

Города	Шос (в злотых и грошах)	Ремесленники (чел.)	Земля (ланы)
	33—22,5	92	90,75
1. Ужендув	28—24	109	8
2. Курув	26—05	84	16
3. Ленчна	25—18	87	22
4. Красник	20—00	42	9
5. Белгорай	11—06	66	8
6. Казимеж	10—20	51	60
7. Парчув	9—28	19	—
8. Высоке	9—15	10	3,5
9. Чемерники	9—06	27	8
10. Каменка	9—02	2	3
11. Мнихув	8—27	65	17,5
12. Белжице	8—00	25	17
13. Бискупнице	8—00	22	5
14. Ходель	8—00	32	2
15. Баранув	8—00	10	10
16. Пухачув	8—00	9	5,5
17. Пяски	6—00	27	10
18. Левартув	5—29	26	4
19. Коньска Воля	5—18	27	2,5
20. Заклинув	4—15	13	13,5
21. Вонвельница	4—12	23	6
22. Быхава	4—00	43	17,5
23. Горай	3—22	8	5
24. Фирлеюв	3—14	9	4
25. Кличковице	2—10	3	5
26. Рава	1—23	11	1,5
27. Радомышль			

наши наблюдения едва ли пойдут дальше того, что зависимость сомнительна в первом случае и вовсе не заметна во втором.

Но измерим тесноту связи между рядами математически, прибегнув к вычислению коэффициента корреляции. Для шоса и размеров ремесленного населения r (коэффициент корреляции) оказывается высоким: $+0,8$. Связь между шосом и количеством ланов гораздо менее тесна: $r \approx +0,4$.

Аналогичные результаты получены при обработке краковского податного реестра 1629 г. По тем же соображениям, что и Люблин, в сопоставляемые ряды не был включен Краков со своими сателлитами — Казимежем и Клепажем. Не вошли туда также 12 городов, по разным причинам полностью или частично освобожденных от податей. Для оставшихся 52 городов материал был организован так же, как в люблинском примере, и были произведены измерения корреляционной зависимости

мости. Для пары: шос и земельные владения — связь оказывается столь слаба, что ею смело можно пренебречь. Размерь шоса и количество ремесленников находились, как видно, в тесной, недалеко ушедшей от функциональной, связи ($r = +0,85$).

Высокий, приближающийся к единице, коэффициент корреляции, как известно, еще не дает ручательства в том, что между сравниваемыми рядами существовала реальная связь. Историческая статистика собрала достаточно примеров многих связей, на первый взгляд казавшихся чуть ли не линейной зависимостью. Однако в нашем случае нет никаких указаний на возможность простого совпадения (хотя дальнейшая проверка и расширение источниковедческой базы, разумеется, необходимы).

Как расшифровывается эта связь? Во взаимообусловленность обоих компонентов (суммы шоса и численность мастеров) поверить трудно. Шос все-таки — налог с недвижимости. Помимо ремесленников (вместе с торговцами), были и другие домовладельцы — плательщики шоса, не говоря о том, что ставки дифференцировались. Правдоподобнее предположить, что эти два ряда связаны друг с другом не непосредственно, а через третий ряд, нам неизвестный.

Возможно, этот гипотетический ряд могли составлять данные о количестве домов — с таким показателем вполне могли бы коррелировать и шос, и число цеховых мастеров в городе.

Пока это только догадки. Но в любом случае, как представляется, обнаруженная тесная связь придает вычислению размеров городского (в первую очередь — ремесленно-торгового) населения по шосу некоторую убедительность, служа аргументом против гиперкритицизма по отношению к расчетам, которые строятся на суммах шоса.

СООБЩЕНИЯ

В. И. Рутенбург

Донесения из Венеции и Милана о событиях в Генуе в 1575 году

В 1575 году послы итальянских правителей были встревожены сведениями, поступавшими из Генуи. Эти сведения они черпали в кругах, близких к правительственным инстанциям различных итальянских государств. Так, например, посол венецианского герцога Пьеро Аввогардо, связанного с видным венецианским сенатором, который показал ему свою речь, пригласившую для выступления в Сенате в поддержку союза Светлейшей республики с Флоренцией¹. Стремление к «более совершенному и глубокому взаимопониманию»² было вызвано не только общетальянскими условиями, но и осложнявшими их событиями в Генуе. Об этом свидетельствуют неопубликованные документы из фонда «Медичейского принципата», хранящиеся в Государственном архиве Флоренции.

Католический король, христианнейший король, папа — каждый по-своему, как сообщает Урбани, ищут путей «к улаживанию генуэзских дел», однако все эти попытки «приводят в отчаяние, так как этот город (Генуя), при наличии такого рода правления, может потребовать продолжительного времени» для решения всех дел. Поэтому «эти синьоры (испанский

¹ «Et a me conferito il conte Piero Avvogardo che da un' senatore di molta autorita gli è stato mostro un discorso, il quale tratta assai largamente quanto sarebbe utile, che [лакуна] se stabilisse una lega... fra questa Repubblica e Vostra Serenita» (Archivio di Stato di Firenze. Mediceo del Principato, registro 2967, донесение 21. V. 1575 г., р. 342. Дальше: ASF, Med.).

² «...una perfetta e sicura intelligentia» (Ibid.).

и французский король) старались убедить монсиньора нунция вмешаться, используя свое высокое положение, прежде всего показав чрезвычайное недовольство, — проявленное в решении его святейшества, — вызванное тем, что весь мир будет роптать, а враги обеих сторон радоваться такому усложнению дел» (в Генуе) ³.

«Генуэзские дела» в области внутрисударственных противоречий выражались в острой борьбе «старых» и «новых» нобилей, последние из которых искали опоры у пополанов и плебса Генуи. Мощная в экономическом отношении, однако ограниченная в отношении политических прав, группировка «новых» весной 1575 г. довела дело до восстания, результатом которого было бегство из города «старых» нобилей. Движение принимало все более ярко выраженный демократический характер, что, по словам историка XVI в. Филиппо Казони, угрожало «опасным объединением народа» ⁴. Последнее не замедлило себя проявить: в мае 1575 г. вспыхнуло восстание плебса и пополанов, перешедшее через границы партийных споров «старых» и «новых» нобилей.

Алессандро Верри, посол великого герцога Тосканского в Милане, сообщает своему господину о том, что «генуэзцы снова вооружают народ и заперли ворота города... Они также заключили около 20 человек, из которых 6 шли к вице-легату, чтобы объявить ему, что каждый из них имел за собой по 150 голосов, тех, которые хотели бы, чтобы с них сняли все налоги на продукты питания и которые хотели провозгласить: «Да здравствует народ!» ⁵.

Урбани в донесении из Венеции подчеркивает остроту положения в Генуе, считая, что причиной этих нежелательных волнений являются «в этом городе либо новая книга (злокозненного характера), либо (разгоревшиеся) страсти, или же

³ «...l'accordamento delle cose di Genova si ha come perperate e perchè quella Città possa dar'lungo tempo con questo modo presente di governo. Hanno questi signori cercato di persuader' Monsignor Nuntio a intervenire alla solennità come prima con mostrare infinito dispiacere di questa resolutione di Sua Santità per cagione che sarà il mondo di mormorare e gli nimici di ambe le parti di rallegarsene» (Ibid., 14. V. 1575, p. 337—338).

⁴ «...la temuta unione del Popolo» (F. Casoni. Annali della Repubblica di Genova secolo decimo sesto, Genova, 1708, p. 316).

⁵ «Genovesi... di nuovo facciamo star la Gente armata et le porte della città serrate, ...havendo anco fatto carcerare circa 20 persone, de quali n'erano andati sei dal Vicelegato ad annunciarli che havevano 150 voci per ciascuno, quali volevano, che si levassero tutte le gabelle delle vittovaglie et che volevano gridare viva, viva il Popolo...» (ASF, Med., reg. 3114, III. V. 1575, p. 207).

люди, которые имеют привычку творить (беспорядки)» ⁶.

Папство, заинтересованное в сохранении статус-кво в Италии, выступило в качестве активного умиротворителя: «говоря, — сообщает Урбани, — о намерении кардинала Мороне вести переговоры (в связи) с такими беспорядками в Генуе» ⁷.

Испания готова была применить военную силу, «желая использовать для этих целей синьора дон Хуана Австрийского, который уже тайно направился в Италию. В этом городе (Генуе) слышали о приготовлениях его католического величества, (почему и) были приняты меры для усиления его безопасности» ⁸. Действительно, как пишет Филиппо Казони, испанский военачальник «дон Хуан с могучей армадой галер, заполненных испанской пехотой, отправился из порта Барселоны и вскоре показался в Лигурийском море» ⁹.

Рим, Мадрид и Париж, Венеция, Милан и Флоренция были наготове в связи «с событиями, столь опасными, как эти генуэзские беспорядки» ¹⁰, грозившие общеевропейской войной. «Генуэзское восстание, — писал Урбани, — показывает необходимость изыскать любые другие условия, чем те, в которых находятся ныне при этих разногласиях, и лучше всего было бы, если бы папа, так же как и все другие государи Италии, — а они должны это сделать, — подавили бы все споры и частные недовольства, и находились бы в единственном

⁶ «...in questa Città o da nove libro, o da appassiamente, o genti che hanno che fare...» (ASF, Med., 7. V. 1375, p. 332).

⁷ «habbia mormorato che di l'intenzione del Cardinal' Morone sia di intratener' tanto quei garbugli di Genova» (Ibid.). Ценнейший материал о дипломатической миссии кардинала Мороне находится в подробно изученном нами фонде его легации, хранящемся в западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (см. Л. Г. Катушкина. Фонд генуэзской легации кардинала Джованни Мороне 1575—1576 гг. в собрании Архива ЛОИИ СССР АН СССР. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. III, Л., 1970, стр. 333—350). Без этого фонда немисливо изучение генуэзского восстания, что будет предметом нашего специального рассмотрения.

⁸ «...Spagnia... voler fare essere per tale effetti il Signor Don Giovanni d'Austria... se tratti già incognito in Italia. Hanno in questa Città questi preparamenti di Sua Magesta Cattolica molto moto de sicurezza udendo...» (ASF, Med. 7. V. 1375, p. 332).

⁹ «D. Giovanni con una potente armata di galee ben fornite di presidio di fanterie spagnuole, spicatosi dal porto di Barcellona, si fece vedere assai presto nel mare Ligurico» (F. Casoni. Op. cit., p. 326).

¹⁰ «L'occasione tanto pericolosa di questi garbugli genovesi» (ASF, Med., 7. V. 1575, p. 333).

стремлении к тому, чтобы вести игру в общих интересах»¹¹.

Таковы отдельные весьма любопытные данные и, более того, набросок общенациональной политической программы, вытекающие из неопубликованных дипломатических донесений из Венеции и Милана в связи с генуэзскими событиями 1575 года.

¹¹ «Sollevatione di Genova ricerchino ogni altra cosa che stare al presente in questi disparere, ma più tosto s'il papa come essi e tutti gli altri principi d'Italia dovessero sosporre [-sottoporre] ogni sdegno particolare, stando solamente intenti a quello che più far' che importi all'interesse comune» (ASF, Med., 21. V. 1575, p. 341—342).

Содержание

СТАТЬИ

С. М. Стам. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности	3
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева. К вопросу о характере балканского города IV—V веков	46
М. Е. Карпачева. Догородские очаги и начало градобразовательного процесса в каркассонском районе в средние века	53
Т. М. Негуляева. Складывание городского патрициата в средневековом Страсбурге (XII—начало XIV в.)	81
А. И. Озолин. Национальный вопрос и гуситская буржуазная оппозиция в годы народного восстания (1419—1437)	111
М. М. Яброва. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации	146
В. В. Штокмар. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI веке	174
А. Н. Немилов. К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге	183
В. А. Якубский. К вопросу о методике определения численности городского населения в Польше XVI—XVII веков	192

СООБЩЕНИЯ

В. И. Рутенбург. Донесения из Венеции и Милана о событиях в Генуе в 1575 году	205
---	-----

78 коп.

интересах» 11.
е и, более то-
граммы, вы-
донесений
обстоятельствами

resen-
altri
lare,
ти-

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974